

A romantic couple embracing by a car at sunset. The man is wearing a grey long-sleeved shirt and light blue jeans, and the woman is wearing a red and white plaid shirt and black leggings. They are standing on a paved surface next to a blue car. The sun is low on the horizon, creating a warm, golden glow. The text "Летние Ночи" is overlaid on the image in a white, serif font.

Летние ночи

* [VK.COM/KN_BOOKS](https://vk.com/kn_books) *

Дж.М. Севилья

Ханна Мэлоун выросла в крайне консервативной и религиозной семье. Ей диктовали, как одеваться и что делать. Будучи безупречным и послушным ребенком, в душе она хотела большего, хотела жить жизнью, которая бы дарила ей радость.

Дэниел Шепард слишком много пил, курил и спал с кем попало. Ругался так, будто мат — это его родной язык, и боролся со своими чувствами всякий раз, когда они поражали его.

Несмотря на их совершенно разные жизни, эти двое нашли друг друга, разделив ту связь, которую оба старались игнорировать. Пока не настал тот день, когда они больше не могли этому сопротивляться.

«Летние ночи» — это история о запретной любви, о девушке, которой никогда не позволялось иметь то, что она хочет, до тех пор, пока она не сделала смелый шаг и не взяла это сама.

Но у каждого принятого решения есть свои последствия.

Готова ли Ханна пойти на такие жертвы? Некоторые решения не такие легкие; некоторые решения заставляют тебя делать выбор между мужчиной, которого любишь, и семьей, которая никогда не позволит тебе ту жизнь, о которой ты мечтаешь с ним.

ЛЕТНИЕ НОЧИ

Автор: Дж. М. Севилья

Жанр: Современный любовный роман

Рейтинг: 18+

Серия: Вне серии

Главы: Пролог+24 главы+Эпилог

Переводчики: Екатерина Б.

Редактор: Екатерина Л.

Вычитка и оформление: Натали И.

Обложка: Таня П.

— Кто хочет мороженого? — весело спрашивает мой отец, заходя на кухню, где мы с сестрой заканчиваем приготовления к ужину.

Моя намыленная рука взлетает вверх еще до того, как отец успевает закончить фразу.

— Я!

Что угодно, лишь бы выбраться из этого дома, даже если это всего на тридцать минут или около того.

Сейчас вечер пятницы, и у меня нет возможности покинуть дом до вторника, когда я повезу продукты миссис Фрайзер, а это занимает не более двух часов. Два часа в неделю вне дома.

Мне тринадцать, и я задыхаюсь в четырех стенах.

Отец улыбается еще шире, в уголках глаз собираются морщинки.

— Заканчивайте, и мы отправимся.

— Стоит ли Ханне так поздно употреблять сахар? — протестует моя сестра Лорен. — Это для нее время отбоя.

Сестра на пять лет старше меня, хотя ведет себя так, будто старше на десятилетия.

Я подавляю свой хмурый вид, пока яростно чищу кастрюлю, сдерживаясь, чтоб не огрызнуться ей и не получить ремнем от отца.

Почему она всегда вмешивается? Она не моя мама, поэтому я никогда не понимала, зачем она всегда старается вести себя так, как сейчас. Моя старшая сестра Челси говорит в такой манере потому, что была рождена с необходимостью командовать кем-то, находящимся рядом, а я и есть этот кто-то. От этого я чувствую себя великолепно? Неа. По крайней мере, через пару месяцев она выйдет замуж, и я избавлюсь от нее.

— Пффф! — не соглашается папа. — Ей тринадцать, давайте выберемся отсюда в этот пятничный вечер!

Лорен не слишком счастлива, что проиграла, но держит свой рот закрытым по тем же причинам, что и я.

Прямо сейчас я очень хочу показать язык ей в спину. Если бы папы не было в комнате, наверное, я бы так и сделала.

Мы загружаемся в машину. Мама садится на переднее сиденье, а Лорен посередине. Место рядом с ней, которое принадлежало Челси, пусто. Я следую за ней и сажусь на заднее сидение. Хотя я и не против, мне нравится, когда рядом со мной никто не сидит.

Мне всегда казалось странным, что мы рассаживаемся в машине по очередности рождения, но, опять же, ко многому, что происходит в моей семье, у меня есть вопросы. Конечно, я их не задаю. Я очень рано выучила урок не задавать вопросы вслух, но непонимание заставляет меня чувствовать себя посторонней в своей семье. На самом деле, я чувствую себя так везде.

Пока мы едем, я наслаждаюсь пейзажем за окном, впитывая внешний мир, пока могу.

Когда мы прибываем на место, мне становится легче от того, что кроме нас здесь больше никого нет. Я ненавижу, когда люди глазают на нас. Мы отличаемся от них, и они это знают и осуждают нас за это.

У всех женщин в моей семье волосы заплетены в длинные косы, спускающиеся по

спине. Одежда, которую мы носим, это либо платье, либо блузка с юбкой, препятствующие выставлению напоказ «слишком много» кожи, даже в самый разгар лета. Мама полагает, что большинство девушек не из нашей семьи или церкви «одеты слишком открыто, где их скромность?». Это одна из причин, почему мы на домашнем обучении: они не хотят, чтобы мир оказывал влияние на их детей и нарушал нашу консервативную христианскую веру.

Папа делает для нас заказ. Мне кажется это нечестным, по большей части потому, что мне всегда хотелось попробовать радужный шербет. Я даже не уверена, что мне бы он понравился, просто он всегда привлекает мой взгляд. Меня всегда притягивают цвета.

Мне достается мятное с шоколадной крошкой. Снова. Большой сюрприз. Это то, что нравится моему отцу, и это то, что достается и нам. Даже моей маме.

Мы сдвигаем два маленьких стола, чтобы всем поместиться вместе. Я прислоняюсь спиной к стене, медленно облизывая свой рожок, в надежде продлить время нахождения здесь.

Мы молчим. Мы должны вести себя так на людях; отец не одобряет шум. Мы должны быть почтительными и не создавать беспорядка.

Я слышу, как они заходят, прежде, чем вижу их. Громкие шаги, хотя смех еще громче.

Компания подростков за окном попадает в поле моего зрения. Один из них открывает дверь, и громкость их голосов контрастирует с тишиной в помещении. Это потрясает мои чувства.

Папа хмурится в неодобрении. Мама накрывает его руку своей и потирает ее большим пальцем, пытаюсь успокоить его волнение.

Первой я вижу девушку, единственную в компании. Она смеется, пока один из парней, который вдвое больше нее, обхватывает ее за шею и ерошит ей волосы. Еще громче смеясь, она отталкивает его от себя.

Я не совсем уверена, но мне кажется, что она ближе к моему возрасту, но в то же время она как далеко. У нее длинные волосы, прямо как у меня, но если мои скучного песочного цвета, то ее блестящие, каштановые с золотым отливом, свободно ниспадающие с плеч. Ей приходится постоянно убирать их ото рта. Мои глаза скучного орехового цвета, тогда как ее прекрасные бледно-голубые. На ней короткие шорты и рубашка, завязанная спереди, немного открывающая ее живот.

Я краснею и бросаю взгляд на отца. Он слишком занят тем, что сердито косится на них, чтобы заметить, как я пялюсь, так что я возвращаюсь к разглядыванию компании и облизыванию своего рожка.

Мой интерес возрастает, когда я замечаю двух идентичных близнецов. Я никогда раньше не видела близнецов — по крайней мере, идентичных. У них светлые блондинистые волосы, и они одеты в одинаковую одежду: грязную и помятую, но одинаковую. Также у них есть ямочки на щеках, и мне нравятся эти ямочки. Благодаря им парни кажутся более дружелюбными. И милыми. Очень милыми.

Я снова краснею и смотрю на отца, переживая о том, что он может прочитать мои не такие уж чистые мысли. Я чиста. Я сдерживаю вздох облегчения, затем проверяю, не заметила ли Лорен. Я не хочу, чтобы она выдала меня.

В ее глазах потрясение, и я прослеживаю за ее взглядом. Четверо других парней дурачатся, подпрыгивая от волнения, пока выбирают, с каким вкусом взять мороженое, толкают друг друга, одновременно переговариваясь. Среди этого сумасшествия мой взгляд находит единственную цель Лорен. Он стоит, облокотившись предплечьем на прилавок,

вглядываясь вниз на витрину с мороженым. У него мускулистые руки, а приподнявшаяся из-за его позы рубашка показывает его пресс. Я никогда прежде не видела никого с мускулами или кубиками пресса, по крайней мере, не с такими.

Я замираю, рука с рожком застывает в воздухе.

Своей внешностью он затмевает остальных парней. Его темные волосы контрастируют со светлыми глазами. У него суровое выражение лица, не такое радостное, как у остальных, и это только еще больше интригует меня.

Он оглядывается через плечо. Наши взгляды встречаются, и в моем желудке все переворачивается. Со мной никогда прежде такого не случалось. Когда он продолжает смотреть, мое тело дрожит с головы до кончиков пальцев. Один из парней встает перед ним, тот, который почти также красив. Почти.

Он отпихивает его.

— Поосторожней, Мэддокс.

Парень по имени Мэддокс смеется, превращаясь в самого красивого улыбающегося парня, которого я когда-либо видела. Именно в этот момент мое сердце останавливается. Клянусь, так и есть, и это практически парализует меня.

Отец встает, хмурясь.

— Пойдемте.

Я говорю, не подумав, приподняв свой рожок, который начинает капать на мою руку:

— Я не закончила.

— Очень жаль, — провозглашает он, направляясь в сторону двери.

Я опускаюсь на сиденье, в последний раз облизываю рожок и поднимаюсь, чтобы выбросить оставшееся в мусор.

Громкий смех заставляет меня повернуть голову еще один, самый последний раз, прежде чем направиться к машине. Девушка снова смеется, хватаясь за живот, пока ест свой рожок (радужный шербет, я не могу этого не заметить), мороженое размазано по всему ее лицу.

Я не могу припомнить ни одного раза, когда бы я так сильно смеялась, и мне хочется знать, каким человеком надо быть, чтобы его оправдывала такая реакция. Я завидую этой девушке, находящейся в самой гуще всех этих парней, в которых больше жизни, чем во всей моей церкви во время репетиции хора.

Парень, о котором (я это знаю) буду мечтать неделями, снова оглядывается. Я удерживаю его взгляд, пока отец не кричит мне, чтобы я подошла.

Этой ночью я не смыкаю глаз, думая о парне и его друзьях, и о той девушке, которая не делала ничего, кроме как беззаботно смеялась и улыбалась.

Во вторник я все еще думаю о них и отчаянно хочу еще раз взглянуть на этих ребят.

Пока я пристраиваю на багажнике велосипеда еду на неделю для миссис Фрайзер, я принимаю твердое решение. Я поеду на велосипеде вокруг того магазина с мороженым, в надежде наткнуться на них. Это совсем мне не по пути, и, вероятно, у меня будут проблемы,

и вероятно, за это я получу ремня, но мне все равно. В неповиновении своим родителям я вижу нечто ценное, это того стоит. Позже мне следует посмотреть новости, вдруг свиньи внезапно научились летать.

Дорога до дома миссис Фрайзер не особо длинная, но из-за летней жары кажется бесконечной. Я вежливо отказываюсь от предложения мамы отвезти меня, я отчаянно нуждаюсь в свободе.

Пот стекает по моей спине и капает с лица. Я постоянно смахиваю его, чтобы он не попал мне в глаза и не размывал мое зрение.

Я езжу к миссис Фрайзер в течение двух лет. Ее муж умер, а единственный ребенок сейчас живет в Каролине. Дочь оставила ее в конце восьмидесятых, и она уже не в состоянии заботиться о себе сама, но не может заставить себя покинуть свой дом, с которым связаны самые лучшие моменты ее жизни. Так что мы с мамой (а иногда и мои сестры) доставляем ей еду, которую она может заморозить и легко разогреть в микроволновке.

Некоторое время мне приходится стучать, чтобы привлечь ее внимание, а потом еще ждать, пока ее старое тело доберется до двери.

Сегодня градусов сорок жары, если не больше, и от этого пекла мне хочется просто отключиться.

— Прекрасная Ханна, — приветствует меня миссис Фрайзер, слегка выпрямив свою сгорбленную осанку. — Уже четверг?

— Вторник, — напоминаю я ей.

Она отходит в сторону, что-то обдумывая.

— Разве ты обычно приходишь не по четвергам?

— Боюсь, что нет, миссис Фрайзер.

— Ох, ну, — она качает своей головой, — эти почки работают не так, как должны, — она жестом приглашает меня в дом. — Входи, дорогая.

В ее доме прохладно, и я вздыхаю от удовольствия. И, несмотря на то, что мне нравится, когда попрохладнее, я знаю, что она не может позволить себе простудиться, и хотя мне очень жарко, я не могу позволить себе быть придирчивой.

Я лихорадочно снимаю еду с багажника и быстро набиваю ее в морозилку.

Моя прирожденная вежливость не позволяет мне уйти, не уточнив:

— Могу я сделать для вас что-то прежде, чем уйду?

— Позволь мне угостить тебя закуской, — она медленно поднимается со своего дивана и ковьялет в сторону кухни, неторопливо и с ленцой.

Обычно из вежливости и желая продлить свое нахождение вне дома, я принимаю предложение миссис Фрайзер, которое состоит из молока и черствого простого печенья. Сегодня я делаю самый смелый поступок за все свои тринадцать лет жизни — я отклоняю предложения той, кто старше меня.

— Извините, миссис Фрайзер, но мне нужно вернуться домой.

Я только что соврала. Я никогда не вру. Я жду, что вина накроет меня с головой, но этого не происходит. Я жду, что почувствую вину за то, что не испытываю вины за содеянное, но и этого не происходит.

Она машет мне на прощание после того, как я убеждаюсь, что она удобно сидит, смотря какое-то шоу по телевизору, стакан диетической колы и смесь из орехов находятся поблизости.

Когда выхожу на улицу, то хочу скакать от радости, но сдерживаюсь. Я еду так быстро,

как могу, пыхтя и сопя, пока преодолеваю расстояние до магазина мороженого, моя длинная юбка постоянно мне мешает.

Их здесь нет. Я даже не думала о том, что их может здесь не быть, но я молода и полна глупых надежд. Я медленно объезжаю вокруг магазина, восстанавливая свое дыхание и снижая боль в груди от быстрой езды, мечтая о том, чтобы у меня с собой было больше воды.

Я слышу отдаленные звуки смеха, и мой слух обостряется, чтобы определить, откуда они доносятся. Мое сердце выпрыгивает из груди, и я быстрее нажимаю на педали, пока следую за этими звуками в сторону парка несколькими кварталами дальше по дороге.

Я вижу их. Я на самом деле их вижу. Моя дикая улыбка становится шире.

Они здесь, играют в парке, будто они маленькие дети, а не подростки. Мое увлечение здесь, и я не могу заставить себя отвести от него взгляд. За последние четыре дня я не могла думать ни о чем другом. К сожалению, бейсболка скрывает его лицо, но я просто так безумно рада, что нашла их. Я сразу замечаю, что они все слушают, когда он говорит, и делают то, что он приказывает, — очевидно, он их лидер.

Я наблюдаю до тех пор, пока не понимаю, что мое время вышло и мне нужно вернуться домой.

Я еду домой и ожидаю получить нотации, но мама даже не замечает моего позднего возвращения. Пришла Челси с детьми, и мама занята возней с ребенком. Лорен на своих занятиях по изучению Библии, иначе, я уверена, она бы обратила мамино внимание на это.

Наступает вторник, и я снова делаю это, наблюдая за ними, как сталкер, но не могу остановиться. Я наблюдаю, как они играют в догонялки, наблюдаю, как они борются друг с другом, наблюдаю, как они сидят под деревом и разговаривают.

Парень, которого, я полагаю, зовут Мэддокс, рассказывает историю. При этом он использует все свое тело, что в результате зачастую приводит к тому, что он ударяет руками всех вокруг, кто находится поблизости, но никто из них не возражает. Время от времени мое увлечение улыбается каким-то произнесенным словам, пуская мое маленькое сердце вскачь. Близнецы постоянно спорят и используют такие выражения, которые я бы никогда не осмелилась произнести, но мне нравится слышать это от них. Один из парней, тот, который пугает меня, по большей части потому, что он шире и выше, чем остальные, всегда прикалывается над девушкой, надоедая ей. Он выглядит как человек, который всегда находит предлог, чтобы поиграть с ее волосами или заставить ее визжать. Последние двое курят, посмеиваясь над остальными.

В тот день меня не поймали на позднем возвращении, и еще нескольких вторников, последовавших за самым первым. Я понимаю, мама настолько занята, что даже не замечает этого. В следующий вторник я уйду к миссис Фрайзер пораньше, чтобы пораньше все закончить, а когда настанет время покинуть свое укрытие и вернуться домой, я остаюсь. Я хочу посмотреть, как долго смогу находиться вне дома, прежде чем у меня возникнут неприятности; как долго я смогу притворяться, что являюсь частью этой компании, так наполненной жизнью. Мне нужно находиться рядом с парнем, который не дает мне спать по ночам своей улыбкой и глазами, что светятся весельем от постоянных шалостей.

Мама не замечает и более длительное мое отсутствие, поэтому на следующей неделе я снова бесстрашно делаю это.

А я так занята наблюдением за моим увлечением, что не замечаю девушку, которая запрыгивает на свой скейтборд и направляет его в мою сторону.

— Привет! — кричит она.

Это пугает меня, и я подпрыгиваю, хватаясь рукой за сердце.

Она останавливается прямо передо мной, подкидывает вверх скейтборд и, положив на него руку, удерживает его на месте. У нее растрепанные волосы, будто она их сегодня еще не причесывала. Она перекатывает во рту жвачку, затем произносит:

— Ты собираешься посидеть вместе с нами или продолжишь пялиться на нас?

Я нервно пожимаю плечами. Через ее плечо я вижу компанию, наблюдающую за нами, и мне хочется исчезнуть.

— Пойдем, — она кивает в их сторону.

Она снова становится на скейтборд, и на миллисекунду я думаю о том, чтобы не следовать за ней, но мне так этого хочется. Даже если это только на сегодня, я хочу посмотреть, на что это похоже.

Я слезаю со своего велосипеда, завожу его на траву и тяну за собой. Это действует на нервы, когда за тобой наблюдают. Я чувствую себя незащищенной и начинаю смущаться от одежды, закрывающей мои руки и ноги, и моей косы, спрятанной под рубашкой, чтобы она не мешала мне, когда я езжу на велосипеде. Я вытаскиваю ее наружу и тереблю ее кончик за спиной.

— Привет, — приветствует меня один из парней, тот, который постоянно цепляет девушку. Он кивает, еще раз приветствуя меня; у него приветливая улыбка. Мне нравятся его глаза. Они теплые и дружелюбные, и хотя его размеры пугают меня, его поза спокойная, а улыбка помогает мне успокоиться.

Девушка указывает на меня:

— Это...

Она ждет моего ответа.

Я пытаюсь произнести свое имя, но выходит так слабо, что они не могут услышать. Я прочищаю горло и пробую снова:

— Ханна.

Получается не намного громче, но это все, на что я способна в данный момент.

— Ханна? — уточняет она.

Я киваю, мои щеки ярко красные от такого количества внимания.

Она по очереди указывает на парней. Первый, парень, который всегда дурачится с ней.

— Это Тэг. Он своего рода придурок.

Мои глаза округляются от того, как свободно она произносит это слово.

Она указывает на двух следующих парней:

— Это близнецы, Трип и Прайс. Они тоже могут быть придурками, но они безобидные.

В руках у Прайса странная штука, которую я никогда раньше не видела. Что-то стеклянное с цветным водоворотом внутри. Он поджигает его кончик, и тот светится как кончик сигареты. Парень затягивается и сдерживает дыхание, кивая мне подбородком, и протягивая руку в мою сторону.

Я не уверена в том, что он хочет, чтобы я сделала. Взяла ее? Почему он так сдерживает свое дыхание?

Затем он начинает кашлять, пока протягивает мне курительный прибор. Он настолько сильно кашляет, что я думаю, он мог бы выплюнуть свои легкие.

Другой близнец бьет его по затылку:

— Ты пугаешь ее, ты, недоумок.

Тот игнорирует своего брата, продолжая протягивать мне эту штуку.

— Ты, — он опять кашляет, — куришь?

Прайс снова получает удар по голове.

— Конечно, нет, ты, идиот. Посмотри, как она одета.

Я становлюсь красной, как помидор, а нос щиплет от слез стыда. Зачем я подошла сюда?

Девушка закатывает глаза:

— Видишь? Придурки. Просто игнорируй их.

Я хочу уйти, но она продолжает говорить, так что я остаюсь, не желая выглядеть грубой.

Она указывает на парня рядом с близнецами, у которого веснушки на всех видимых частях кожи. У него воспаленные глаза, по цвету практически соответствующие его волосам (которые, как я заметила, всегда спрятаны под кепкой, как у разносчика газет, а красные кудряшки беспорядочно торчат из-под нее).

— Это Норд, мы зовем его так потому, что он никак не может найти свой путь. (Примеч.: *North* (рус. *Норд*) — *Север*).

— Это потому, что он всегда слишком обкуренный, — шутит один из близнецов.

Норд только выпускает ворчливый смешок.

Затем она указывает на парня рядом с ним, у которого долговязое тело, кривой нос и большие уши.

— Это Джерри. Он всегда под кайфом, так что не жди от него много слов, но зато он великолепный слушатель.

Она кивает на парня, который выглядит, как киноактер:

— Это Мэддокс. Он не просто придурок, но еще и мудака.

Мэддокс хватается за свою промежность и трясет рукой:

— Но у меня самый большой член в городе.

Она закатывает глаза:

— Видишь, что я имею в виду. Мудака.

Я пытаюсь скрыть свой шок от того, что какой-то парень хватается за свои интимные места рядом со мной, и использует слово на букву «Ч».

— И, наконец, — говорит она, указывая на парня, о котором я мечтаю всю ночь и думаю весь день, — самый большой придурок из всех. Мой брат Дэнни.

Еще один кивок подбородком. На нем надета бейсболка, поэтому его лицо в тени. Я рада, иначе я бы еще больше нервничала.

Я делаю один длинный взмах рукой, похожий на очертания радуги, а затем хочу умереть от того, как глупо это выглядит.

Девушка указывает своим большим пальцем на свою грудь:

— А я — Сэм.

Мэддокс прикуривает сигарету и передает пачку Дэнни.

— Сколько тебе лет?

— Тринадцать, — говорю я чуть громче шепота.

Он тихо присвистывает и трясет своей головой, как будто это его расстраивает.

— Это чертовски печально.

— Не будь мудаком, — говорит Дэнни с сигаретой во рту, прежде чем поджечь ее.

Меня предостерегали от сигарет, о том, как они убивают тебя и делают грешником, но видеть их в губах ребят? Внезапно мне захотелось быть сигаретой. Это полный бред, но это то, что крутится в моей голове.

Сэм хлопает в ладоши и подпрыгивает от радости.

— Мне тоже тринадцать. Когда твой день рождения?

— Двадцать второго января.

Она хмурится.

— Черт, мой пятнадцатого апреля. Я все еще самая младшая. Черт, — она плюхается обратно на землю и выпускает преувеличенно долгий вздох. Затем приподнимается на своих локтях. — Садись.

Я сглатываю и оглядываю всю компанию. Они совсем не такие, какими я их представляла, и это меня немного пугает; и все же они мне интересны намного больше, чем что-либо еще. Также мне прекрасно известно, что пора возвращаться домой.

Я не могу заставить себя уйти, поэтому аккуратно опускаю на траву свой велосипед и плюхаюсь вниз прямо около Сэм. Она выглядит наиболее безопасным человеком из всех, чтобы держаться ближе к ней. Ни в коем случае я не смогу сесть с другой стороны от ее брата, я скорее умру. Серьезно. Мое сердце остановилось бы. Я знаю это.

На улице жарко, даже несмотря на тень от деревьев, и я мечтаю о том, чтобы у меня была такая майка, как у Сэм. Я не настолько храбрая, чтобы надеть такие шорты, как у нее, но, думаю, смогла бы надеть топ. Сейчас бы это ощущалось так хорошо. Пот собирается по всему моему телу, добавляя мне дискомфорта.

Они все еще продолжают глазеть на меня, будто ждут, что я что-то скажу или сделаю. Затянувшись, Мэддокс выпускает дым в сторону деревьев.

— Твои родители религиозные фанатики или типа того?

Я киваю, потому что так и есть. Вся моя семья.

— Мормоны? — предполагает он.

Я отрицательно качаю головой.

— Кто тогда? — пытается он меня, выпуская еще больше дыма в воздух.

— Оставь ее в покое, — встает на мою защиту Сэм. Она еще больше поворачивается ко мне. — В какую школу ты ходишь?

— Я не хожу. Я на домашнем обучении, — признаюсь я осторожно, опасаясь того, что они подумают обо мне.

Сэм кривит лицо.

— Seriously? Разве это не отстойно? Я думаю, мне бы это наскучило.

Это и есть отстойно, и мне скучно. Все время. Я согласно киваю головой.

Тэг пинает мою ногу, чтобы привлечь мое внимание.

— Ты тихоня, да?

Я пожимаю плечами, не уверенная, как на это реагировать. Все смеются, за исключением Дэнни, который слегка приподнимает свою бейсболку. Он щурится, будто солнце светит ему в глаза, пока лучше рассматривает меня. Он не улыбается, но и не хмурится. Я нервно выдергиваю травинки рядом с собой.

Дэнни кидает сигарету в почти пустую бутылку «Пепси».

— Блядь, отвалите, парни, — он поднимается и указывает на поле. — Пойдемте, погоняем мяч.

Их обязывают. Он приказывает — они подчиняются. Он как мой отец, но не во всем.

Сэм остается со мной, прожужжав мне уши обо всем подряд: одежда, обувь, парни, как ее мамы никогда нет рядом, так что они с Дэнни могут делать практически все, что захотят, но по большей части рассказывает о своей любви к танцам.

— Ты танцуешь?

Я отрицательно качаю головой.

— Мне не разрешают, это противоречит нашей вере.

Она морщит свой нос.

— Танцы? Это сумасшествие! Наши тела для этого и предназначены.

У меня нет на это ответа. Я никогда не танцевала, так что не могу согласиться с ней, но я и не достаточно осведомлена об этом, чтобы и не согласиться.

— У тебя строгие родители? — предполагает она.

— Это еще мягко сказано, — выдыхаю я.

— Отстойно.

— Ага, — соглашаюсь я.

Благодаря тому, что парни играют в бейсбол, я нахожу в себе смелость, чтобы говорить.

— Как давно вы, ребята, знаете друг друга?

— Давай посмотрим, — Сэм смотрит вверх на деревья, пока тараторит свой ответ. — Мэддокса я знаю так долго, сколько могу вспомнить. То же самое и с Джерри. Близнецы переехали в наш район, когда я была во втором классе, а Дэнни был в пятом. Норд просто как-то в один день появился, и на самом деле мы до сих пор не знаем точно откуда, — она перестает смеяться, увлекшись тем фактом, что они не знают, откуда он. — Тэг присоединился к нам, когда они все были в шестом классе. Его родители умерли, и он переехал жить к своей бабушке. Он часто дрался. Дэнни взял его к себе, сказав, что ему нужен хороший боец на своей стороне. Сейчас он один из нас, правая рука Дэнни. У них, действительно, настоящий броманс, — она снова смеется, позабавившись тем, что сама сказала.

Броманс? Я никогда раньше не слышала этого термина. Мне интересно, это упоминание о гомосексуализме? Так было бы лучше, возможно, Дэнни не заставлял бы меня так нервничать, если бы я знала, что ему нравятся другие парни.

— Они гей?

Сэм так сильно смеется, что заваливается на спину, катаясь по земле и заливаясь слезами.

— Это самое смешное, что я слышала в последнее время. Не могу дождаться, чтобы рассказать им об этом!

И снова я становлюсь ярко красной.

— Пожалуйста, нет! — восклицаю я с ужасом.

Ее лицо становится серьезным, пока она вытирает свои глаза.

— Не влюбляйся в моего брата. Все девушки так делают, и это никогда не заканчивается хорошо. А ты мне нравишься.

— Хорошо, — отвечаю я в замешательстве, не зная, как иначе ответить.

— Обещаешь? — она вытягивает свой мизинец. Наконец-то, хоть что-то, что я видела прежде.

— Обещаю, — я протягиваю ей свой мизинец. Я точно уверена, что уже нарушила данное обещание, не то чтобы моя влюбленность когда-нибудь всплывет наружу.

— Я должна идти, — говорю я с грустью. Даже несмотря на то, что в их присутствии я нервничаю, а Сэм на самом деле слишком быстро говорит, меня к ним тянет. Мне нравится слушать о том, как она живет. Это так отличается от моей жизни. У нее так много свободы.

— Это отстой, мне нравится разговаривать с тобой.

Мне тоже нравится говорить с ней.

— Возвращайся завтра, ладно?

— Не думаю, что смогу, — хотя мне бы очень этого хотелось, очень-очень. — В следующий вторник?

Она сияет.

— Да, я удостоверюсь, чтобы мы были здесь.

Я возвращаюсь домой, ожидая получить самый худший нагоняй в моей жизни, но отца еще даже нет дома, а мама занята шитьем, показывая Лорен, как сделать модное обрамление на платье.

Она поднимает взгляд, когда замечает меня.

— Можешь начать готовить ужин?

Я киваю, пораженная тем, что они даже не осознали, что меня не было дома. Полагаю, в том, чтобы быть тихоней, есть свое преимущество. Никто на самом деле даже не заметит, здесь ты или нет.

Сейчас я хожу в этот парк каждый вторник, все больше сближаясь с Сэм. Даже парни начинают привыкать видеть меня здесь. Они начинают поддразнивать меня, как делают с ней, ерошить волосы так, что мне приходится приводить их в порядок, прежде чем идти домой. Я обожаю каждую секунду всего этого.

Иногда приходят другие девушки. Я ненавижу такие дни так же, как и Сэм. Она ненавидит это, потому что парни ведут себя иначе. Я ненавижу это потому, что по большей части они борются за внимание Дэнни.

Я узнаю, что им всем по шестнадцать лет.

— Интимные шестнадцать лет, — уточняет Сэм, что, как я понимаю, правда. Они всегда засматриваются на девушек. Дэнни никогда не уделяет внимание мне, но я не хочу, чтобы он уделял это внимание кому бы то ни было еще.

Есть что-то в том, как мы общаемся с Сэм; я не знала, что такое может быть между двумя людьми. Полагаю, это потому, что до нее у меня никогда не было настоящего друга.

Она находит возможность пообщаться со мной, зная, что каждый вторник я доставляю продукты миссис Фрайзер. Она садится на свой велосипед и составляет мне компанию, катаясь на вверх и вниз по улице, пока я не освобожусь.

Она узнала, что по вторникам утром я дома одна, так что она прокрадывается ко мне, убедившись, что никто из соседей не увидит ее. Мы смеемся все время напролет, а когда она уходит, у меня болят щеки.

Я переживала, что она может назвать меня фриком, когда увидит все эти кресты в моем доме и повсюду развешенные картины с Иисусом, но она никогда так не называла меня. В действительности, по воскресеньям она стала ходить в мою церковь только для того, чтобы мы могли с ней чаще общаться.

Вот как появились Пятничные Вечера.

Моим родителям стало интересно, кто эта новая девочка в церкви. Я сказала им, что в один из дней увидела ее, смотрящую на церковь, так что я рассказала ей все о Боге, о том, чтобы быть спасенной Иисусом, что подействовало на них так, как, я знала, и должно было. Это был первый раз, когда я соврала им. Той ночью я не могла уснуть из-за чувства вины.

Однажды Сэм спросила их, могу ли я остаться у нее дома с ночевкой. Моему отцу это не понравилось, и он просто отказал ей. Вот тогда Сэм и выдала эту слезливую историю о том, что она единственный ребенок, ее мама работает по ночам, а ей одиноко. Отец предложил

ей ночевать в нашем доме. Моя мама запротестовала, сказав, что у нее и так сотня разных дел, и она не собирается включать в них еще и ночевки, поэтому она присоединилась ко мне и Сэм, и убедила моего отца в том, что это поможет Сэм найти ее путь к Иисусу. В конце концов, он поддался на эту затею.

Прежде чем я со своими родителями приехала в первый раз в пятницу к ней домой, Сэм вынудила своего брата и его друзей выдрать весь дом. Когда мы зашли в дом, запах был таким, как будто в этом месте взорвался освежитель воздуха, мы с родителями закашлялись от этого запаха.

Дэн и парни сделали все, чтобы не оказаться поблизости, чтобы мои родители поверили, что Сэм была единственным ребенком в семье, иначе я бы гарантированно никогда не ступила на порог этого дома. Она даже умудрилась привести домой свою маму, Энжи, чтобы она подыграла нам.

Энжи была идеальной хозяйкой, она благодарила моих родителей за, своего рода, ценное влияние, оказанное на ее дочь, и что она заметила изменения, когда Сэм начала посещать церковь. Они проглотили это, как пирог на День Благодарения.

Вот так у меня сформировалась семья вне дома. Семья, которую я любила всем своим сердцем, для которой я сделала бы все, что угодно. Я знаю, они чувствовали то же самое, потому что на протяжении многих лет я видела, как они даже не позволяли никому общаться со мной. Они приняли меня; по причинам, которых я не понимала, тем не менее, я была им признательна за это. Они стали моим убежищем.

— Переодень свою племянницу, прежде чем уйдешь! — кричит мне мама с кухни.

Я практически у задней двери, в сантиметре от свободы. Я громко вздыхаю, зная, что мама не услышит, иначе я бы не осмелилась.

Нехотя направляюсь на кухню, где уже началось приготовление ужина. В этот раз, помимо еды, достаточной для родителей и меня, здесь хватит для Лорен, ее мужа и их троих детей. Четвертый растет в животе моей сестры. Четверо детей за пять лет. То же самое скоро будет и у меня.

Я трясую головой. Не могу думать об этом. Это вечер пятницы, мой любимый вечер на неделе. Вот на чем я хочу сфокусироваться.

Моя годовалая племянница сидит на высоком детском стульчике. Ее еда вместо рта, в основном, на одежде и лице. Она визжит от радости, когда я поднимаю ее, болтая на каком-то тарабарском языке. Несмотря на то, что переодевать ее для меня мука, рядом с ней мое сердце смягчается. Я тыкаю в ее очаровательный носик кнопочкой, чувствуя под пальцем еду, украшающую его, и смеюсь вместе с ней.

Поднимаюсь на второй этаж, где у моей мамы до сих пор стоит пеленальный столик для тех случаев, когда ее навещают внуки. А их у нее девять. Женщинам в моей семье нравится заводить детей. Это было заложено в нас с рождения: замужество, хороший муж христианин, а затем рождение множества детей. Только у моей мамы трое. Она бы хотела иметь больше, но это не было Божьим планом для нее. Долгое время это расстраивало ее, потом моя старшая сестра вышла замуж и подарила ей внука... а следом за ним еще одного. Затем замуж вышла Лорен и сделала то же самое. Сейчас дома осталась только я, хотя, похоже, ненадолго, судя по родителям.

Об этом я также не позволяю себе думать.

Я переодеваю свою племянницу и трачу несколько лишних минут на игру в «ку-ку». Ее смех помогает очистить какашки, которые повсюду, благодаря веселью эта задача перестает быть такой уж отвратительной.

Пока я спускаюсь вниз, мои маленькие племянники носятся вокруг меня, они кричат и визжат, пока играют. Я возвращаю свою племянницу на ее стульчик на кухне и даю ей еще клубники. Она что-то булькает, что означает, как я надеюсь «Спасибо, тетя Ханна, ты самая лучшая тетя и я так тебя люблю!». Я глажу ее кудрявую головку.

Лорен указывает на столешницу, где ждут чистки овощи.

— Я подготовила тебе место.

Ответ висает на кончике моего языка, но я была выращена послушно делать все, что мне скажут. Я смотрю на свою маму, но она слишком занята, добавляя приправы в огромный горшок на плите, чтобы услышать это.

Это вечер пятницы, единственный вечер, когда я свободна. Я едва ли могу выбраться из дома, но я должна. Я не могу пропустить сегодняшний вечер.

— Ну, хм... — я играю с кончиком косы на спине, которая достигает моей попы. Возразить — для меня почти нереальная задача. — В это время обычно я уйду. Домой к Саманте, помнишь?

Моя сестра старается не кривить лицо, она выросла на тех же правилах, что и я. Она

никогда не понимала, как мои родители позволили мне это, даже несмотря на то, что это для благого дела (или это то, во что они верят).

— Твоя семья придет на ужин. Ты не думаешь, что это важнее?

Я снова нервно перевожу взгляд на маму, молясь, чтобы она вмешалась. Она все еще отвлечена, и я знаю, что моя сестра победит и я застряну здесь до ночи.

Все, что я могу сделать, это кивнуть, соглашаясь. Временами происходит что-то такое, что ты называешь отстойным.

Я завязываю фартук на талии, пока иду к своему месту на кухне, и сдерживаю подступающие слезы. Мой отец сказал бы, что из-за этого глупо расстраиваться, что есть голодающие люди, у которых нет даже чистой воды. Он был бы прав, но это все еще не удерживает меня от разочарования.

Я произношу молчаливую молитву Богу, сначала попросив его простить меня за такую тривиальную просьбу, а затем начинаю просить его помочь мне. Я слышала, как мама много раз просила о таких глупостях, как свободное место на открытой парковке, так почему я не могу сделать это ради той части моей жизни, которая так много значит для меня.

— Я дома! — здороваются папа, когда заходит сразу после того, как я заканчиваю свою молитву.

Мама, светясь, торопится в его раскрытые объятия и дарит ему нежный поцелуй.

— Ты рано?!

Он кивает, обнимая ее.

— Так и есть. Я закончил работу и не мог ждать ни секунды дольше, чтобы оказаться дома, — он тянется к моей сестре и дарит ей крепкое медвежье объятие. Ее руки оказываются в ловушке, крепко прижаты к бокам, и она не может ими пошевелить. Он большой мужчина и с возрастом стал еще больше, в основном, в области живота, который сейчас так торчит, что он не может видеть свои ноги.

— Ох, папа, — выдыхает моя сестра, когда он опускает ее вниз, притворяясь, что это ее раздражает, как делаем мы все, несмотря на то, что мы все огорчились бы, если бы в один день он перестал так делать.

Он подходит ко мне и дарит мне только легкое пожатие плеча. Я ребенок, которого он видит каждый день, поэтому со мной не так интересно.

— Почему ты не у Саманты? Сейчас вечер пятницы, разве нет?

— Она помогает с ужином, — отрезает Лорен, натягивая улыбку, с которой я слишком хорошо знакома. Та, которую она использовала на мне, когда мы были моложе, когда она вела себя со мной, как будто была моей мамой, а я была ее ребенком, которого она могла контролировать. — Провести с нами время для нее важнее. Мы не так часто видимся друг с другом.

Хотя мы так и делаем. Моя семья всегда рядом. Не поймите меня неправильно, я люблю их, люблю проводить с ними время, но только не вечером в пятницу.

Мой отец кивает, соглашаясь, пока тянется к морковке, которую я еще не почистила.

Моя сестра радуется, пока он уходит переодеться в домашнюю одежду.

Я не знаю, почему она так ненавидит, что я провожу время с Сэм. Большая часть моей семьи поощряет это. Они смотрят на Сэм, как на потерянную душу, нуждающуюся в руководстве доброй христианки.

Мы продолжаем готовить ужин, моя мама и сестра говорят о нем, пока я храню молчание, что каждый, кто знает меня, понимает, что это на меня не похоже. Время от

времени я бросаю взгляд на часы на стене, не в состоянии сопротивляться мыслям о доме номер 227 по Локвуд-драйв и о том, чем занимаются люди, живущие там.

Мисс Шепард, которая всегда настаивает на том, чтобы я звала ее Энжи, все еще спит, ожидая, пока откроется ее любимая пивнушка, или находится дома у своего последнего бойфренда. Ее сын все еще играет в видеоигры со своими друзьями, пьет, или... ну, я убеждена, они делают и то, и то. Сэм, моя лучшая подруга и девушка, для которой я сделаю все, что угодно, вероятно, репетирует танцевальные движения в своей комнате, ожидая, когда ее дом станет битком набит людьми, которые будут пьяны и под кайфом. Кроме меня. Обычно я нахожусь на их заднем дворе, рисуя. Единственный трезвый человек во всем их районе, не считая детей, хотя, к сожалению, я точно уверена, что и большинство из них тоже пьяны.

Несмотря ни на что, мне это нравится. Мне нравится находиться в этом доме с того момента, как пять лет назад я впервые зашла в него. Он полная противоположность моему дому: заросший сорняками, последний раз выкрашенный лет двадцать назад. Внутри на стенах старые, оборванные обои, стершиеся и грязные от десятилетнего пренебрежения ими. Мебель старая и потрепанная, подобранная с обочины дороги. Ковер заляпан везде, куда ни глянь, от постоянных разливаний жидкостей, с каждым шагом от них поднимается вонь. Всевозможные странные звуки доносятся от холодильника, который гремит в углу, угрожая скинуть всю грязную посуду со стола на пол, когда издаст свой последний вздох.

Я люблю его больше, чем дом, в котором прожила всю свою жизнь. В нем я могу быть просто самой собой. Там я свободна. Мне не говорят, что делать, каждую секунду на протяжении всего дня. Мне не говорят, что я могу носить только платье или юбку, которые должны достигать моих лодыжек, с рукавами до локтей или еще ниже. Мне не напоминают о Боге и грешниках на каждом шагу. К тому же, это дом двух людей, в которых я люблю всё.

Мой отец в исключительно хорошем настроении и произносит вечернюю молитву, которая, кажется, длится на протяжении всего ужина.

Уборка длится вечность.

Вымыть своих племянников и племянницу, переодеть их в пижамы также занимает целую вечность.

В гостиной звенят висящие на стене дедушкины часы, и я боюсь смотреть на время, переживая, что сейчас слишком поздно, чтобы пытаться просить родителей позволить мне уйти.

Я принимаю решение не спрашивать. Я решаю выйти, достать свой велосипед из гаража, крикнуть «Пока!» и уйти, будто это совершенно естественный поступок. Как и должно быть в мои восемнадцать лет. Я не должна нуждаться в разрешении своих родителей остаться на ночлег в доме друзей. Но вот она я и понимаю, что должна так жить, пока не выйду замуж, а потом человеком, у которого я должна буду спрашивать разрешение на все, будет мой муж.

Я поднимаю свой рюкзак, который оставила около двери в гараж, и стараюсь говорить насколько могу уверенно.

— Ладно, ну, я пошла, — я весело машу рукой, благодарная, что мой голос не звенит от нервов.

Папа просто принимает более удобную позу в своем кресле — в единственном кресле, в котором никому другому сидеть не разрешено. На его коленях газета, уже готовая, чтобы ее прочитали.

Он хмурится, проверяя время на наручных часах.

— Сейчас восемь часов.

Я не закатываю глаза, несмотря на то, что очень хочу это сделать. Восемь часов — не так поздно, особенно для вечера пятницы.

За спиной я тереблю кончик своей косы.

— Я знаю, я просто подумала, что все еще могла бы пойти. В это время мы обычно смотрим фильм, прежде чем лечь спать, — каждый вечер я ложусь спать в десять часов, за исключением пятницы, но они об этом не знают. — Мы заканчиваем смотреть вторую половину «Энн из поместья «Зеленые крыши», — говорю я с волнением. *(Примеч. «Энн из поместья «Зеленые крыши» — сериал, снятый по роману Люси Монтомери «История Энн Ширли», о девочке-сироте, удочеренной пожилыми братом и сестрой. Наделенная пылким воображением, Энн постоянно попадает в какие-то переделки, но природное обаяние и умение располагать к себе людей всегда помогают ей с достоинством пройти все жизненные испытания).*

Мой отец никогда не был мягкотелым, кроме моментов, когда знал, что у него есть шанс сделать своих детей счастливыми, а по мнению родителей «Энн из поместья «Зеленые крыши» — мой любимый фильм. Они не знают, что по-настоящему мои любимые фильмы все с участием Тины Фей. *(Примеч.: Элизабет Стаматина «Тина» Фей — американская актриса, сценарист, продюсер и писательница).* Они даже не предполагают, что я могу смотреть что-то, не утвержденное ими. Они верят, что я ухажу, чтобы изучать Библию, потом, перед сном, удерживая Сэм подальше от улицы, мы смотрим чистые, утвержденные Богом фильмы. Им никогда и в голову не приходило, что я могу обмануть их. Это я также выталкиваю из своих мыслей. Я не хочу испытывать из-за этого вину — из-за того единственного, что делает меня по-настоящему счастливой.

Мой отец вздыхает, когда снова смотрит на часы.

— Сейчас слишком темно, чтобы ехать на велосипеде.

— Сейчас лето, еще в течение часа будет светло, — я сразу же сожалею о сказанном. — Извините, сэр. Я просто на самом деле взволнована.

Мама занята вязанием детского свитера и смотрит вверх, когда говорит:

— Ты знаешь, Марв, всю эту неделю она очень хорошо помогала. В церкви в прошлое воскресенье и в среду вечером, когда оставалась, чтобы помочь с уборкой. Также она сделала всю работу по дому, которую должна была сделать. И сейчас лето... — она замолкает, будто этой причины достаточно для восемнадцатилетней девушки, чтобы выйти из дома в пятницу вечером. В любом другом доме этого было бы достаточно.

— Хорошо, — отвечает отец, не выглядя счастливым от этого, — но иди прямо сейчас, пока я не передумал.

Я тороплюсь побыстрее подарить им обоим поцелуи в щеку, а затем бегу в гараж, выталкиваю свой велосипед и как можно быстрее уезжаю.

По вечерам все также тепло, и пот блестит на моем лбу, но я только сильнее давлю на педали. Безопасные пригородные улицы сменяются на заброшенные и бедные. Хотя в этой округе все также безопасно, как и везде в моем городе.

Я торможу около их дома, улица уже переполнена припаркованными машинами. И не освободится в ближайшие час или два. Толкаю свой велосипед к боковой части дома. Я не переживаю о том, что его украдут. Несмотря на то, что это дрянной район, все в этой округе как одна дружная семья, и немаловажен тот факт, что Дэниел Шепард и его парни выбьют

из тебя все дерьмо, если ты сделаешь что-то подобное. Никто не хочет быть на другой стороне этой сходимости. Я делаю это только затем, чтобы убрать его с дороги, подальше от пьяных людей, которые могут споткнуться об него и поранить себя. Это случилось раз или два.

Я вхожу без стука. Никто никогда не стучит.

Маленькая гостиная заполнена обычной компанией, некоторые люди находятся здесь практически каждый день и в выходные с тех самых пор, как все они все были детьми. Они расположились повсюду: на диване, в кресле, на полу — в зависимости от того, у кого какая власть, передают друг другу бутылку того, что было в продаже этим вечером в алкогольном магазине.

Они замечают меня, только когда я на полсекунды перекрываю обзор на телевизор, торопливо проходя мимо.

— Привет! — кричат они в унисон, затем также быстро возвращаются к тому, чем бы там ни занимались.

Я улыбаюсь и качаю головой. Мне так хорошо быть дома.

Уже медленнее я прохожу короткий коридор к комнате Сэм, которая слева, между гостиной и кухней. Комната их мамы сразу после комнаты Сэм, и так как дверь открыта, а комната пуста, я знаю, что она уже ушла в бар. Только в редких случаях она остается дома и тусуется со своими детьми. Мои родители думают, что она работает по ночам официанткой. Они не знают, что несколько дней в неделю она работает в баре, по большей части полагаясь на доходы Дэнни, который их обеспечивает. Также они не знают, что отец Сэм в тюрьме. Они думают, что он умер, что могло бы и произойти, поскольку он на пожизненном, а его дети не хотят иметь ничего общего с ним. Они даже не хотят говорить о нем.

Я удивлена, не увидев Сэм, танцующей по всей комнате. Вместо этого я нахожу ее сидящей на кровати со скрещенными ногами и грызущей свой ноготь. Она выглядит обеспокоенной чем-то увиденным в журнале, который листает. Обычно ее волосы распущенные и в беспорядке, но сегодня вечером она подняла их в высокий хвост.

— Привет, — здороваюсь я, закрывая за собой дверь.

Сэм поднимает взгляд, при виде меня ее лицо полностью меняется. Ее голубые глаза сияют, и она сползает с кровати, бросившись ко мне.

— Ты здесь! — мы обнимаем друг друга. — Я переживала, что ты не придешь.

Я скидываю свой рюкзак на пол.

— Это почти случилось.

Она тянет меня за руку в сторону кровати.

— Слава Богу, что у тебя получилось. Я не знаю, что делать!

— С чем?

Она вскидывает руки.

— Я сделала кое-что глупое!

Ничего не могу с собой поделать, и из меня вылетает смешок. Это не впервые, когда она так начинает наш разговор. Большую часть времени мне приходится прикрывать ее, потому что она не хочет, чтобы ее брат что-то узнал. Конечно, в любом случае, Дэн все узнает, а потом на нас обоих накричит. Обычно, Дэн позволяет ей делать все, что она захочет, за исключением тех случаев, когда она делает что-нибудь глупое (что обычно происходит примерно раз в месяц).

— Знаешь магазин мороженого?

Я улыбаюсь Сэм.

— Я помню его.

В тот день моя жизнь стала лучше.

— Окей, помнишь парк рядом с ним, в котором мы впервые встретились?

Я еще шире улыбаюсь.

— Конечно.

Временами я езжу в этот парк, просто чтобы вспомнить все то веселье, что было у нас там, прежде чем парни стали «слишком крутыми» для него и с бóльшей радостью проводили свое время с видеоиграми, выпивкой и девушками.

— Тэг поцеловал меня! — выпаливает Сэм, а затем шлепает себя по рту, будто не может поверить, что только что сказала это вслух.

— Что?! — воплю я.

— Тсс, — она бросает тревожный взгляд на дверь, несмотря на то, что мы обе знаем: парни никогда не уделяют нам никакого внимания.

Я подползаю ближе.

— Расскажи мне все.

— Хорошо, — она понижает голос и пододвигается ближе ко мне. — Он захел забрать меня с урока танцев. Я была голодна, а на улице было миллиард градусов, так что я упростила его остановиться, чтобы купить мороженое. Там было многолюдно, поэтому мы, взяв мороженое, пошли в парк и ели его под деревом. Он засмеялся, что у меня на лице мороженое, потом сказал что-то типа «Как так получается, что у тебя повсюду мороженое?», — Сэм пытается скопировать его глубокий тембр голоса. — Ну, потом пальцем он вытер мороженое с моего лица, и, Ханна, я не шучу... — она опускает руки и делает страшные глаза. — У меня аж мурашки побежали. С тобой когда-нибудь такое случалось?

«Каждый раз, когда твой брат смотрит на меня», — думаю я, но я не могу сказать ей этого, поэтому отрицательно качаю головой.

— В любом случае, следующее, что я понимаю, он наклоняется ближе, мой желудок скручивается в узел, а сердцебиение ускоряется, потому что я думаю «О, мой Бог, Тэг собирается меня поцеловать?». А потом я думаю «О, мой Бог, я хочу, чтобы Тэг поцеловал меня!». Я думаю, что меня должно тошнить от этого, потому что он мне как брат, а потом он делает это! Он целует меня! Прямо там. Под деревом. Мы сделали это. Это как крошечный ад, Ханна. Мы сделали это. Затем зазвонил его телефон, мой брат прервал нас, интересуюсь, что нас задержало так надолго. Тэг вконец разволновался и примчал нас домой. А сейчас я слишком взволнована, чтобы идти туда. Думаешь, он кому-нибудь рассказал?

— Нет, ему бы не захотелось, чтобы об этом узнал Дэнни.

Дэнни не единожды говорил всем, что если они дотронутся до Сэм или меня, то они покойники.

Сэм нервно кусает свои губы.

— Точно, но все же. Как мне туда идти? Должна ли я притвориться, что это никогда не происходило?

Сэм смотрит вниз на свои руки, ковыряя ногти.

— Никогда у меня не было ситуации более странной. Никогда не испытывала после поцелуя такие чувства. И я не знаю, это потому, что он хорошо целуется, или потому, кто именно поцеловал меня, — она поднимает взгляд на меня и я вижу мольбу в ее глазах. —

Что мне делать?

Я смеюсь.

— Ты меня спрашиваешь? Девушку, у которой даже не было парня, который бы держал ее за руку?

— Важно то, что ты все еще даешь хорошие советы.

Это еще одна черта, которая мне нравится в Сэм. Она никогда не заставляет меня чувствовать себя странной от того, что мне восемнадцать и у меня никогда не было парня, который хотя бы держал меня за руку.

Я предлагаю ей самый разумный выход.

— Поговори с Тэгом.

— Я не могу. Меня тошнит от одной мысли об этом. Тебе нужно было видеть, как он слетел с катушек после звонка моего брата, как будто только в тот момент понял, кто я, — она делает паузу, ее глаза округляются. — Думаешь, он был под кайфом? Не из-за травмы, а под чем-то потяжелее? Думаешь, поэтому он это сделал?

Я отрицательно качаю головой.

— Он никогда не водит машину, в которой сидишь ты, в таком виде.

Плюс, это никогда не было в стиле этих парней.

— Точно, — соглашается она.

Об этих парнях могут думать, как о отбросах общества, однако они с уважением относятся друг к другу. Особенно к Сэм, а сейчас, пять лет спустя, и ко мне. Они жизни за нас отдадут. Это хорошие чувства. На самом деле, намного лучше знать, что кто-то всегда прикроет твою спину.

Сэм слегка сжимает мою руку.

— Пойди туда, посмотри, как он себя ведет, странно или нет. Посмотри, как он посмотрит на тебя, когда ты войдешь. Я знаю, он захочет узнать, рассказала ли я тебе.

Я указываю пальцем себе за спину.

— Ты хочешь послать меня на линию фронта?

— Это не такое уж и большое дело, — она взмахивает своей рукой. — Ты постоянно тусуешься с ними.

— Но не за тем, чтобы шпионить! — протестую я. Конечно, она может говорить об этом так небрежно, не ей в одиночку идти туда!

— Это не шпионство. Тебе просто нужно прочувствовать его настроение, — Сэм соединяет свои ладони вместе в молитвенном жесте. — Пожалуйста, — умоляет она, надув губы.

— Хорошо, — выдыхаю я, но только потому, что когда она ведет себя так, я знаю, она не отстанет от меня, пока не добьется своего. — В первый и в последний раз, — говорю я, когда встаю. Я начинаю раздеваться и иду к ее шкафу, чтобы достать ее леггинсы (настолько удобные, что вы можете в них спать) и футболку, которая висит на моих плечах из-за того, что уже растянута от долгой носки. Я расплетаю свою косу, поднимая волосы вверх и скручивая их в пучок, прежде чем закрепить заколкой. Я мгновенно чувствую себя легче, счастливее.

По пути я бросаю на нее взгляд, давая понять, что я не рада делать это.

— Я твоя должница, — кричит она мне вслед.

Я добавляю это в длинный список услуг, которые, я знаю, никогда не попрошу ее оказать; в моей жизни никогда не будет никаких скандалов, чтобы они могли мне

пригодиться. Если не считать вранья моим родителям, но я точно уверена, что практически все дети так поступают. Я говорю «практически», потому что сомневаюсь, что моя сестра Челси так поступает, или, если уж на то пошло, то и Лорен. Я бунтарка, можете в это поверить. От этих мыслей я практически смеюсь вслух.

Я подхожу к холодильнику и беру содовую. Они всегда хранят там газировку — только для меня. Первое время, когда я начала зависать у них дома, я пила только воду, отказываясь от всего, что они предлагали, поскольку никогда не была фанатом большинства напитков. Однажды Дэнни спросил у меня, есть ли что-то, что я бы хотела выпить. Я сказала, что разве что газировку. С того дня в холодильнике всегда хранится содовая. Это согревает мою душу каждый раз, когда я дотрагиваюсь до банки.

Я вскрываю ее и плюхаюсь на пол около кресла, наблюдая, как они играют в какую-то игру с боями.

— Сейчас моя очередь, говнюк, — кричит Трип на своего близнеца, вырывая джойстик из его рук.

— С твоими отстойными навыками я верну его через пять минут. Десять, максимум. Мудак, — отвечает Прайс так, будто ему десять лет.

— Ха-ха, — выдает Джерри, едва шевеля своими плечами, он уже под кайфом.

Краем глаз я замечаю Дэна. Я не могу остановить себя. Если он находится в одной комнате со мной, я всегда наблюдаю за ним.

В одной руке у него пиво, ногой он опирается на кофейный столик. Мне нравятся его ноги. Это странно? Совершенно уверена, что да, но мне все равно. Все, что связано с Дэном заводит меня; я не могу это остановить, и поверьте мне, я пыталась. Только в последнее время я приняла тот факт, что всегда буду очень сильно его любить, и это чувство никогда не пройдет. Что отстойно, ну да ладно.

Никто особо не обращает на меня внимания, но мне не нужны отдельные приветствия. Я одна из них.

Я тайком пытаюсь посмотреть на Тэга, чтобы понять его настроение, и пугаюсь, поняв, что глазами он сверлит меня. Его серьезное лицо расслабляется, когда он ловит мой взгляд. Что-то в его глазах говорит мне о том, что он знает, что я знаю. Я не знаю, как он это понял.

Я кривлюсь, ненамеренно, но все это так неловко.

Он трет руками свое лицо, что обычно делает, когда нервничает.

Тэг снова смотрит на меня, выискивая что-то на моем лице, а я сижу абсолютно неподвижно, не уверенная, что мне делать. В конце концов, он встает и кивает головой в сторону заднего двора. Я киваю в ответ и встаю, следуя за ним.

Тэг минует телевизор, и я вижу, что Дэнни следит за его передвижением, а затем замечает, что я встаю, готовая идти следом за Тэгом. Дэн сразу же встает, выпятив подбородок в нашу сторону, у него суровое лицо.

— В чем дело, ребята? — он использует слово ребята только когда взбешен.

— Мне нужно поговорить с Ханной, — раздраженно отрезает Тэг, крепко схватив меня за локоть, чтобы я продолжала идти за ним.

— О чем? — спрашивает Дэн нам вслед.

— Ни о чем, что было бы твоим долбаным делом, — кричит Тэг в ответ.

Дэнни это не устраивает, и он идет следом за нами.

Тэг останавливается и с раздражением поднимает два пальца вверх.

— Две чертовы минуты. Иисус, Дэнни. Дай мне две чертовы минуты. Я не собираюс

трогать твою девочку.

Твою девочку. То, как эти слова действует на меня, гарантирую, помешает мне спать всю следующую неделю.

— Две минуты, — неохотно соглашается он.

— Чем, черт возьми, он думает, мы собираемся заниматься? — восклицает Тэг, как только мы отходим за пределы его слышимости. — Он знает, я бы не дотронулся до тебя.

— Ты дотронулся до его сестры, — напоминаю я ему.

Он матерится и пинает невидимый камень на земле. Затем поднимает на меня отчаянный взгляд.

— Что она сказала тебе? Что она тебе рассказала?

— Я в эти игры не играю. Я не буду посредником между вами, — я киваю головой в сторону ее окна. — Иди, поговори с ней, пока у вас есть минута побыть наедине.

Он смотрит на окно Сэм так, будто это самое страшное, что когда-либо видел, будто с той стороны его поджидает Бугимен. Что забавно, потому что за последние годы он сильно вырос. Я имею в виду, на самом деле вырос. Он чудовищно большой мужчина, высокий и мускулистый. Он может раздавить любого одним своим пальцем.

Тэг делает один глубокий вдох, и когда выпускает его наружу, бежит в сторону окна, стучит по стеклу и ждет несколько секунд, прежде чем Сэм открывает окно. Она высовывает голову наружу, поглядывая то на него, то на меня.

Я поднимаю два пальца вверх, и шепчу:

— Две минуты.

Она кивает и смотрит на Тэга широко распахнутыми глазами, и долгое время они просто смотрят друг на друга. Он шепчет что-то, что заставляет ее улыбнуться, а потом они делают это. Они делают это так, как она и описывала мне.

Смутившись, я отвожу взгляд в сторону, прямо в гостиную, где Дэнни наблюдает за мной. Его брови сведены вместе, его взгляд, когда он проходит мимо, наполнен злостью.

Я точно уверена, что он не заметил, как отошел Тэг, иначе он бы вышел, чтобы узнать, что происходит.

Возможно ли, что он думает, что я смущена чем-то, что сказал Тэг?

Я быстро поворачиваю голову назад, притворившись, будто Тэг все еще здесь и не терзает Сэм своим языком. Я веду себя так, будто слушаю что-то, что он говорит мне.

Даю им еще тридцать секунд, прежде чем выпускаю по-настоящему громкий поддельный кашель.

Это не помогает.

В данный момент массивное тело Тэга наполовину в комнате Сэм.

Если Дэнни увидит это, ему точно снесет крышу.

Сэм волноваться не о чем, но это никогда не сойдет с рук ни одному из их парней. Никогда.

Я подхожу, хватаюсь за ремень Тэга и шепчу:

— Время вышло.

Он стонет и спускается вниз, они оба одновременно потирают свои губы.

— Блядь, Ханна, ты удивительно сильная, — голос Тэга звучит наполовину удивленно, наполовину с гордостью. Я слышу, как к нам сзади подходит Дэнни.

— Что происходит?

Великолепно.

Сэм незамедлительно начинает оправдываться:

— Тэг занял у Ханны сотню баксов. И до сих пор не отдал их. Я поинтересовалась какого черта он этого не сделал, — рычит она Тэгу, играя роль защитницы лучшей подруги.

Она настолько убедительна, что даже я ей верю, а потом просто злюсь на нее за то, что постоянно впихивает меня в самый центр драмы.

Дэнни скрещивает руки на груди:

— Как скоро тебе нужны деньги?

— Сегодня, — отвечает за меня Сэм. — Но Тэг сказал, что не сможет достать их до следующей пятницы, — она взмахивает рукой: — Ты можешь понять, почему вся эта драма.

Если бы я не любила ее так сильно, то придушила бы.

Дэнни вытаскивает свой бумажник, достает оттуда стодолларовую банкноту и протягивает ее мне:

— Держи.

Я не решаюсь ее взять. Эти деньги мне не принадлежат.

Он с силой пихает ее мне в руку, пока свободной рукой стучит по голове Тэга:

— Не бери у нее займы, ты, мудак.

— Извини, — бормочет тот мне.

— Все в порядке, — уверяю я, мечтая оказаться подальше от всей этой ситуации.

Дэнни не двигается, пока не начинаем идти мы.

— Не позволяй им пользоваться собой, — говорит Дэнни, идя рядом со мной, в тот момент, когда Тэг уже практически зашел в дом.

— Я знаю, — ворчу я.

Он тянет меня за локоть.

Я ненавижу, когда он прикасается ко мне. Это что-то делает со мной, что-то, чего я не могу игнорировать, желание, которое в своем возрасте я не могу оставить без внимания.

— Ханна, — его голос становится более глубоким.

Со мной он использует все свое оружие. Наверняка он знает, как это действует на меня.

— А, — квакаю я в ответ, не в силах посмотреть на него.

Дэнн вздыхает:

— Не важно, — он проскальзывает мимо меня, его тело трется о мое, разжигая во мне огонь.

Я позволяю себе мгновенье смотреть на мускулы его спины, выступающие через тонкую ткань рубашки, на его чересчур облегающие джинсы, и увиденного достаточно, чтобы свести меня с ума.

Я возвращаюсь в комнату Сэм, закрывая за собой дверь.

Она на кровати, тербит губы, вглядываясь куда-то в другой мир, и маленькая улыбка подрагивает в уголках ее рта.

Я запрыгиваю на ее кровать, заставляя нас обеих подпрыгнуть.

— Что это было?

Он падает на спину, широко раскинув руки:

— Я не знаю, но хочу, чтобы это происходило в миллиард раз чаще.

— Что он тебе прошептал, прежде чем вы набросились друг на друга?

Сэм снова садится с большой глупой улыбкой на лице:

— Что он не жалеет.

— Это все?

— Ага, но дело в том, как он это сказал. Будто за последствия он будет проклят, — на мгновение она теряется, пока смотрит на попкорн. — Я думаю, у меня проблемы.

Я тоже так думаю.

— Помнишь Брайса с прошлого лета?

Конечно, помню. Сэм была от него без ума. Он был бабником. Можете представить, чем все закончилось.

— Помнишь, что он сделал со мной?

— Превратил тебя в девушку, которой, как ты клялась, никогда не будешь? — шучу я. —

Ага, я помню.

— Целовать Тэга в сто раз круче, чем целовать Брайса. Как... — она взмахивает руками над головой, показывая масштабы взрыва. — Кто бы мог подумать? Ну, знаешь, это же Тэг? Он придурок.

На самом деле, он не такой, но я никогда не спорю с ней об этом.

— Неважно, — она шлепает меня по бедру, прежде чем спрыгнуть с кровати. — Я готова повеселиться!

— Будь осторожна, — предупреждаю я.

Она подмигивает мне.

— Когда я не была?

Сейчас это вопрос с подвохом.

Она поигрывает своими бровями.

— Все, что я могу сказать — Тэгу лучше быть готовым к последствиям.

Веселье сопровождается музыкой, тела втиснуты в маленькое пространство дома.

Я занимаюсь тем, чем и обычно: с нетерпением вытаскиваю альбом со своего личного ящика в шкафу Сэм, так же, как и свой любимый карандаш. Здесь несколько когда-то сложенных карандашей. Я улыбаюсь им и нежно дотрагиваюсь до их краев. Все до единого подарены мне Дэнни. Я помню, как получила первый, будто это было вчера. Это было первым из моих самых драгоценных воспоминаний.

Это произошло в мой первый день рождения с момента знакомства с Сэм и парнями, этот день в тот год выпал на пятницу...

Я никому не сказала о том, что у меня день рождения, даже Сэм. На самом деле, мой день рождения никогда не был для меня чем-то захватывающим; единственная особенность в том, что мама позволяет мне выбрать, что мы приготовим на ужин и какой будет десерт, но в остальном мой день рождения похож на любой другой день. Мы с сестрами никогда не получаем подарки, так как родители не хотят, чтобы мы ценили что-то еще, помимо семьи и Бога. Я не обижаюсь, в любом случае, на самом деле, у меня никогда не было того, чего бы я хотела.

Я не могу уйти к Шепардам, пока не закончится ужин, но, в конце концов, я ухожу, чтобы быть с ними. Весь день гремела гроза и лил дождь, и впервые у парней нет никакого желания развлекаться. Вместо этого они достали кучу фастфуда и какой-то фильм. Мы все рассаживаемся поблизости, прижавшись друг к другу под покрывалами, делись попкорном, смеясь над забавными моментами и кривясь от нелепых моментов. Без сомнения, это мой самый лучший день рождения.

Мы с Сэм на диване (парни всегда позволяют нам занять его). Я сижу между Сэм и Дэнни. Так происходит каждый раз, когда мы смотрим фильм, и каждый раз я с трудом могу сконцентрироваться. Все мое внимание обращено на то, как близко ко мне сидит Дэнни, и из-за этого я тщательно присматриваюсь ко всем движениям, которые он совершает: как он тянется к напитку, как подрагивают его руки, как его смех отдается вибрацией на моей подушке, как его колено время от времени касается моего... ко всему.

Я скреживаю ноги, спрятав их под покрывалом, и подтягиваю его под подбородок, пытаюсь согреться. У них есть обогреватель, но в этом старом доме плохая теплоизоляция, так что только он спасает нас от замерзания до смерти.

Близнецы спорят из-за покрывала, даже несмотря на то, что у каждого есть свое. Сэм решила, что хочет покрывало Тэга, поэтому она дотягивается до кресла, в котором он сидит, сдернув его прямо с коленей.

— Эй! — кричит Тэг, пытаюсь выдернуть его обратно.

— Я замерзла! — восклицает Сэм так, будто это оправдывает ее кражу.

— Хватит ныть! — он тянет сильнее. Она дуется, выпятив нижнюю губу. Он вздыхает, бросив в нее покрывало, и встает. — Хорошо, но тебе придется поделиться.

Тэг заставляет нас подвинуться, в результате чего я оказываюсь прямо рядом с Дэнни, пока те двое прижимаются друг к другу под покрывалом. Тэг обвивает рукой Сэм, и мы все продолжаем смотреть фильм. Это «Пятый Элемент», один из самых любимых фильмов в нашей компании, но в данный момент я не могу даже дышать. Я схожу с ума от мысли,

что Дэнни может услышать, как быстро бьется мое сердце. Что глупо, потому что, на самом деле, он никогда не обращает на меня внимания. Я думаю, что большую часть времени он даже не в курсе, что я нахожусь здесь.

— Как вы думаете, ребят, Мэри похожа на Лилу? — спрашивает Мэддокс. Мэри — это их прозвище для меня, коротко от Девы Марии. Я ненавижу, когда они используют это слово, но однажды Прайс назвал меня так, и оно прилипло. Дэнни и Сэм (а также, полагаю, и Норд, но это только потому, что он вообще редко что-либо говорит) единственные, кто не используют это прозвище. Я не стыжусь быть девственницей, на самом деле нет. Я фактически рада этому. Я вижу, с какой легкостью эти парни пропускают через себя женщин, а я верю, что секс должен действительно что-то значить. Я хочу, чтобы он что-то значил, когда буду им заниматься. У меня нет никакого желания быть зарубкой на чьем-то ремне. Даже если парни так же горячи, как Дэнни, но, как по мне, таких больше нет.

Джерри смотрит исподлобья воспаленными глазами, и я думаю, он бы улыбнулся, если бы не был таким взрослым:

— Ага.

Трип наклоняет свою голову в сторону.

— Я не вижу этого. Мила Йовович горяча как ад.

Прайс трясет головой, не соглашаясь, уже готовый принять противоположную от брата точку зрения.

— Я определенно это вижу. Пиздец, какая невинная. Помните, как Ханна только начала тусоваться с нами? Она даже не знала вкуса гребаной газировки!

Они все смеются, а я начинаю слегка краснеть, благодарная, что скрыта в темноте комнаты. Дэнни бросает бутылку «Пепси» в затылок Прайса.

— Заткнись, мужик. Я пытаюсь смотреть фильм.

Комментарий Прайса меня не беспокоит, потому что я ничем не похожа на девушку из фильма, но я такая же наивная. Теперь не настолько, но раньше была.

Прайс кидает «Пепси» обратно Дэнни.

— Иисус, Мэри всегда заставляет тебя выскакивать из своих трусов с цветочками.

— На них сердца, а не цветочки, — защищается Дэнни, сделав вид, будто оскорблен.

Они ухмыляются и возвращаются к просмотру фильма. Дэнни приподнимает покрывало с моей стороны, запуская холодный воздух, прежде чем накрывается им.

Сейчас только мы вдвоем, крепко прижаты друг к другу под одним покрывалом. Его рука лежит рядом с моей, и это все, на чем я могу сосредоточиться всю оставшуюся часть фильма.

Ага, определенно, лучший день рождения.

После фильма все возвращаются на свои места.

Мы с Сэм вот-вот запрыгнем на ее кровать, но прежде, чем это сделать, я возвращаюсь в гостиную, чтобы забрать покрывало, которым укрывалась, отчасти потому, что хотела дополнительного тепла, но по большей части потому, что я знаю, оно все еще хранит запах Дэнни.

Дэнни выходит из своей комнаты и останавливает меня:

— Зайди на минутку.

Я чувствую себя примерзшей к месту, но, к счастью для меня, мои ноги двигаются сами по себе.

Его комната меньше, чем у Сэм, кровать занимает большую ее часть. У него есть

шкаф, в котором одежда разбросана так же, как и по всему полу, а плакаты с группами развешаны по стенам.

Он кидает что-то на кровать около меня.

— С днем рождения.

Я стою в шоке, пялясь на то, что он кинул мне.

Это альбом для рисования. Настоящий альбом для рисования. Большую часть времени, я рисую на разных огрызках бумаги, которые только могу найти, в основном, это использованные конверты.

Я вытягиваю свою руку и нежно дотрагиваюсь до него, будто это что-то хрупкое.

Поднимаю взгляд на Дэнни. Он прислоняется к своему шкафу со скрещенными руками, наблюдая за мной с этим интенсивным выражением, которое у него временами появляется на лице.

— Спасибо, — шепчу я, внутри меня нарастают эмоции.

— Это пустяк, — отрезает он.

Так и есть. Он не имеет никакого понятия, как много это значит для меня.

— Откуда ты узнал, что у меня день рождения?

Он ведет себя обыденно, будто это не такое уж и большое дело.

— В первый день, когда мы встретились. Сэм спрашивала тебя про день рождения.

Не могу поверить, что он запомнил.

— Я просто подумал, что тебе нужно что-то нормальное, на чем можно рисовать, — продолжает Дэн. — Я увидел это в художественном магазине, так что достал это для тебя.

— Ты был в художественном магазине? — эта мысль меня забавляет, и я улыбаюсь ему.

Он пожимает плечами и не дает никаких дополнительных разъяснений.

Я поднимаю альбом и прижимаю его к груди.

— Мне он нравится.

Дэнни улыбается мне, и ощущения такие, будто меня ударили в живот. Его улыбка всегда убивает меня.

— Хорошо.

Я широко улыбаюсь воспоминаниям, закрывая ящик. Каждый день рождения Дэн дарит мне еще один альбом, и каждый раз — по-особенному.

Я кладу стодолларовую банкноту между листами, не уверенная, что должна с ними сделать. Я должна найти способ вернуть их. Дэнни слишком усердно работает, чтобы заработать эти деньги и просто так лишиться их.

Я прохожу мимо шумной вечеринки, прижимая к себе альбом, не хочу, чтобы кто-то что-нибудь пролил на него. Я прохожу весь путь к заднему двору, к своему месту, которое скрыто в темноте. Здесь стол и несколько стульев, и я занимаю один, садясь спиной к дому. Я сгибаю колени так, что могу положить свой альбом для рисования на ноги.

Как только мой карандаш касается чистого листа, я начинаю набрасывать картину, которая вертится в моей голове всю неделю. Я начинаю с футболки. Мне нравится придумывать дизайн одежды, придерживаясь привычной скромности, но с добавлением стиля, чтобы получилось более модно и комфортно. Это одежда, которую я мечтаю носить сейчас взамен той, которую мне позволяют.

Когда бы люди ни находились на кухне, их голоса долетают сюда, и со своего места я

всегда могу слышать их разговоры. Сначала я слышу Трипа и Прайса, они разговаривают о рыжеволосой девушке, которая, как они надеются, появится здесь, и о том, как в последний раз она с головой отдалась им обоим в ванной.

— Я буду корректна, — я тут же узнаю голос Сэм. — У тебя в паху зудит не из-за пота от жары.

— Спасибо, медсестра, мне нужно, чтобы позже вы проверили это. Возможно, нам понадобятся оральные занятия, просто чтобы убедиться, — отвечает Прайс, его голос звучит удовлетворенно от того, что он, должно быть, посчитал этот ответ умным.

— Когда я буду настроена на маленький окурок, я дам тебе знать.

Я слышу смех Мэддокса:

— Ох, горячо!

Я улыбаюсь и качаю головой, глядя на набросок. Их проявления незрелости всегда заставляют меня смеяться.

— Идиоты, — ворчит голос, пока стул скребет по бетону.

Я стараюсь вести себя как обычно, пока мои внутренности выходят из строя. Я бы узнала этот голос где угодно, и кроме этого, он единственный, кто когда-либо подходил сюда, пока я рисовала. Остальные оставляют меня наедине с собой.

Я не поднимаю взгляд. Это то, что мы делаем. Я рисую, пока Дэн курит. Как по команде, я слышу щелчок зажигалки и первую затяжку.

Он открыто наблюдает за мной. Это длится только пока он курит, но в такие моменты, кажется, весь мир замирает. Я никогда не спрашиваю, зачем он приходит сюда или почему смотрит на меня, а он никогда не предлагает мне ничего, что могло бы понять эти причины.

Он выбрасывает окурок в пепельницу рядом с ним.

— Над чем ты там работаешь? — он наклоняется, это слишком близко для моего комфорта. Рядом с кем-нибудь другим я бы прижала альбом к своей груди, слишком стесняясь и смущаясь показать им, но Дэнни я не могу ничего сказать, поэтому наклоняю альбом настолько, чтобы ему было видно.

Он широко улыбается:

— Это великолепно бы смотрелось на тебе.

Я краснею, а мое сердце вырывается из груди. Он всегда хвалит мои работы, но я не могу точно сказать, он правда это и имеет в виду или просто хочет быть милым. Единственное в Дэнни, в чем я уверена, это то, что он прямолинеен, и я не вижу причин, почему сейчас должно быть по-другому.

— Спасибо, — говорю я, передвигая альбом обратно на ноги, чтобы продолжить. Он и дальше наблюдает за мной, и от этого мои внутренности сжимаются и разжимаются.

— У нас новая клиентка, — информирует меня Дэнни, снова нарушая тишину между нами. — Она настоящая заноза в моей заднице. Надеюсь, что ты сможешь мне помочь.

Дэнни начал заниматься своим собственным бизнесом в сфере ландшафтного дизайна, как только окончил школу. Он уже работал на одного мужчину с двенадцати лет, так что знал все входы и выходы этого бизнеса. Иногда им попадаются клиенты, которые очень разборчивы в разработке дизайна, и Дэнни, так как это в основном его работа, не имея понятия, как спроектировать то, что они хотят, начал просить меня помочь.

Я переворачиваю страницу, чтобы начать на чистом листе. Он принимает это как сигнал и начинает описывать пышную зелень, водопад и общие картины, которые хочет видеть женщина, и пока он рассказывает, я рисую то, что представляю у себя в голове. Когда

он заканчивает говорить, то дает мне несколько минут, чтобы закончить.

Я кусаю губы, когда вглядываюсь в свою работу. Думаю, у меня родилась довольно хорошая идея, и я объясняю, прежде чем повернуть лист:

— Для меня это звучит так, будто она хочет тропический лес на своем заднем дворе.

— В точку! — говорит он, выхватывая альбом из моих рук, его глаза сканируют лист, пока он исследует его. Он вырывает лист из альбома. — Я твой должник.

Я пожимаю плечами, а потом вспоминаю о стодолларовой купюре, так что я нахожу ее между страницами альбома и достаю, отдавая ему.

Он не дотрагивается до нее, разглядывая с подозрением.

— А это еще зачем?

Я возвращаюсь к своему рисунку.

— Я не могу взять твои деньги.

Особенно, если учесть, что нет никаких причин, чтобы они у меня были.

Он отдает мне ее назад:

— Уверен, что можешь. Кроме того, ты только что помогла мне заработать намного больше, чем это.

Я протягиваю ее обратно.

Его лицо становится жестким, и он наклоняется к столу, поднимая купюру и засовывая ее обратно между страницами моего альбома:

— Возьми деньги. Сходи, купи какую-нибудь ткань или еще что-то. Сделай эти рисунки реальными и, в конце концов, открой свой чертов интернет-магазин.

Дэн годами пилит меня, чтобы я открыла интернет-магазин, но я не могу взять швейную машинку своей мамы так, чтобы она не заметила. Она никогда не позволяет мне шить ничего, кроме нарядов, предварительно утвержденных моим отцом.

Он уходит, и я вздыхаю.

Я позволяю своим мыслям дрейфовать вокруг идеи о своем собственном магазине, где я могла бы создавать и продавать свою собственную одежду. Это не больше, чем мечта, но она прекрасна.

В конце концов, когда я начинаю слишком много зевать и уже не могу держать свои глаза открытыми, я возвращаюсь в дом. Вечеринка все еще довольно внушительная, и прежде, чем закрыть дверь в комнату Сэм, я вижу Дэнни, ведущего в свою комнату девушку. Девушку в откровенном наряде, с красной помадой на губах и гламурной прической. Абсолютная противоположность мне. Это разбивает мне сердце, и я распадаюсь от ярких картин, которые появляются перед глазами. Я забираюсь на кровать Сэм и молю Бога, чтобы он, наконец, помог мне забыть Дэниела Шепарда.

Пока еду на велосипеде к дому Сэм от мисс Фрайзер, я не спешу и наслаждаюсь первым летним днем в этом году, когда нет такой знойной жары.

Когда я подъезжаю, Дэн выходит из дома. Я спрыгиваю с велосипеда, когда он кивает на грузовик с надписью «Ландшафты Шепарда».

— Сегодня мы играем в бейсбол. Залезай.

Я должна была догадаться. Каждый раз, когда погода на улице более-менее терпимая, они играют на улице в бейсбол.

Дэн помогает мне поднять велосипед в кузов грузовика, чтобы позже я смогла уехать домой.

В машине он бросает мне на ноги какую-то одежду, сдавая назад с подъездной дорожки.

Это не первый раз, когда я переодеваюсь в его грузовике, но каждый раз я чувствую себя подавлено, делая это рядом с ним.

Первыми я беру шорты, которые, очевидно, принадлежат Сэм, и натягиваю их под свою джинсовую юбку. Самый тяжелый момент, когда мне приходится открыть свои крошечные ноги в кедах, неловко потянуть юбку вниз, стараясь не свалиться с сиденья, пока мы едем. Затем я скидываю свою юбку. Это еще не конец, потому что я всегда надеваю одну из белых маек Дэна, скрывая свою одежду, так что я расстегиваю свою кофту и снимаю ее. Все это я делаю, пристегнутая ремнем безопасности, что добавляет неудобства, но я осваивала это трюк годами. Следующим делом я расплетаю свою косу и скручиваю волосы в пучок. Завершаю наряд парой солнцезащитных очков. Это не первый раз, когда я переодеваюсь, но когда бы я ни покидала их дом вместе с ними, мне приходится постараться, чтобы замаскировать себя на случай, если кто-нибудь, кого я знаю по церкви, увидит меня (чего, к счастью, еще ни разу не случилось). Шорты открывают мои бедра практически до промежности. Периодически я пытаюсь натянуть их пониже, проклиная Сэм и ее откровенные наряды.

Дэн едет по бездорожью, на дороге многочисленные выбоины.

— По общему мнению, ехать по городской дороге было бы быстрее, и там меньше ухабов, — замечаю я после того, как мы настолько сильно подпрыгиваем на ухабе, что моя голова практически бьется о крышу, от чего появляется боль в груди.

Он смотрит на меня краем глаза и ухмыляется.

— Я знаю.

Следующий ухаб почти заставляет меня потянуться к своей груди, чтобы уберечь ее, но вместо этого я фыркаю.

Мы подъезжаем к полю в одно время с Сэм и Тэгом. Остальные парни уже бросают друг другу мяч.

Дэн паркует машину и затем поворачивает голову в мою сторону с огромной гребаной ухмылкой на лице:

— Возможно, тебе захочется поправить свою майку.

Я смотрю вниз и нахожу, что она спустилась так низко, что моя ложбинка на полном обозрении.

Я в ужасе вздыхаю, прикрываясь руками, пока пытаюсь незаметно подтянуть майку

повыше.

Он смеется, подмигивая мне, и выбирается из грузовика.

Сэм ждет меня, скрестив руки на груди.

— Мой придурок-братец повез тебя по Кэньон Роуд, не так ли?

Я становлюсь ярко красной.

— Как ты узнала?

— Он выглядит чересчур довольным самим собой. Тэг всегда выглядит точно так же, когда везет меня по этой гребаной дороге. Придурок.

Она до сих пор в своей одежде для танцев, в коротких шортах из спандекса и спортивном лифчике. Она не пытается ничего прикрыть, не беспокоится о том, что о ней подумают люди.

Я завидую ее уверенности, пока тяну вниз свои шорты, чтобы убедиться, что они не оголяют мой зад.

Мы занимаем свое обычное место под деревом, где сможем оставаться в прохладе, пока будем наблюдать за играющими парнями. Иногда Сэм присоединяется к ним, но сегодня, расслабившись из-за дискомфорта в животе, она сидит, облокотившись, и просто наблюдает.

Джерри и его подружка Аманда, с которой они последние несколько лет постоянно сходятся и расходятся, тоже здесь.

Мы здороваемся друг с другом.

Она мне нравится. Она говорит не много (как и я), но никогда не грубит мне или Сэм, как обычно делают все остальные девушки. Плюс, у нее фиолетовые волосы, и уже одно это делает ее крутой в моем списке.

Дэн подбегает ко мне, отдает свою бутылку с водой, бумажник и ключи. Неизвестно, как я стала официальным защитником его вещей. Это произошло вскоре после того, как я стала с ними тусоваться. Я ничуть не против, особенно когда он подходит весь такой слишком горячий, потный и отдает мне свои вещи, и я могу вдыхать его запах при каждом порыве ветра.

В течение нескольких минут один локоть Сэм потихоньку скользит, а ее голова ударяется о плечо. Вскоре после этого она начинает похрапывать.

Когда она не может оставаться в сознании, я знаю, это потому, что она целый день танцевала из последних сил. Она постоянно повторяет о необходимости подготовки, чтобы быть в достаточно хорошей форме для отъезда в крупный город, где она сможет профессионально заниматься танцами. Пока что я постоянно наблюдаю, как она старается достичь своей цели, танцуя каждую свободную минуту.

Сквозь свои спасительные солнечные очки я могу свободно наблюдать за играющим Дэном. Он наклоняется, упирается руками в бедра, чтобы передохнуть, отчего его мускулы перекачиваются, пока он ждет, когда кто-нибудь передаст ему биту. Самое сексуальное для меня, это когда он с битой, и я могу наблюдать, как пот стекает по его четко очерченным мускулам, когда он бьет по мячу. Это сводит меня с ума.

Несмотря на то, что их всего семь человек, у них получается играть. Есть питчер, кто-нибудь подает мяч, судья, остальные на поле. После более чем десятилетнего стажа игры они полностью изучили технику, и игра протекает непринужденно. Время от времени кто-нибудь из родственников парней приходит, чтобы поиграть, но обычно их семеро.

После того, как Дэн отбивает мяч за пределы поля и пробегает базу, он подбегает ко мне, комкая футболку в руках. Он протягивает ее мне, в то время как я взамен передаю ему

его бутылку с водой. Это наш молчаливый ритуал.

Я наблюдаю за тем, как капельки пота стекают по его груди, и я так сильно хочу их слизать. Мне приходится схватить его футболку, чтобы помешать себе потянуться и дотронуться до мышц его пресса.

Он вытирает рот тыльной стороной руки, отдавая мне бутылку, и бегом возвращается к игре.

Я мысленно делаю шаг назад и позволяю чувствам захватить себя. Все, что происходит вокруг меня, ощущается успокаивающим и расслабляющим: проносящиеся мимо голоса парней, периодически овевающий ветер, мягкая трава под моей кожей, звуки ударов биты по мячу, ощущения грохочущей земли, когда они бегут... это еще один день, который я могу отметить в своем списке, как любимый.

Когда я понимаю, что настало время уходить, я забираюсь в грузовик Дэна, чтобы переодеться обратно в свою одежду. Я складываю шорты и оставляю их на сиденье. Затем снова натягиваю свою кофту и также оставляю очки. Я заплетаю косу, пока направляюсь к Сэм, а затем легонько толкаю ее:

— Я должна идти.

Она ворчит что-то, что звучит как «люблю тебя», пока лениво шевелит пальцами, прощаясь, ее глаза все еще закрыты. Я подталкиваю вещи Дэна для сохранности под ее руки:

— Присмотри за вещами своего брата.

Она ворчит что-то неопределенное в ответ.

Я прощаюсь с подружкой Джерри. Никогда не беспокою парней своим прощанием, не хочу мешать их игре.

Я начинаю вытаскивать свой велосипед из кузова грузовика. Кто-то подходит ко мне со спины и толкает его обратно.

— Я подброшу тебя до дома, — говорит Дэн. Его губы так близко возле моего уха, что по моей коже пробегают мурашки.

— Не переживай об этом. Возвращайся к игре, — я знаю, как много удовольствия он получает, играя в бейсбол со своими парнями.

— Ханна, — выдыхает он своим «не испытывай мое терпение» тоном. — Забирайся в грузовик.

Я подчиняюсь, потому что это то, что вы делаете, когда Дэнни отдает вам приказ. Плюс, я уже опаздываю.

Я нервно смотрю на часы, когда он включает зажигание. Я уже опоздала на тридцать минут больше, чем обычно. Меня охватывает паника, и я ерзаю на своем сиденье.

— Расслабься, малышка, — Дэнни кладет руку на мою подрагивающую ногу. — Ты привлечешь к себе внимание, если будешь трястись, когда придешь домой.

Я нервно грызу свою губу. Он прав. Я пытаюсь делать успокаивающие вдохи, но они рваные и неровные. Я слишком переживаю, чтобы вообще что-то почувствовать от того, что он назвал меня *малышкой*. Он не часто меня так называет. Я фактически могу сосчитать эти моменты по пальцам, и обычно, когда он так делает, это разрушает меня. Я уверена, что позже, когда повторю это в своей голове, так и произойдет.

Мне становится легче, когда я вижу, что Дэн выбирает самый быстрый путь и вскоре высаживает меня на углу в нескольких кварталах от моего дома, убедившись, что никто нас не видит.

Мы оба спешим, и Дэн в считанные секунды достает мой велосипед. У меня нет

времени поблагодарить его, когда запрыгиваю на велосипед и еду домой так быстро, как только могу.

Когда я захожу, дома тихо.

Фух. Опять чуть не попалась.

Когда я цепляюсь за перила, то останавливаюсь на месте.

Лорен стоит наверху со скрещенными руками и властным выражением на лице.

— Где ты была?

— Что ты здесь делаешь? — отвечаю я оборонительно, уклоняясь от ее вопроса. Она редко приходит по вторникам.

— Я первая спросила тебя, — откликается она, требуя ответа на вопрос.

— Сегодня вторник, — напоминаю я ей с колотящимся сердцем, страх быть пойманной поглощает меня. — Я отвозила продукты мисс Фрайзер.

— Мама говорила, что ты уходишь в час, — обвиняет она и прищуривает свои глазбусинки, глядя на меня. — Сейчас начало шестого.

— Сегодня я ушла позже, — вру я (иногда у меня это получается чересчур хорошо). — Должно быть, мама забыла. Она уже так привыкла к тому, что это происходит каждую неделю в одно и то же время.

Лорен продолжает свой допрос.

— Почему ты ушла позже?

— Мне пришлось накачать шины.

— Это не занимает так много времени.

— Да, но потом позвонила бабушка, и мне пришлось поговорить с ней.

Отчасти, это правда, хоть и произошло это поздним утром. Я только молюсь о том, что когда она спросит у мамы (потому что я знаю, Лорен это сделает), мама подтвердит мою историю. Раньше мне всегда в этом везло.

— Мм, — она буквально исследует меня обвиняющим взглядом, пока я поднимаюсь вверх. Она не сдвигается с моего пути, в конце концов вынуждая меня проскользнуть между ней и стеной.

Я направляюсь в свою комнату и слышу, как она спускается по лестнице. Насколько можно тише, я прокрадываюсь вниз, чтобы подслушать.

Естественно, Лорен спрашивает маму о сегодняшнем дне.

Мама соглашается со всем, что я сказала, и я могу слышать враждебность в голосе Лорен.

— Но уже начало шестого, мам, — нажимает она.

— Она в порядке, — отмахивается мама. — Сейчас я больше не хочу слышать ни единого слова об этом. Особенно не при твоём отце. Последние несколько недель он был слишком занят на работе и не нуждается в дополнительной головной боли.

— Хорошо, — с раздражением говорит Лорен, когда уходит вместе со своими детьми.

По пути она одаривает меня злым взглядом.

— Ханна, — зовет мама с кухни.

Я проглатываю страх, что меня поймали.

Мама строго машет мне половником.

— Лорен права. Пять часов — это слишком поздно.

Я тереблю кончик косы.

— Я знаю, извини. Был такой прекрасный день, поэтому я выбрала живописный

маршрут к дому. Мне, правда, очень жаль, мама.

— Больше не делай так, — она указывает на мой фартук, висящий на стене. — Надевай его и помоги мне с ужином.

Я быстро делаю, что мне сказали, благодарная, что она больше ничего не говорит. Я задерживаюсь каждую неделю, но она никогда не говорит об этом отцу, вероятно, не желая портить ему настроение, что нам обеим на руку.

Интересно, все родители ведут себя со своими восемнадцатилетними детьми так, будто им двенадцать? Позволят ли мне когда-нибудь уходить из дома или оставаться подольше на каком-нибудь мероприятии или у кого-нибудь дома, не спрашивая на это разрешения?

Я давно знаю ответ на этот вопрос — нет. Если не родители, то мой муж будет тем, кто будет говорить, что делать, который, как они уверены, будет всегда прав, как глава семьи, по Божьей воле.

Но что, если я не хочу верить именно в то, во что верят они? Что тогда?

Разве я не должна иметь возможность выбрать собственный жизненный путь?

Хотела бы я знать ответы на эти вопросы.

Остальная часть недели протекает медленно в ожидании вечера пятницы, как и последние пять лет. Я даже не могу описать свою радость, когда, наконец, открываю дверь в дом Шепардов.

Нахожу свободное пространство среди множества незнакомых тел. Среди незнакомых тел женского пола. Я сдуваюсь, как шарик, пробитый иглой.

Сэм на кухне, наблюдает за ними, ее глаза, в основном, сосредоточены на Тэге, который в одиночестве сидит в кресле, на его коленях нет девушки (необычное зрелище). Не могу сказать того же о Дэне; его девушка не на его коленях, но нависает над ним. Надеюсь, что никогда не буду выглядеть такой отчаянной. Единственное, что меня успокаивает, это скучающее выражение на его лице.

Я перевожу взгляд на Сэм, когда направляюсь в ее комнату, чтобы переодеться. Сэм уже что-то приготовила мне на кровати — слишком открытое платье. Я знаю, она не ожидает от меня того, что я его надену, но ей нравится постоянно предлагать мне откровенные шмотки в надежде, что я поменяю свое мнение.

Сегодня вечером я подумываю об этом.

Я всерьез подумываю пойти туда в этом и вести себя, как те девушки. И, возможно, я даже смогу привлечь внимание Дэнни, заставить его посмотреть на меня с похотью, возможно, немного пофлиртовать.

Я трясу головой, чтобы очистить ее от нелепых идей. Этого никогда не произойдет.

Сегодня теплый вечер, поэтому я переодеваюсь в удлиненные шорты, которые заканчиваются чуть выше коленей. Стягиваю свою кофту, но мне не совсем комфортно быть одетой только в белую майку и шорты, так что я хватаю одну из танцевальных рубашек Сэм. Она достаточно свободно свисает с моих плеч и оголяла бы мой живот, если бы не майка.

Сэм все еще на кухне, когда я беру газировку. Я делаю большой глоток и проглатываю его, позволяя миксу из сассафраса и винтергрин (грушанки) охладить и отвлечь меня.

Девушка, которую я видела прежде, кажется, ее зовут Райли, в открытую флиртует с Тэгом. Он выглядит, будто ему некомфортно, постоянно поглядывая на Сэм, которую, хочу подчеркнуть, я никогда прежде не видела такой красной. С таким же успехом у нее мог бы повалиться пар из ушей.

Мне никогда не нравилось смотреть, как девушки вешаются на разных парней. К счастью, Аманда здесь и защищает свою территорию (не то чтобы Джерри когда-то был бабником). Норд их игнорирует, за это он мне и нравится. Мэддокс упивается вниманием, как и близнецы.

Обычно мы зависаем в комнате Сэм, пока не привозят еду, но сегодня вечером у Сэм другие планы.

Она подходит к креслу и, скрестив на груди руки, пялится на девушку, которая отчаянно пытается привлечь внимание Тэга.

— Убирайся.

Райли недоуменно смотрит на Сэм.

— Ни за что, — говорит она с отвратительным рыком.

— Это мой дом.

Райли указывает на Дэнни.

— Я думала, это его дом.

Сэм не отступает:

— И мой тоже.

— Хорошо, — Райли сексуально подставляет свои губы Тэгу, когда прижимается ближе к нему.

Сэм протискивается на ее место.

— Ему не нужны поклонницы.

— Я здесь только ради веселья, а это место как раз для этого, — срывается та.

— Держу пари, так и есть.

— В чем твоя проблема?

Сэм вызывающе садится, скрестив ноги.

— У меня нет ни одной.

Девушка закатывает глаза и отворачивается от Сэм.

— Не важно.

Тэг прикрывает рот, стараясь выглядеть естественно, но можно заметить улыбку, которую он пытается скрыть. Сэм смотрит на него, и он не может справиться с этим, широкая улыбка выглядывает сквозь его массивную руку.

Сэм делает вид, что игнорирует его, при этом дает понять, что позже он получит выговор. Она привлекает мое внимание и кивает мне на пустое место на диване, которое приведет меня к соседству с девушкой, нависающей над Дэном.

— Иди туда.

Ни в коем случае я не заставлю себя пройти через такие пытки.

Я отрицательно качаю головой.

— Ханна, — упорствует она, похлопывая по подушке.

— Я в порядке, — хочу, чтобы она бросила эту затею.

Дэн поднимает на меня взгляд, потом смотрит на девушку над ним и отталкивает ее.

— Ты должна пересесть, Сара.

У нее отвисает челюсть.

— Что?

— Это место Ханны, — говорит он небрежно.

— И кто это, черт возьми?

— Кое-кто намного утонченней, чем любая часть в тебе, — замечает Сэм.

Сейчас я настолько смущена, что становлюсь такой красной, как помидор.

Дэн насильно отодвигает Сару, и Сэм машет, чтобы я подошла. Я тащусь туда с опущенной головой.

— Уродина, — бормочет Сара, когда я прохожу мимо нее.

Сэм слышит и почти готова подлететь к ней с дивана.

— Не хочешь сказать это погромче?

Она бросает на Сэм тяжелый взгляд.

— Просто мне интересно, что вы, ребята, делаете, зависая с женой мормона. Разве она не должна быть дома, штопая одежду, пока ее муж спит с двадцатью другими женами?

Я пытаюсь придушить диванную подушку подо мной.

Я должна привыкнуть к этому. Если кто-либо из девушек видит меня в моей повседневной одежде, как минимум одна из них выдает ехидный комментарий. Почему

женщины так поступают? Полагаю, я ничем не лучше, ведь ненавижу их только за то, что они проявляют интерес к Дэнни и парням.

Мэддокс выдергивает пиво из рук Сары.

— Ты можешь уйти.

У Сары отвисает челюсть.

— Это была шутка.

— Ты видишь, чтобы кто-нибудь смеялся? — добавляет Трип, сжимая челюсть. Парни бесконечно могут подкалывать меня, но они не терпят, когда так делает кто-то еще.

— Извини, — бурчит мне Сара, при этом раскаяние не звучит в ее голосе.

— Все в порядке, — вру я, желая, чтобы вся эта ситуация была закончена и забыта.

— Последнее предупреждение, — строго говорит Мэддокс. Он выпивает часть ее пива, которое все еще держит в руке.

Я могу выдержать только еще несколько минут, прежде чем начинаю мечтать о том, чтобы уйти, до сих пор смущенная тем, что сказала та девушка. Я смотрю вниз на свои руки.

Пока все разговаривают о том, что именно они бы съели, Дэн кладет свою руку на подушку за моей спиной и наклоняется ближе, чтобы сказать мне на ухо:

— Не позволяй им добраться до тебя.

Я киваю, заставляя себя не плакать, когда в груди разрастается ком.

— Ты в сотню раз лучше любой девушки, когда-либо входившей в этот дом, поняла?

Я снова киваю, признательная за теплые слова, но не позволяю им проникнуть в сердце. Я знаю, что он просто старается сделать так, чтобы я почувствовала себя лучше.

Девушка, которая смеялась надо мной, снова пытается привлечь внимание Дэна. Он откровенно ее игнорирует, и она хмурится. Он встает, чтобы взять пиво, и другая девушка идет следом за ним, подхватывая инициативу, когда становится очевидным, что та девушка потеряла свой шанс.

— Я пойду в твою комнату, — предупреждаю я Сэм. Я больше не могу здесь находиться. Единственное, что мне нравится, что все парни полностью избегают Сару, и она явно выглядит огорченной этим.

Сэм встает вместе со мной.

— Я пойду с тобой.

Когда она проходит мимо Райли, которая все еще пытается флиртовать с Тэгом и сидит в такой позе, чтобы ее мини юбка задралась и показала ее трусы, Сэм не может сдержаться и замечает:

— Соедини свои ноги и поимей хоть немного моральных принципов.

Райли с ног до головы осматривает Сэм, которая до сих пор в своей одежде для танцев.

— А ты в этом эксперт.

— Это не я пытаюсь затащить в постель парня, который явно меня не хочет, — она разворачивается и возобновляет движение, не дожидаясь ответа.

Прайс выходит из ванной, когда мы направляемся в комнату Сэм.

— Где вы нашли этих неудачниц? — спрашивает Сэм в полном отвращении.

Прайс ухмыляется, и я знаю, что он даст нам исчерпывающий ответ:

— Мы каждую неделю приводим в порядок их заросли.

Ага, я была права.

Он проскальзывает мимо нас, посмеиваясь.

Сэм не выглядит ни капельки радостной.

— Почему он думает, что выглядит таким забавным, когда говорит подобное?

— Я перестала пытаться понять хоть кого-нибудь из них.

— Умно.

Мисс Шепард высовывает свою голову из комнаты:

— Девочки! Ура, вы здесь! Заходите, быстро!

Сэм раздраженно смотрит в потолок:

— Конечно, мы здесь. Мы здесь каждый вечер пятницы. Она бы знала об этом, если бы ей не было на все наплевать, — бормочет она между вздохами.

Я сжимаю ее руку. В основном, Сэм нравится, что ее мама держится в стороне от их жизни, но временами видно, что ее это раздражает.

Комната Энжи еще грязнее, чем комната подростка; из-за всех ее вещей, разбросанных повсюду настолько, что даже невозможно увидеть пол. Ее одежда везде, пустые и наполовину заполненные выпивкой стаканы захламляют пол и комод, обертки и тарелки, похоже, стали ее выбором декора.

— Что думаете? — она стоит в позе с рукой на выставленном бедре и дарит нам утиную улыбочку, будто ей шестнадцать лет и она делает селфи. Она одета в мини юбку и узкий топ, в ушах крупные кольца, на ногах обувь на платформе. Ее лицо выглядит точь-в-точь как у Дэнни и Сэм, настолько похоже, что временами мне становится интересно, как выглядит их отец, потому что я не уверена, что в них есть хоть что-то от него.

— Энжи, — вздыхает Сэм, она называет ее по имени только когда разочарована в ней. — Мне, правда, все равно, что ты наденешь, чтобы подцепить парня.

Она раскидывает упаковки вокруг комода в поисках чего-то:

— Ты знаешь, что всегда можешь присоединиться ко мне.

— Заманчиво.

Она улыбается, найдя то, что искала — ярко розовую губную помаду, которой незамедлительно пользуется, разговаривая, пока красит губы, поэтому слова звучат смешно:

— Что насчет тебя, Ханна? У тебя милое личико. Мы сможем по-настоящему хорошо пошалить в этом городе.

Она спрашивает меня об этом с тех пор, как мне было тринадцать лет. Я не уверена, как именно она вообще собирается затащить меня в бар.

— Я ценю ваше предложение, мисс Шепард.

— Энжи, — поправляет она меня со смешком. — Всегда такая вежливая. Просто от того, как это звучит, я ощущаю себя старой.

— Ты старая, — замечает Сэм.

— Да ну тебя, — Энжи отмахивается от этого так, будто все знают, что это не может быть правдой. — Всегда ты усложняешь мне жизнь.

Она направляется к двери, говоря через плечо:

— Ну, вы знаете, где меня найти, если передумаете.

— В забегаловке, где большинство обитателей порастеряли свои зубы? — издевается Сэм, пытаясь подражать ее голосу.

Энжи не слышит, она уже вышла за дверь.

Сэм распахивает дверь в свою комнату с большей силой, чем необходимо.

— Я не уверена, что хуже: мать, которой все равно на тебя, или мать, которая держит тебя под замком?

Я хочу сказать, мать, которой все равно, но не хочу ранить чувства Сэм. Мои родители

могут быть строгими и контролирующими, но я знаю, как сильно они меня любят.

Сэм закрывает за нами дверь, и я пытаюсь сменить тему:

— Ты переживала из-за Тэга?

Сэм дарит мне дерзкую улыбку.

— Неа, парень от меня без ума.

— Могу сказать то же самое о тебе.

У нее на лице появляется мечтательный взгляд.

— Да, можешь, — выражение ее лица меняется на недовольное. — Но это не означает, что мне нравится наблюдать за девушками около него.

— Вместо того, чтобы скрывать происходящее, ты могла бы рассказать всем о вас двоих и заставить их отступить.

— Это правда. Но я до сих пор переживаю, что Дэнни это не понравится.

— Ну, это не то, чего он хочет, но какой у него выбор?

Она не из моей семьи, она на самом деле может выбрать, с кем ей быть.

Сэм пожимает плечами.

— Я продолжаю задавать Тэгу те же вопросы. Кроме того, это своего рода даже весело. Все ощущается более запретным и сочным.

Мне придется поверить ей на слово.

Мы проводим время, болтая обо всем, что приходит на ум.

— Ужин! — кричат парни. Мне приходится просить, чтобы Сэм пошла одна и захватила что-нибудь в свою комнату, чтобы мне не пришлось иметь дело ни с какими девушками (или видеть их с Дэнни).

Когда мы заканчиваем ужинать, Сэм становится беспокойной, а у меня появляется идея нового эскиза, поэтому мы покидаем свою пещеру, уверенные в том, что сейчас дом заполнен достаточным количеством людей, чтобы девушкам было кому дарить свое внимание.

Первое, что я вижу, когда мы выходим из комнаты Сэм, это незнакомая мне девушка, которая стоит в дверях комнаты Дэна, с выпяченной грудью прислонившись к косяку. Он хватается руками о каркас над ее головой, когда наклоняется к ней. Ее улыбка слишком знакома мне; так улыбаются все женщины рядом с ним, немного самодовольная ухмылочка. Я называю это «ухмылка лапочки», они ее используют, когда пытаются соблазнить его, при этом их глаза полны вожделения. Он ухмыляется ей в ответ так, как я видела также бесчисленное количество раз, потому что он знает эту игру; он играл в нее сотни раз. Если он подарит им хотя бы немного внимания, то уже спустя десять минут сможет иметь их в своей комнате.

Обычно я избегаю смотреть на это, чтобы удержать себя от этих пыток, но сегодня что-то заставляет меня посмотреть. Я оглядываюсь через плечо, и вижу, что Дэн наблюдает за мной, пока девушка что-то говорит ему.

Сказать, что мой желудок выделяет внутри виток за витком, было бы преуменьшением. Он продолжает смотреть на меня, а я продолжаю смотреть на него через плечо, пока не врезаюсь в чью-то спину.

— Осторожней! — кричит парень, когда пиво разливается ему на руки.

— Извини, — бормочу я, мои щеки расцветают розовым цветом.

Сэм толкает парня.

— Это ты осторожней.

Мы идем за напитками, Сэм достает пиво, а мне еще одну бутылку газировки, и мы жуем закуски, которых не хватит даже на ближайший час.

Подходит Тэг, прислоняясь к столешнице около Сэм. Он жует чипсы и дарит ей игривую мальчишескую ухмылку.

— Привет.

Она старается сдержать улыбку, но та озаряет ее лицо.

— Привет, — потянувшись за «Читос», говорит она, стараясь звучать легкомысленно.

Он тянется за еще одной, что вынуждает его отряхнуть руки, и подмигивает ей, когда кладет «Читос» себе в рот.

Это продолжается несколько минут, когда они играют в игру, как бы она ни называлась.

— Милое платье, — ухмыляется он, сканируя ее тело.

Сэм хлопает ресницами.

— Эти старые тряпки?

Он кивает, выражая согласие.

— *Эти старые тряпки.*

Я закатываю глаза. Это мое время, чтобы покинуть их.

Чуть раньше Сэм сказала мне, что ей пришлось надеть это платье по просьбе Тэга. Каждый раз, когда он в прошлом видел ее в этом платье, он просто сходил с ума, так что я знаю, в каком направлении движется их разговор, и не хочу быть частью этого.

Я поднимаю вверх свой альбом.

— Я ушла.

— Найди меня потом, — просит меня Сэм.

У меня кружится голова, пока я направляюсь в свой личный уголок. Рисование своих идей дарит мне так много всего. Мое тело жаждет таких ощущений, и оно знает, что этот момент приближается. Адреналин подскакивает еще до того, как я начинаю рисовать.

Я так глубоко в своей идее, что едва слышу скрип стула, когда Дэн присоединяется ко мне. Мое тело не осознает, что он здесь, пока он не наклоняется и не поправляет выбившуюся прядь волос мне за ухо, открывая мое лицо.

Я делаю вид, что все еще работаю, но все, на чем могу сосредоточиться, это то место, где его кожа только что касалась моей.

Когда он уходит, я медленно выпускаю весь сдерживаемый воздух из легких.

Я не в состоянии вернуться в ту зону комфорта, в которой находилась, пока он не дотронулся до меня, так что решаю на сегодня закончить и присоединиться на вечеринке к Сэм.

Я сожалею о своем решении, когда вижу Дэна на его обычном месте на диване, а девушка, которая была с ним ранее, сейчас сидит верхом на нем, ее рот прижат к его рту.

От этого у меня внутри все болит.

Я прохожу, откладывая в сторону свой альбом и проговариваю про себя свои обычные ободряющие слова для вечера пятницы. В тысячный раз напоминаю себе, что Дэн не мой, и никогда не будет моим, так что это очень глупо всегда так волноваться, когда вижу его с другими девушками.

Я понимаю, что забыла свой карандаш. Прикосновение Дэна, должно быть, действительно отвлекло меня.

Вот черт. Теперь мне придется вернуться туда.

Я держу глаза опущенными всю дорогу к своему уголку. Карандаш здесь, терпеливо

ожидает меня. Обратный путь к раздвижной двери заблокирован. На моем пути стоят Сара, девушка, которая ранее оскорбляла меня, и Райли, которая заняла место Сэм.

Через раздвижную дверь я могу видеть, как Сэм бездельничает с парнями, принимая участие в мини сражении с едой.

— Кем, черт возьми, возомнила себя эта девка? — насмехается Райли, ее голос полон злобы.

— Я знаю, настоящая сука, — соглашается Сара с еще большей враждебностью.

— Она даже не симпатичная.

— Точно? — фыркает Сара. — Будто нанесла мало макияжа. Ты не чертова Алиша Кисс.

Хочу заметить, что мне на самом деле не нравится слово «сучка», но я чувствую, что оно здесь уместно.

Я продолжаю слушать, ошеломленная теми гадостями, которые они говорят. Кого волнует, красится Сэм или нет?

— По крайней мере, она не из какого-то подземного убежища секты судного дня, как другая девушка.

Они обе смеются.

В этот момент, вместо смущения от оскорбления, я ощущаю возрастающую злость.

Почему эти девушки думают, что они намного лучше нас? И если уж на то пошло, что я им такого сделала, что они говорят обо мне так жестоко?

Сэм направляется в гостиную, смеясь, когда Мэддокс плюет в нее арбузной семечкой.

— Шлюшка, — глумится снова Райли.

Этого достаточно, чтобы заставить меня действовать. Помимо того, что у меня кислое настроение от очередного созерцания Дэнни с другой девушкой, никто не будет говорить такое о моей лучшей подруге! Потеряв самообладание, я бросаюсь на нее, и мы падаем на землю.

Я не такой уж и хороший боец, учитывая, что это со мной впервые, но я наношу несколько ударов и хороших рывков за волосы. Хотя она еще хлеще, когда мы катаемся по полу. Она так сильно хватает меня за волосы, что я взвизгиваю, а затем отпускает их и пинает меня в живот. В это время Сэм запрыгивает на спину этой девки с криками:

— Не смей ее трогать!

Райли и Сэм кувыркаются, врезаясь в стол, из-за чего настольная лампа падает и разбивается.

Тем временем толпа скандирует:

— Драка! Драка!

Так же быстро, как это началось, Дэнни и его парни появляются здесь и оттаскивают Сэм от девушки.

К несчастью для Райли, Сэм знает, как надо драться, и окровавленное лицо девушки тому доказательство. Сэм едва ли выглядит так, будто до нее дотрагивались. В то время как у меня растрепаны волосы, я ощущаю кровь на губе и все еще задыхаюсь от пинка в живот.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Обе девушки снова пытаются добраться друг до друга, и это вынуждает двух парней сдерживать каждую из них.

Дэнни и Тэг держат Сэм.

Мэддокс и Норд держат Райли.

— Ты знаешь правила, — рычит Дэнни. — Проваливай к черту из моего дома.

Когда она выплевывает слова, ее зубы в крови:

— Не я начала это, — она кивает головой в направлении меня. — Эта сучка должна быть той единственной, кого нужно вышвырнуть отсюда. Она, блядь, просто напала на меня.

Дэнни и парни поворачивают головы в моем направлении, шок написан на каждом лице.

Дэнни осматривает меня, его челюсть сжимается, когда он замечает мой внешний вид. Я стираю кровь, почувствовав, как она стекает по моему подбородку.

Он отпускает Сэм, передав ее в руки Тэгу:

— Отведи Сэм в ее комнату. Держи ее там, пока она не успокоится.

Тэг кивает, поднимает Сэм на руки так, будто она ничего не весит, и закидывает к себе на плечо. Сэм поднимает свою голову вверх и спрашивает меня:

— Ты в порядке?

— Ага, — киваю я.

— Люблю тебя, — говорит она, пока ее несут.

— Тоже люблю тебя.

— Проваливай. На. Хрен. Из. Моего. Дома, — Дэн произносит каждое слово отдельно все его тело напрягается, когда он сжимает кулаки. — Никогда больше не появляйся даже близко рядом с этим местом.

— Что? — резко отвечает Райли с недоверием. — Ни за что, блядь.

— Убирайся, — кричит Дэн, указывая пальцем на дверь. Он поворачивается к близнецам: — Удостоверьтесь, что ее друзья последуют за ней.

Дэнни берет мою руку, и толпа расходится в стороны, когда он ведет меня в свою комнату. Он захлопывает дверь и начинает расхаживать из угла в угол. Я сажусь на кровать и цепляюсь за простынь.

— Извини, — мягко говорю я. — Я не собиралась делать ничего такого, просто она меня так разозлила, что я сорвалась.

Дэн останавливается, пробегая пальцами по волосам, отчего они начинают торчать в разные стороны.

— Ты думаешь, что я на тебя злюсь?

— Ну, ага. Я начала драку, — он всегда придерживается строгого правила — без драк (по крайней мере, в его доме; с давних времен это под запретом, особенно для него и его парней).

— Нет, малышка... — Дэн останавливается, проведя руками по лицу. — Иисус... нет... — он качает опущенной головой, прежде чем посмотреть вверх, злость до сих пор звучит в его словах, но в глазах теплота. — Это из-за того, как та девушка говорила о тебе. Мне хотелось врезать ей по лицу, но она девчонка. Будь она парнем, я бы нахрен убил ее.

То, как мягко он назвал меня малышкой, и его слова? Временами я просто не могу с этим парнем.

Я заползаю на кровать, встаю на колени на самый край и тянусь к его руке:

— Эй.

Он позволяет мне потянуть его к себе, ладонями он проводит по моим бедрам, а я своими по его бицепсам. Его брови сведены вместе, и я хочу разглядеть их своими губами, но это Дэнни, а это я, поэтому мне не хватает храбрости сделать это. Я едва понимаю, как смогла хотя бы дотронуться до него так, но думаю это все еще срабатывает адреналин от

драки, и прямо сейчас я сама не своя.

— Все закончилось, — успокаиваю я Дэнни, руками он крепко сжимает мои бедра. — Все закончилось, — повторяю я, пока выпускаю долгий, громкий вздох, и я счастлива, что он делает то же самое. Я делаю так снова и снова, и он повторяет со мной. Я не останавливаюсь, пока его брови не перестают хмуриться и дыхание не стабилизируется.

Он выдыхает и утыкается лбом мне в плечо, обвивая руками мою талию. Я привлекаю его как можно ближе к себе, но мои руки не могут обнять его полностью.

— Я могу вытерпеть много всего, Ханна, — его дыхание согревает мою кожу, а я потираю его спину, пытаюсь ослабить его напряжение. — Но когда кто-нибудь говорит что-то о тебе? Мне это никогда не нравилось.

Он поднимает взгляд, его глаза встречаются с моими.

— Даже когда парни подкалывают тебя или задают тебе кучу вопросов о всякой хрени, это раздражает меня. Но знать, что кто-то поднял на тебя руку? — он снова хмурится, а все его тело становится каменным. — Это, черт возьми, для меня слишком. Со своей злостью мне хочется разорвать весь этот долбанный мир.

— Я не знала.

— Я не хотел, чтобы ты знала.

Я хочу это знать. Мне становится от этого больно, слышать, что Дэнни заботится обо мне не только как о лучшей подруге своей маленькой сестры, что он заботится обо мне так же, как о своей сестре и своих парнях. Это много значит для меня.

Воспоминания возвращаются с полной силой. Это было летом, вскоре после нашего знакомства. Я пришла домой во вторник поздно, а мой отец рано. Я сказала ему, что миссис Фрайзер плохо себя чувствовала, так что я осталась с ней подольше, чтобы составить ей компанию. Он тут же позвонил ей и, благослови ее старое сердце, она припомнила, что чуть раньше чувствовала себя нехорошо. Я до сих пор не уверена, сказался тогда ее возраст или она умнее, чем я думала; но даже несмотря на то, что у меня было алиби, я все равно получила ремнем за то, что не позвонила и не предупредила. Когда в пятницу я переодевалась в доме Сэм и она увидела мою попу, то словно сорвалась с цепи, и все парни вломились в ее комнату, прибежав на шум, который она издавала. Слава Богу, вся моя одежда уже была на мне. Она рассказала всем о рубцах. Парни разозлились так же, как и она, и в этот момент я на самом деле поняла, что я одна из них. Джерри был готов позвонить своему дяде Луиджи, который, как он утверждал, «не занимается изготовлением долбанной пиццы». Дэнни вылетел из комнаты, Тэг быстро побежал следом за ним. Я не знала, куда он пошел. Я думала, что для него это было слишком драматично; он всегда ныл, что его дом привлекает слишком много чертовой драмы.

— Помнишь тот случай, когда Сэм увидела рубцы...

— Чертовски хорошо помню, — рычит он, и я начинаю отчетливо осознавать, что его руки сильнее сжимают мои бедра. — Я был готов пойти и убить твоего отца. Если бы там не было Тэга... — он делает еще один длинный вздох, качает головой, а затем снова кладет ее на мое плечо. — Давай просто скажем так: я никогда больше не хочу чувствовать себя так, как тогда, — он приподнимает свою голову, скользя прядями волос по моему лицу, потираясь о него. — Сегодня я был близок к этому. Спасибо Господу, что она девчонка.

Наши взгляды до такой степени тонут друг в друга, что мне кажется, его глаза способны поглотить меня полностью, и тут с хлопком открывается дверь.

— Ханна, ты в порядке?

Я закрываю глаза, огорченная, что этот момент закончился, момент, который я буду лелеять. Я поворачиваю голову к Мэддоксу, улыбаясь.

— Я в порядке, — киваю я.

Мэддокс ведет бровью, когда замечает нашу позу: наши тела прижаты практически грудь к груди, а руки переплетены вместе.

Дэнни тут же делает огромный шаг назад, ерошит руками волосы, еще больше спутывая их, а затем наклоняется за своей бейсболкой и надевает ее, пряча свое лицо под козырьком.

Норд врывается в Мэддокса, заставляя того пройти в комнату. Следом заходят близнецы, за ними Джерри.

Они все суетятся вокруг меня, никто из них не называет меня Мэри, только Ханна. Я заверяю их, что в порядке, но они настаивают на том, чтобы отвести меня в гостиную. Я отказываюсь присоединиться к вечеринке, но к моему удивлению, дом пуст.

Прайс читает все по моему лицу и отвечает на мой незаданный вопрос:

— Вечеринка отменилась. Мы все слишком переживали за тебя.

Мое сердце расцветает. Отказаться от возможности с кем-нибудь перепихнуться — это, фактически, то же самое, если бы они сказали мне «мы любим тебя». Судите их, как хотите, но они моя семья, и я тоже их люблю.

Норд просит меня рассказать им, что произошло, и, учитывая, что это только примерно третий раз, когда он обращается напрямую ко мне, я чувствую, что обязана ответить:

— Она назвала Сэм шлюшкой.

Все в комнате застывают, злость вскипает во всех них. В любом случае, я продолжаю:

— Я просто сорвалась.

Они все кивают, по типу «Ага, были, видели».

— Ну, и я ударила ее, — говорю я беспечно, будто это не была моя первая драка и я не чувствовала себя маленькой опасной штучкой (какой я точно была).

— Так держать, Ханна! — близнецы дают мне пять. Мэддокс сжимает меня в крепких объятиях и трясет. Джерри и Норд светятся большими гордыми улыбками, а Дэнни стоит в стороне и мы не отводим взгляды друг от друга.

Он никогда прежде не смотрел на меня так, и мне непонятно, что именно я вижу в его глазах.

Все, что я знаю, — что-то изменилось. Я не могу определить, что именно, но я это чувствую.

В следующий вторник, когда я приезжаю, миссис Фрайзер практически засыпает; что-то это происходит довольно часто. Прежде чем убрать еду в морозилку, я помогаю ей лечь в кровать. Я хмурюсь, когда замечаю, что она не так уж много съела. Не удивительно, что она выглядит такой худой. Я делаю мысленную пометку рассказать об этом родителям. Я провожу с ней еще какое-то время и оставляю ей записку на момент, когда она проснется, написав, что приготовила для нее свежий лимонад. Обычно я рада провести дополнительное время с Сэм, но не ценой здоровья миссис Фрайзер.

— Ты рано, — говорит Дэнни, когда я плюхаюсь на диван, распаренная и потная. Дэнни смотрит на меня тем взглядом, который использует только со мной.

— Миссис Фрайзер уснула.

— В ближайшее время Сэм не будет дома.

Я знаю об этом, в ближайший час у нее танцы.

— Пытаешься от меня избавиться? — поддразниваю я.

— Никогда, — говорит он небрежно, когда возвращает свое внимание к видеоигре, нажимая на кнопки.

В доме сегодня пекло, несмотря на три вентилятора, которые дуют на нас. Я стягиваю рукава своей блузки, открывая свою майку (а точнее майку Дэнни) под ней. Мне интересно, он когда-либо вообще замечал, что я надеваю его майку, или почему на протяжении многих лет периодически они у него пропадают? Если он и замечает, то никогда не упоминает об этом, по крайней мере, я об этом ничего не знаю.

Я расплетаю косу и поднимаю волосы в высокий хвост, закрепив их своей резинкой для волос. Я сразу же ощущаю прохладу.

— В холодильнике хренова куча льда, если он тебе нужен, — предлагает Дэн, глядя на меня краем глаза.

— Спасибо, — говорю в ответ.

Я тихо сижу и наблюдаю за его игрой, тайком поглядывая на него. Сегодня на нем только баскетбольные шорты, открывающие очень уж много его тела. Когда он играет, мускулы перекачиваются, отчего мое желание возрастает. Голова Дэнни свободна от его постоянной бейсболки, и волосы выглядят слегка растрепанными.

Иногда его внешности становится для меня слишком много, и я перестаю на него смотреть, иначе желание станет невыносимым.

В нем все, о чем проповедуют мои родители и Библия: он слишком много пьет, дерется, курит, спит с кем попало и матерится так, будто это его родной язык. Так почему я не могу перестать сохнуть по нему? Чем больше времени я провожу рядом с ним, тем хуже все становится.

Тепло начинает распространяться по мне, пот стекает по телу и блестит на моей коже. От этого у меня начинает кружиться голова. Большинство бы отправились домой, в помещение с кондиционером, но воздух в моем доме намного более удушающий.

Как только пот начинает стекать уже по моей груди, я решаю проверить, не поможет ли лед.

Я направляюсь на кухню и достаю из забитой морозилки большую чашу со льдом. На

мгновенье я задерживаю там свою голову и вздыхаю от блаженства, когда меня окутывает прохладный воздух морозилки. Хотя я не хочу расходовать лишнюю электроэнергию, поэтому с грустью закрываю ее.

Кладу руку на столешницу и медленно пробегаю кубиком льда по своей шее и груди. Это ощущается так хорошо, так освежающе, прохладные капли стекают вниз. Как только этот кубик тает, я хватаю еще один, закрывая глаза и позволяя этому прохлаждающему эффекту пронестись сквозь меня. Когда я открываю глаза, мое сердце замирает — Дэнни смотрит прямо на меня, что делает воздух более плотным, и мне резко становится тяжело дышать.

Он встает, положив джойстик на свое место. Наши глаза удерживают друг друга, пока он приближается. Дэнни останавливается только в сантиметре от меня. Когда он говорит, его голос низкий и хриплый.

— Хочешь, чтобы я охладил твою спину?

Все, что я могу сделать, это только кивнуть.

Он заходит мне за спину и наши оголенные плечи соприкасаются на краткий миг, посылая электрический разряд между нами.

Лед в моих руках растаял, и я вытираю влажные руки об юбку. Я слышу, как за моей спиной Дэнни берет кусочек льда, а потом его краешком пробегает прямо по моей шее.левой рукой он удерживает мое левое плечо, большим пальцем слегка поглаживая кожу. Второй рукой начинает скользить кубиком льда по задней части моей шеи, что мгновенно приводит к мурашкам.

Дэнни двигает кубик вниз по моей шее, прослеживает линию плеч и опускает вниз по моей руке, потом возвращается вверх по тому же пути. Мое тело реагирует так, будто точно знает, чего ожидать рядом с ним. Когда он возвращается к моей шее, я наклоняю голову в другую сторону, позволяя ему продолжить это путешествие. Как только я делаю это, Дэн опускается на мою талию руку, которой удерживал мое плечо. Он подходит ближе, и наши тела прижимаются друг к другу.

Его рот находится в сантиметре от моей шеи, и я чувствую его горячее дыхание напротив своей кожи, пока он продолжает водить льдом.

Откидываю голову назад, упираясь затылком в его плечо. После того, как кубиком льда он пробегает по моей второй руке вниз и обратно, снова достигнув основания моей шеи, Дэн проводит им по моей груди и опускает его под мою майку. Рукой, сжимающей мою талию, он скользит мне под топ, а пальцами ловит кусочек льда. Он проводит льдом по моему пупку, и, пробежав по боку, перемещается на спину, где начинает подниматься вверх по моей спине.

Я дрожу, и это не от холода.

Лед тает прежде, чем добирается до конца майки.

Дэн быстро тянется за другим кубиком.

В этот раз он обвивает рукой мою талию, поэтому я оказываюсь запертой в его объятиях. Глазами он следит за льдом, а мне свои приходится закрыть, потому что я чувствую себя слишком хорошо, чтобы не делать этого.

Дэн очерчивает контуры моего уха. Закатываю глаза и заваливаюсь на него, издавая стон от наслаждения, благодаря прикосновениям прохлады вперемешку с покалывающим эффектом от его прикосновений. Я слишком захвачена моментом, чтобы стыдиться этого.

Дальше Дэн пробегает кубиком льда по линии моей челюсти, исследует мои губы. Его

дыхание становится поверхностным, когда я слизываю скатившуюся с губ каплю.

Когда он скользит кубиком обратно, то застывает так на долю секунды, прежде чем опускает свои руки и делает шаг назад. От неожиданности я моментально открываю глаза.

Он небрежно возвращается к дивану, закидывает оставшийся кусочек льда себе в рот и продолжает игру.

Какое-то время я моргаю, пока мой мозг пытается осмыслить, что только что произошло и почему он остановился.

Вопрос тут же отпадает, когда в дверь заходит Сэм.

— Здесь чертова сауна, — наполовину скулит, наполовину стонет она, скидывая свою сумку для танцев на пол около двери. — Я думаю, что разбираться с мамой во время занятий более приятно, чем иметь дело с жарой в этой сраной дыре.

Дэн игнорирует ее, и она направляется ко мне, наливая в стакан холодную воду из холодильника. Она останавливается рядом со мной.

— Ханна, ты в порядке? Ты выглядишь слегка покрасневшей.

Мне требуется время, чтобы ответить, я все еще нахожусь в трансе.

— В порядке, просто жарко.

Это больше из-за Дэнни, чем из-за жары, но я оставляю это при себе.

Дэнни играет в игру так, будто нас здесь и вовсе нет, будто не он только что наклонил и перевернул мой мир.

Входит их мама Энжи.

— Тебе нужно больше тренироваться, — ругает она Сэм.

Сэм закатывает глаза.

— Я тренируюсь.

Это правда, большую часть своего свободного времени она тратит на танцы.

— Другие девочки догоняют тебя, а они практически вдвое младше!

Сэм снова закатывает глаза и поднимает голову вверх, глядя в потолок. Вот почему она ненавидит, когда мама забирает ее с тренировки. Она всегда приходит пораньше, чтобы посмотреть, а потом оставшееся время информирует Сэм о том, что та делала неправильно, несмотря на то, что сама ни дня в своей жизни не провела, беря уроки танцев. Можно представить, как без конца это раздражает Сэм.

— Звонил Чак, — встречает Дэн.

Это полностью захватывает внимание Энжи.

— Правда?

— Ага, хотел, чтобы ты перезвонила ему.

Этого достаточно, чтобы она понеслась в свою комнату как подросток.

— Спасибо, — говорит Сэм своему брату.

Дэн пожимает плечами.

Они любят свою маму, но предпочитают, чтобы она оставалась в стороне от их жизни. Они привыкли, что ее нет рядом, поэтому не особо ценят, когда она несколько раз в месяц пытается вести себя как настоящий родитель, а не сосед по дому.

Дэн встает.

— Мне нужно в душ. Может, это, черт возьми, охладит меня.

Он исчезает в коридоре, и я слышу, как закрывается дверь в ванную комнату.

Сэм достает свой телефон, нацепив озорную улыбку, когда печатает сообщение.

Следующее, что я понимаю, это открывается входная дверь и появляется массивное тело

Тэга. Он шагает к Сэм, которая встречает его на полпути. Он оценивает ее с верху до низу одобрительным взглядом.

— Привет, детка.

— Привет.

Я никогда прежде не слышала, чтобы Сэм говорила таким страстным тоном, когда она тянется к его рукам и тащит его в свою комнату.

— Не отпускай моего брата никуда, особенно не подпускай близко к моей комнате, — говорит она, проходя мимо меня.

Великолепно, я в очередной раз в самом центре всего этого.

Я рассеянно переключаю каналы, стараясь не думать о том, какая здесь чертова жара. Когда я уже не могу оставаться здесь ни на минуту дольше, я направляюсь к морозилке и беру в каждую руку по кусочку льда. Пока вожу кубиками по своей коже, то стараюсь оттолкнуть картины того, как меня касался Дэн и что я чувствовала от его прикосновений.

Но это невозможно, поэтому я решаю продолжить вместе с ними.

Я закрываю глаза и пытаюсь повторить каждое движение.

Я так этим поглощена, что не слышу, когда возвращается Дэн, пока он не открывает холодильник, чтобы достать пиво. Он выпивает его за один долгий глоток, все это время он не отводит взгляда от меня. Как бы я ни хотела, я не могу отвести взгляд, и кубик льда тает на моей груди, там, где остановилась моя рука.

Я жду. Чего, я не уверена. Того, что он начнет действовать? Нет. Я не настолько глупа, чтобы надеяться на это.

Он ставит на столешницу пустую бутылку и, взяв еще одну, спокойно возвращается к своему месту на диване и включает игру. Я выпускаю сдерживаемый вздох и возвращаюсь на свое место, где мы оба сохраняем молчание, и я наблюдаю, как он продолжает играть, будто ничего не произошло; будто я не представляю в своей голове миллион картин нас вдвоем.

— Ханна, мы хотим обсудить с тобой кое-что важное, — говорит отец, кладет свою вилку и вытирает губы салфеткой.

Я откусываю еще один кусочек запеканки и киваю ему, показывая, что вся во внимании.

Мама ерзает на своем стуле и смотрит по сторонам. Она пытается продолжать улыбаться, ее тело практически танцует на стуле. Она наклоняется и кладет руки поверх рук отца, сжимая их. Он поднимает на нее любящий взгляд и подмигивает. Мой отец никогда не подмигивает.

Первая мысль, которая приходит мне в голову: «*Ох, черт, она снова беременна?*». Я даже не думала, что в ее возрасте это все еще возможно, не говоря уже о том факте, что ее поезд давным-давно перестал ходить в том направлении.

— Мы с твоей мамой решили, — широкая улыбка расплзается на лице моего отца, и он в ответ сжимает мамину руку. Следует пауза, и я, с тревогой ожидая услышать, что он скажет, откусываю еще кусочек запеканки.

Он снова оглядывается на маму, прежде чем сфокусировать свой взгляд на мне:

— Мы решили, что пришло время найти подходящего мужчину, который будет ухаживать за тобой.

Мне нелегко проглотить ту еду, которая в итоге опадает в животе, как кирпич. Я тянусь к своему стакану с молоком, и глоток, который я делаю, застревает в моем горле.

— Разве это не волнующе? — мама хлопает в ладоши, подпрыгивая на своем стуле, как будто она моя сестра.

Я не могу говорить. Я знала, что после того, как в январе мне исполнилось восемнадцать, а в июне я окончила школу, этот день наступит, но все это до сих пор не подготовило меня к тому шоку, который я испытываю. Все мое тело кричит мне бежать, бежать и никогда не оглядываться назад.

Мама тянется ко мне и обнимает. Я украдкой смотрю на отца, который излучает удовлетворение в свете последних событий, что раздробили мою душу.

Это не может произойти. Пока еще нет. У меня едва ли была возможность получить жизненный опыт.

Я крепче сжимаю маму в поисках успокоения, но она расценивает это по-своему.

— Я так за тебя рада! Время, когда твой отец ухаживал за мной, было самым счастливым в моей жизни.

Что со мной не так? Почему я не могу радоваться этому? Мои сестры были в восторге, когда узнавали об этом, и неделями одержимо говорили только об одном: какой парень из нашей церкви может стать выбором отца, кого, они надеялись, он выберет, а кого нет, что они наденут в ближайшее воскресенье в церковь.

Но я не могу этого сделать. Ничто внутри меня не ощущается как радость, только как обреченность.

Когда мама отпускает меня, родители таращатся на меня, ожидая, что я что-нибудь скажу.

Непреодолимый шок и печаль заставляют меня сказать, не подумав:

— Можно, я схожу к Сэм?

Я слишком измотана, чтобы использовать полное имя Сэм, но мне отчаянно нужно быть в единственном месте, где я могу быть самой собой, где я не буду задыхаться.

В голосе моего отца звучит раздражение, которое выражает его недовольство:

— Это все, что ты можешь сказать?

— Извините, — я сразу поправляюсь, выдавливая улыбку, которая показывает мою радость, а не мучения. — Я просто слишком взволнована и хочу поделиться этой новостью с ней. Возможно, я вдохновлю ее начать задумываться о поисках мужа, что поможет ей лучше служить Богу, — не могу поверить, что это только что вылетело из моего рта, но судя по тому, как меняется выражение лица отца, могу сказать, он это одобряет.

— Ох, Марв, отпусти ее, — мама сияет. — В день, когда я узнала об этом, я так нервничала и волновалась, что еле могла сдерживать себя. Позволь ей разделить это с кем-то ее возраста. Позволь им их девчачьи разговоры. Ее сестер здесь нет, чтобы она поделила это с ними так, как и они с ней в свое время.

Он вздыхает:

— Ох, ну ладно.

Я не могу еще быстрее подняться со своего стула, сиденье практически падает, когда я встаю.

— Спасибо! — кричу я через плечо, не заботясь о том, как мой внезапный скачок может его расстроить. Все, что меня заботит, это поскорее выбраться из этого дома.

— Один час! — кричит он в ответ.

— Да, сэр, — отвечаю я, прежде чем выйти. Я вывожу свой велосипед и запрыгиваю на него.

Пока еду, что-то внутри меня начинает прорастать, что-то, что я никогда прежде не испытывала — ярость.

С чего мои родители взяли, что могут принимать такое решение? Я должна быть единственной, кто может принимать эти решения.

Я быстрее кручу педали, мое тело практически лежит на руле, пока я выплескиваю свой гнев на велосипеде.

Мне восемнадцать лет. Почему все это вдруг должно подготовить меня к замужеству? Я далека от того, чтобы быть готовой к такому роду ответственности. Ради всего святого, я даже не могу решить, какой мой любимый цвет!

От ярости у меня поднимается температура, и в купе с волнением и летней жарой это опасная комбинация. Я перекидываю ногу через велосипед, балансируя на одной педали, когда приближаюсь к двери, и спрыгиваю, только когда чуть не врезаюсь в нее, позволяя велосипеду упасть со звоном и стуком.

Я толкаю дверь, и она распаивается. Мне кажется, сопровождающий меня порыв ветра должен вихрем поднять мои волосы в воздух, но на самом деле от пота они только повсюду прилипают к моему телу. Я пинаю дверь, закрывая ее за спиной, в то же самое время срываю свою рубашку, открывая белую майку, которая всегда прячется под ней. Я бросаю блузку на сиденье, наклоняю голову и собираю свои волосы в высокий хвост. Я всерьез рассматриваю вариант сбрить их совсем; ни у кого не должно быть так много волос в такую жару. Я знаю, что не сделаю этого, но на какой-то момент мой искушитель делает это по-настоящему заманчивой идеей.

На мне надета свободная юбка, поэтому, когда падаю на диван, позволяю ей задраться так, что мои ноги оголяются и остаются прикрытыми только наполовину. И знаете, что?

Мне все равно. Мое дыхание затруднено; отчасти из-за бешеной езды, но в большей степени из-за эмоций, грохочущих внутри меня.

На экране передо мной ничего не происходит, поэтому я оглядываюсь и вижу плящущего на меня Дэнни такими же большими глазами, какие частенько бывают у его сестры.

— Мне жарко, — я чувствую, что должна объясниться.

Он кивает, хватает свой стакан с водой, с которого еще стекает вниз конденсат, и передает его мне. Я опустошаю его за четыре глотка.

— Еще? — спрашивает он, в его тоне слышится смех.

— Да, — вздыхаю я.

Он встает, наполняет стакан кубиками льда, затем добавляет холодную воду с холодильника. Лед уже тает, когда он отдает мне стакан назад, так здесь жарко.

Я выпиваю его так же в рекордный срок.

— Ты в порядке? — посмеивается он.

Я падаю обратно на диванную подушку.

— Нет, — говорю я в пустой стакан. Слезы стекают с уголков моих глаз, и я стираю их.

На долгий момент вокруг повисает тишина, прежде чем я слышу скрип, а вместе с ним и проседание дивана, когда тело Дэнни передвигается на ближнее место рядом со мной.

— Что случилось? — он рукой тянется к моим волосам, спадающим на мое лицо, и откидывает их в сторону. Это охлаждает меня, и я закрываю глаза и вздыхаю от удовольствия.

— Скажи мне, — призывает меня Дэнни, пока берет кусочек льда и ведет им по задней части моей шеи.

Я выдыхаю и говорю так быстро, как могу:

— Мои родители готовы найти мне кого-нибудь, кто будет за мной ухаживать. Если все будет так, как и у всех в моей семье, то через несколько месяцев я буду помолвлена, а спустя девять месяцев буду с младенцем на руках, — мое дыхание затрудняется, пока я сдерживаю в себе искушение кричать от разочарования, слезы жгут мне глаза.

Дэнни потирает мою спину.

— Все в порядке, просто дыши.

— Я не могу, — выдыхаю я. — Я не хочу этого.

Поднимаю на него взгляд с мольбой в глазах.

— Я не хочу этого, — шепчу я.

— Я знаю, — отвечает он мне мягким голосом, все еще потирая мою спину.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю тебя.

Он знает. Несмотря на то, кем является, он всегда заставляет меня чувствовать себя своей, всегда заботится обо мне. Вот почему я влюбилась в него по уши в два счета за пять секунд.

Я не могу позволить себе думать о том, как бы развивалась моя история, при этом не имея возможности ее прожить. Я продолжаю, чувствуя себя рядом с ним более открытой, чем когда-либо прежде с кем-то еще:

— Это не может так закончиться. Это не может быть тем, что мне уготовано.

— Чего *ты* хочешь? — подталкивает он, его рука до сих пор на моей спине.

Я выпаливаю единственное, что приходит мне на ум:

— Тебя.

От моих слов он отшатывается назад, и я продолжаю, пытаюсь объяснить:

— Я не хочу, чтобы мой первый и последний поцелуй был с парнем, которого я едва знаю. Мне нужно больше, чем это, — я поворачиваюсь к Дэнни всем телом. — Мне нужно, чтобы ты поцеловал меня, Дэн. Пожалуйста. Когда я выйду замуж, мне нужно знать, что у меня было больше опыта, чем один мужчина, которого мне подпихнули родители.

К этому моменту наши тела находятся очень близко друг к другу.

Дэн поднимает руку, ладонью обхватывая мое лицо, и большим пальцем поглаживает мою щеку. Он так пристально смотрит мне в глаза, что мое тело принимает это за приглашение и тянется к нему, мои губы раскрываются.

— Ты уже не сможешь вернуть все назад, — говорит он.

— Я этого и не захочу, — обещаю я.

Ничто и никогда не ощущалось таким правильным.

— Я не смогу остановиться, — предостерегает он, сейчас его губы в сантиметре от моих.

Мне вообще все равно, что он этим хочет сказать. Все что я могу, это придвинуться к нему еще ближе. Наши губы на пороге чего-то, что я никогда не смогу забыть; чего-то, что, я знаю, я буду повторять в своей голове до последнего дня своей жизни.

Я жду этого с нетерпением.

Только наши губы готовы встретиться, со стуком открывается дверь. Дэнни так быстро отпрыгивает в сторону, что можно подумать, будто он коснулся огня.

Это всего лишь Тэг. Он смотрит поочередно на нас, затем его взгляд натывается на место на моем теле, которое прикрыто только трусиками, где сбита моя юбка, затем переводит взгляд на мое лицо, румяное и красное. Он поворачивает голову к Дэнни, который тяжело дышит; его зрачки расширены. Тэг приподнимает бровь.

Я бросаю на него предупреждающий взгляд. Он мой должник, и не единожды.

Тэг прочищает горло, отводя взгляд:

— Сэм идет прямо за мной, — он проходит к холодильнику, достает пиво и выпивает его за три долгих глотка.

Как по заказу, Сэм хлопает дверью, закрывая ее за собой. Я опускаю свою юбку вниз, прикрывая ноги. Мой момент упущен. Хорошая-девочка-Ханна возвращается. В один скоротечный момент я попросила то, чего хотела, и почти получила это, но сейчас все прошло. Думаю, мне этого хватит, чтобы перенести все это. Мне больно от того, что это все, что у меня есть.

Сэм застывает на месте, заметив меня.

— Что ты здесь делаешь?

Только увидев свою лучшую подругу, я начинаю плакать.

— Ох, черт, — выдыхает она, хватая меня за руку и тащит в свою комнату.

Как только мы оказываемся на кровати, она сжимает меня в объятьях, пока я плачу в ее руках.

— Это произошло, да? — шепчет она, поглаживая мою спину.

Я киваю. Она так хорошо меня знает. Я не часто плачу. Последний раз, когда я так плакала, случился, когда мне исполнилось восемнадцать, и Лорен выдала несколько двусмысленных комментариев о том, что не успею я оглянуться, как уже буду замужем.

Сэм плачет вместе со мной, мы обе знаем, что это означает: конец моей жизни и конец

нашей дружбы. Какой муж позволит мне бывать здесь и дальше?

Она вздыхает мне в волосы.

— Мы проведем вместе столько времени, сколько нам осталось, хорошо?

Я киваю в ее плечо.

Мы вместе плачем, пока не настает время мне уходить. Когда иду к выходу, я даже не могу посмотреть на парней, которые готовятся к вечеру.

Как я вообще собираюсь попрощаться с ними, с моей настоящей семьей?

Родители все еще позволяют мне уходить из дома с ночевкой по пятницам, это при том, что они также дали разрешение мне уходить в гости на час в любой другой день. Из-за вероятности, что я выйду замуж и обзаведусь семьей, оба моих родителя пребывают в великодушном настроении.

Сэм не рассказала об этой новости парням, но после моего прихода объявила, что мы должны сделать это лето самым лучшим. Они все охотно согласились с этим, даже не нуждаясь ни в каких разъяснениях. Поэтому, естественно, мы начали с игры в прятки. В эту игру мы играем несколько раз в год. Я знаю, что для большинства подростков играть в эту игру кажется глупым, но мы отрываемся по полной. Их оправдывает то, что они все еще беззаботные дети, и, полагаю, они играют в эту игру с самого детства. В этой компании очень сильно чувство ностальгии.

Сэм решает, что, поскольку это ее идея, она первой будет искать.

Я направляюсь в ванную комнату, наблюдая за тем, как остальные разбегаются по своим укрытиям. Кто-то остается внутри, другие направляются на задний двор. Когда я уверяюсь, что никто меня не видит, я на цыпочках крадусь в комнату Дэнни, поглядывая за плечо, прежде чем войти. Когда я уверена, что никто не пойдет в его комнату, я иду в свое любимое место укрытия — его шкаф. Это место мое любимое по двум причинам: они еще ни разу не находили меня здесь, и я буду окружена его запахом.

Я осторожно открываю дверь, стараясь не издавать шума, затем вхожу в него. Я знаю, где именно мне можно спрятаться, чтобы оставаться незамеченной, даже если кто-нибудь заглянет внутрь. В комнате темно, в шкафу еще темнее, но я знаю, куда направляться, поэтому я пугаюсь, когда врезаюсь во что-то твердое, которое издает вздох.

— Извини, — шепчу я испуганно, — Я не знала, что здесь кто-то есть.

— Все в порядке, — шепчет в ответ Дэн, наши тела так близко, что я могу почувствовать его дыхание, которое пахнет мятой и табаком. От его близости я нервничаю и нахожусь на взводе, моя голова немного кружится из-за нашего столкновения в шкафу.

— Я найду какое-нибудь другое место, — я передвигаюсь, чтобы выйти, но он останавливает меня, схватив за руку.

— Не хватит времени, — говорит он мне прямо в ухо. То, как щекочет его дыхание, путешествуя по моему телу вниз, — такие ощущения может вызвать во мне только он. От этого я чувствую себя живой.

Я слышу, как Сэм идет по коридору, поэтому делаю первое, что приходит мне на ум, чтобы нас не нашли. Я беру Дэна за руку и тяну его вглубь шкафа, позволяя его одежде укрыть нас, и переступаю через кучу его сумок.

Маленького, уютного местечка едва хватало для меня одной, поэтому нахождение здесь двух человек заставляет нас слиться друг с другом. Каждое движение, будь это подергивание или дыхание одного, ощущает и второй.

Дэн меняет положение, обвив меня руками, и мне не остается другого выхода, как сделать то же самое. Наши лица практически щека к щеке, но его немного выше, поэтому его губы на моем виске.

От летней жары в совокупности с его близостью я чувствую легкое головокружение.

Я рассматриваю варианты извинения за свое вчерашнее поведение, когда Дэн делает вдох, уткнувшись носом в пряди моих волос.

— Почему твои волосы всегда так хорошо пахнут?

Я пожимаю плечами.

— Шампунь, я полагаю.

— Тот, который в нашем душе?

Я киваю, зная, что он это почувствует. Я держу здесь свои туалетные принадлежности, предпочитая свои собственные вещам Сэм.

— Нет, это не он, — говорит он мне на ухо. — Тот не так пахнет.

— Возможно, они так начинают пахнуть после сушки? — предполагаю я.

— Нет, я испробовал его на своих собственных волосах.

Я открываю рот, чтобы ответить что-нибудь, но мне ничего не приходит на ум, а затем понимание накрывает меня.

— Подожди, ты *испробовал* его?

Он кивает.

— Я пытался понять, из-за чего ты всегда так хорошо пахнешь.

— *Всегда?* — получилось громче, чем шепот, больше похоже на карканье или писк.

Он шикает на меня и кладет руку на мой рот.

Сэм заходит в комнату, и я слышу, как она проверяет под кроватью, прежде чем открыть шкаф. Секунду она просто стоит, прежде чем двинуться внутрь.

Дэн опускает свою руку и скользит ею по моей спине.

Когда Сэм никого не находит, то покидает комнату, но никто из нас не двигается. Я и не хочу; я никогда раньше не была так близко к нему, и я знаю, что это будет в последний раз. Я хочу, чтобы этот момент длился вечно.

Понимая, что у меня нет никакого желания уходить, я все же говорю ему:

— Безопасно.

Он кивает. Наши прижатые лица и волосы щекочут нас, но он не отодвигает свое тело от моего.

Спустя несколько секунд он берет мою руку в свою и подталкивает меня к выходу, помогая переступить через кучу сумок. Пока мы выбираемся, он держит мою руку в своей, оглядывая обе стороны коридора, прежде чем мы рывком бросаемся на кухню. К столешнице мы добираемся первыми, оба смеясь. Я всегда ощущаю себя легкомысленной, когда знаю, что добралась до базы незамеченной.

Дэн становится прямо рядом со мной, наши руки сжимают край стола, мизинец к мизинцу, и мы смотрим, как наши ноги качаются с пяток на носки. От этого мое сердце несется вскачь, но я знаю, что это ничего не значит. Это не впервые, когда он находится так близко. Несколько лет назад я думала, что он делает это преднамеренно, но потом поняла, что это сумасшедшая идея.

— Чувак! — провозглашает Мэддокс, присоединяясь к нам. — Как вы, двое глупцов, смогли уже оказаться здесь? Клянусь, Мэри зачитывает какое-то заклятье, чтобы — вуаля! — и появиться здесь.

— Нет, я просто использую портал, — бесстрастно говорю я, пытаюсь сохранить серьезное лицо.

Никто не понимает мою шутку.

Следующим приходит Норд, направляется к холодильнику и достает себе и двум другим

парням пиво. Он раздаст пиво, передавая при этом мне газировку. Дэн залпом выпивает всю бутылку, будто умирает от жажды.

В конце концов, все возвращаются. Тэг первый, кого поймали (хотя, я подозреваю, что Сэм не особо пришлось стараться), поэтому он становится следующим искателем.

Я снова притворяюсь, что кое-куда иду, и когда убеждаюсь, что никто не зайдет в комнату Дэна, я быстро захожу, и направляюсь в свое место в шкафу.

И снова я врезаюсь в твердое тело.

— Снова? — спрашивает Дэн, и я могу слышать смех в его голосе.

— То же самое я могу сказать и о тебе, — шепчу я, защищаясь. Прежде, чем я заканчиваю фразу, он тащит меня в заднюю часть шкафа. Наши тела оказываются так близко, как только могут находиться тела в таком тесном шкафу.

— Он идет, — объясняет Дэн, его губы прямо возле моих губ

Я пытаюсь услышать что-нибудь, но все, что я слышу, это как остальные все еще пытаются найти места укрытия.

— Ханна?

— Хм?

— Я собираюсь поцеловать тебя.

Воздух покидает мои легкие, когда его губы, едва касаясь, движутся вдоль моей челюсти, направляясь к губам.

— Скажи мне остановиться, — говорит он тоном, который звучит наполовину отчаянно, наполовину требовательно.

Я не могу. Он понятия не имеет, что подтверждает мне само существование сказки.

Губы Дэна нависают над моими, и когда они уже практически прикасаются к моим, в комнате звучат громкие шаги. Дэн отклоняет голову, и мы продолжаем стоять, замерев и не издавая ни звука.

Тэг рыщет по комнате, а когда он выходит, я выдыхаю. Не от облегчения, а от разочарования из-за упущенной возможности. В любом случае, произошло бы это на самом деле? Сомневаюсь.

Может, это непосредственная близость, а может, это темнота, укрывающая меня. Возможно, это полнолуние, или дело в том, что я сыта по горло тем, что не имею права голоса на свое будущее. Я никогда не узнаю наверняка, но что-то на короткий момент делает меня смелой, и я пользуюсь этим шансом, чтобы получить то, что на самом деле хочу.

— Дэн?

— Хм?

— Ты собираешься поцеловать меня?

Что-то вибрирует в его груди. Что-то между рычанием и фырканьем, когда его губы буквально врезаются в мои.

Сначала я ощущаю пиво, которое он только что выпил. Вкус хмеля все еще сохранился на его языке, следующим я ощущаю вкус мяты и табака. Я выдыхаю в его рот, и первоначальная грубость нашего поцелуя оборачивается нежностью и мягкостью. Он проводит руками по моей спине, поднимаясь к затылку, когда его язык погружается в мой рот, дразня мой язык. Это лучше, чем все, что я могла себе представить.

Поцелуй длится всего минуту или две, прежде чем он отстраняется от меня, но мои глаза остаются закрытыми.

Дэн берет меня за руку и тянет меня наружу:

— Нам нужно вернуться на базу.

Я хочу закричать, что он не может торопить меня, он не может подарить мне первый поцелуй, а потом ожидать, что я смогу двигаться, но каким-то образом у меня получается это сделать. Но я словно в тумане.

Дэн открывает еще одну бутылку пива, прислонившись к столешнице, и пялится на меня.

Я стараюсь не стесняться, но, конечно, у меня не получается.

— Полагаю, теперь ты знаешь мое секретное место укрытия, — выпаливаю я гораздо более неловко, чем мне хотелось бы.

Он дарит мне свою ухмылочку.

— Полагаю, что так.

Я не знаю, что сказать дальше. К счастью, я спасена голосами вошедших людей, готовых к вечеринке.

Сэм хватается за руку и тянет в свою комнату. Она о чем-то болтает, но в этот момент я не совсем в этом мире. Я вспоминаю поцелуй и то, как мои губы жаждали этого.

Сэм пинает меня.

— Что с тобой не так сегодня?

Я прихожу в себя:

— Ничего.

— Ложь. Ты до сих пор переживаешь о том, что сказали тебе родители?

— Да, — быстро отвечаю я. По крайней мере, это часть правды.

— Не думай об этом, не тогда, когда ты здесь.

Я киваю. Она была бы права, если бы мои мысли в данный момент не были поглощены кое-чем другим.

Сэм присоединяется к вечеринке. Я знаю, мой разум будет блуждать в другом месте, если я отправлюсь рисовать, и прямо сейчас я ничего не могу с этим поделать. Мне нужно некоторое время, чтобы прийти в себя, пока я одержима мыслями о губах Дэна, прижимающихся к моим губам.

Я направляюсь на кухню, чтобы взять еще одну бутылку газировки, но подсознание говорит мне, что сахар не даст мне ничего хорошего. Как бы там ни было, я открываю бутылку, прислоняюсь к столешнице и сканирую толпу, пока делаю глоток своего напитка. Обычно мои глаза задержались бы на Дэне, но сегодня вечером я не могу вынести этого, поэтому я скольжу взглядом мимо него, затем еще раз присматриваюсь, потому что точно уверена, что он смотрел на меня.

Ага, и он все еще смотрит.

Мы удерживаем наши взгляды. Я пытаюсь прочитать его, но не могу. Никогда не могла.

Он кивает в направлении ванной комнаты.

В животе появляются бабочки, когда я киваю в ответ.

Он шепчет одними губами:

— Пять минут.

Я снова киваю и наблюдаю, как его тело прокладывает себе путь через толпу, как на полпути он останавливается перед девушкой, которая намного симпатичнее меня. Она пытается подкатить к нему, и все мои бабочки падают, пока я ожидаю, что он схватит ее и поведет в свою комнату, полностью забыв обо мне.

Но он этого не делает. Он говорит ей что-то такое, от чего ее лицо выражает явное

разочарование, а потом Дэн идет в одиночестве в другой конец коридора.

Я восстанавливаю свое дыхание, заставляя себя вдыхать и выдыхать, пока наблюдаю за временем на микроволновке, ожидая, когда пройдет время. Когда, наконец, приходит этот момент, я уже практически десять раз уверила себя, что иду туда только поговорить, а потом вернусь назад, но все равно направляюсь к его комнате.

Сэм появляется на другом конце коридора, когда я возвращаюсь назад в сторону комнат:

— Что случилось? Я думала, сегодня вечером ты собиралась позависать с нами?

— У меня появилась идея, над которой я бы хотела подумать, — когда я рисую, никто меня не беспокоит (за исключением Дэнни), так что я в безопасности от того, что она пойдет меня искать, если не будет знать, где я.

Она не одобряет это, но обнимает меня.

— Ладно, ну, найди меня, когда закончишь.

Дверь в комнату Дэнни закрыта, и я останавливаюсь, рассуждая, должна ли я постучать или просто войти. Я не могу решить. Я знаю, что, по большей части, это из-за нервов, но я не могу пошевелиться.

Дверь распахивается, и нахмуренный Дэнни практически налетает на меня. Он успокаивается, когда замечает меня.

— Я размышлял, придешь ли ты?

— Я практически передумала, — признаюсь я.

Он сканирует коридор, прежде чем взять меня за руку и втянуть в свою комнату, закрыв за нами дверь.

Дэн отпускает мою руку и идет к окну в другой стороне комнаты. Берет с подоконника пиво и делает большой глоток. Я наблюдаю, как он глотает пиво, и вспоминаю, как ощущались на мне его губы и язык. Мое лицо краснеет, а пока его глаза медленно осматривают меня сверху донизу, я краснею еще больше.

Мы снова наедине в его комнате. В последний раз мы целовались, но мне этого недостаточно. Я хочу большего. *Я нуждаюсь* в большем.

Я указываю на пиво в его руках:

— Могу я попробовать немного?

Дэна застает врасплох мой вопрос. Он поднимает вверх бутылку, указывая на нее свободной рукой.

— *Это* пиво?

Я облизываю губу и киваю.

На его лице появляется неуверенное выражение.

— Конечно.

У него не занимает много времени пересечь свою крошечную комнату и остановиться непосредственно напротив меня.

Его близость — это для меня слишком, поэтому я делаю шаг назад.

Дэн хмурит брови, когда передает мне пиво. Я забираю его и делаю намного бóльший глоток, чем, наверное, должна была бы сделать, потому что оно немного обжигает, и я кашляю.

Дэн посмеивается, пока дразнит меня:

— Поаккуратней. Пиво хитрая штука.

Я делаю еще один глоток, значительно меньше. Я только однажды до этого момента

пробовала пиво, когда несколько лет назад мне стало любопытно. Я не могу решить, нравится оно мне или это самая отвратительная жидкость, которую я когда-либо пробовала.

Я отпиваю еще немного, и сразу же чувствую, как алкоголь разливается внутри, жидкая смелость просачивается наружу.

Дэн наклоняется, чтобы забрать бутылку назад.

— Я бы не стал пить слишком много за один раз. Это пиво содержит высокий процент алкоголя.

— Извини, я просто на самом деле нервничаю, — признаюсь я. Это, должно быть, говорит алкоголь, или это из-за того, что он слишком близко и мои мысли путаются.

Он прижимает пиво к груди.

— Из-за меня?

Я киваю. Всегда.

Он делает шаг вперед.

Я делаю шаг назад, врежаясь в его шкаф позади себя.

Дэн наклоняется к моей голове, ставя бутылку наверх шкафа, и я улавливаю его аромат. От этого я ощущаю слабость, для меня его запах такой сексуальный. Это сочетание многочасовой работы на солнце и на земле, сигареты, пиво и стиральный порошок, которым он пользуется. Он упирается руками в шкаф.

— Я не хочу, чтобы между нами была неловкость.

Я не могу дышать. Я сжимаю губы и киваю.

Он всматривается в мое лицо.

— А она есть, не так ли?

Я согласно киваю, мечтая о том, чтобы он дал мне немного пространства, чтобы я смогла вдохнуть в легкие немного кислорода.

— Мне не следовало целовать тебя. Я все испортил.

— Нет! — восклицаю я, не желая, чтобы он вообще думал о таком.

Он приподнимает бровь и маленькая улыбка появляется на его губах.

— Нет? Ты имеешь в виду, что рада, что я поцеловал тебя?

Мой ответ выходит наружу с тяжелым вздохом:

— Да.

Его бледно-голубые глаза заглядывают в мои карие.

— Не нервничай.

Я не могу остановить это. Он заставляет меня нервничать. Он всегда заставляет меня нервничать.

Другой рукой он прикасается к моей щеке и наблюдает за своим большим пальцем, которым потирает мои губы легкими движениями вперед и назад. Он передвигает его на щеку, поглаживая ее, откидывая мою голову назад так, что наши губы оказываются очень близко. Затем он поднимает руку выше, дотрагиваясь до моих волос, охватывая то там, то здесь отдельные пряди, и гладит их своими пальцами.

— Я хочу и дальше целовать тебя, но не хочу, чтобы ты думала, что не можешь сказать нет, потому что слишком боишься меня. Мне нужно знать, что ты хочешь этого...

— Я хочу этого, — прерываю я его.

Мой Бог, как я хочу этого. Меня повсюду покалывает, так сильно я этого хочу.

Дэн ухмыляется.

— Хорошо.

Какое-то время он нежно трется своими губами о мои.

— У тебя такие мягкие губы, — говорит он, когда начинает аккуратно меня целовать.

Я хотела этого слишком долго. Я запускаю свои руки в его волосы, притягивая его к себе и тем самым заставляя сильнее прижаться губами к моим губам, и выдыхаю слова ему в рот:

— Мне нужно больше.

Этого оказывается достаточно, и он целует меня так, как я всегда хотела, чтобы меня целовали — со страстью.

В этот поцелуй я вкладываю все, что у меня есть, впитывая его в себя. Его руки блуждают по всей моей спине, а мои по-прежнему тянут его волосы, наши языки танцуют и заигрывают. Мы оба тянемся друг к другу, чтобы наши тела могли быть ближе, несмотря на то, что они и так уже не смогут быть еще ближе, по крайней мере, так, как хотелось бы мне.

Не знаю, сколько времени так проходит, но Дэн разворачивает нас, ведет меня спиной вперед несколько шагов, и я падаю на его кровать, а он оказывается сверху. Его нога оказывается между моими ногами, его бедро прямо там, где я мечтала, чтобы оно было, в месте, которое предназначено для моего будущего мужа, но как бы мне хотелось, чтобы оно было для Дэна.

Его тело давит на мое, наши тела сейчас еще ближе, и это на время удовлетворяет нас обоих. Мы продолжаем целоваться, и внутри меня разливается тепло; мы оба задыхаемся и тремся друг о друга, доводя друг друга до сумасшествия. Я чувствую, как его эрекция вдавливается в меня.

Дэн передвигает свою руку на мое бедро, затем скользит под ткань рубашки и кладет ладонь на мой живот.

— Я не буду заходить дальше, — успокаивает он меня, — мне просто нужно почувствовать твою кожу.

Это значит больше, чем он может себе представить. Он настолько уважительный, и мне хочется сказать ему о том, что хочу, чтобы он зашел дальше, но также я знаю, что еще не готова к этому. В ответ я тяну его голову вниз, чтобы мы могли вернуться к нашим поцелуям.

Дэн посмеивается мне в рот.

Мне нравится ощущать его улыбку на своих губах, и я не могу остановить себя от ответной улыбки.

Его губы начинают путешествие вниз по моей шее, и я стону; эти ощущения для меня новы, они посылают мурашки по всему моему телу. Он пробегает пальцами вдоль моей ключицы, и мои глаза закатываются от удовольствия.

Я не хочу, чтобы эта ночь когда-либо заканчивалась.

Звучит громкий стук в дверь, но Дэн игнорирует его, несмотря на то, что я каменею.

Снова кто-то стучит в дверь, и Дэн бурчит под нос проклятья, поднимая свою голову и вглядываясь на дверь.

— Не входи сюда.

— Народ проголодался, — говорит Прайс с той стороны. — Мы решили заказать пиццу. Ты какую будешь?

Дэн смотрит вниз на меня:

— Ты голодна?

Я киваю.

— Закажи мне вегетарианскую пиццу. Без грибов.

— Серьезно?

Я могу представить отвращение на лице Прайса, судя по его тону.

— Серьезно. А сейчас проваливай.

Мы прислушиваемся, как Прайс отходит от двери, и я улыбаюсь, как идиотка.

Дэн поворачивается, чтобы продолжить целовать меня, но останавливается, когда видит мою улыбку.

— Что?

— Ты знаешь, какая мне нравится пицца?

Дэн отвечает серьезным тоном:

— Конечно, — он возвращается к поцелуям моей ключицы, пока говорит: — Хочешь узнать кое-что еще?

— Да, — выдыхаю я, закрыв глаза, когда он начинает посасывать кожу на моей шее.

— Я знал, что ты всегда прячешься в моем шкафу. Каждый чертов раз. И каждый чертов раз мне приходилось удерживать себя, чтобы не последовать туда следом за тобой.

— Но не сегодня, — шепчу я, еще шире улыбаясь.

Его губы передвигаются ближе к моим:

— Нет, не сегодня.

Он заканчивает разговор, вновь поцеловав меня, и это длится часами, мы оба забываем о пицце, внутри нас голод другого рода. Поцелуи длятся так долго, что мои губы начинают болеть, а между ног появляется томление. Я никогда прежде не была так повернута на такого рода боли.

— Нам нужно остановиться, — говорит Дэн, пока поцелуями спускается вниз по моей шее. — Скоро народ начнет расходиться.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на часы на его прикроватной тумбочке. Сейчас почти два часа ночи. Он прав. Скоро Сэм пойдет в комнату, ожидая, что я там сплю.

— Хорошо, — соглашаюсь я, но он не перестает исследовать губами мою ключицу и шею, и я не пытаюсь остановить его. Не думаю, что у меня достаточно на это силы воли. — Я могу рассказать об этом твоей сестре?

— А ты *хочешь* рассказать об этом моей сестре?

Не думаю, что хочу. Она будет задавать вопросы, на которые я не готова отвечать; я даже не уверена, что *могу* ответить на них.

— Нет.

Он приподнимается, балансируя на руках возле моей головы.

— Согласен. Она может понапридумывать то, чего нет. Они все так поступят.

Мое сердце замирает.

— Ты стыдишься того, что целовал меня?

Он откидывает голову назад и кривится.

— Что? Нет, Боже, нет. Почему ты так думаешь?

Я отворачиваюсь.

— Я такая обыкновенная и простая, а девушки, которых я вижу с тобой... ну, они, определенно, не такие.

— Эй, — пальцами он приподнимает мой подбородок и поворачивает его, чтобы мы оказались лицом к лицу. Его голос, наравне с выражением лица, мягок: — Ты не обыкновенная, даже близко не такая. Я только имел в виду, что они постоянно будут лезть в наши дела. Я не готов к такому. Мы ведь только начали. Я хочу, чтобы это было только

между нами.

Мы ведь только начали.

— Ты убиваешь меня, — шепчу я.

Он ухмыляется, веселясь.

— Что ты имеешь в виду?

Я не могу объяснить ему это. Поцелуи — это одно дело, но открыть ему свое сердце — это совершенно другое.

— Я хочу большего, — прошу я.

— Мы не останавливаемся, — заявляет он, будто я только что сказала обратное. — Пока еще нет.

Пока еще нет. Правда в том, что наше время закончится. Должно закончиться. Таким девушкам, как я, не суждено быть с Дэном, но это не значит, что я не могу наслаждаться им в данный момент.

Я с неохотой ухожу, чтобы пробраться в комнату и кровать Сэм. Мой живот бурлит, и я недолго раздумываю над тем, чтобы пойти на кухню и посмотреть, оставили ли они немного пиццы, но я знаю, что они этого не сделали.

Сэм появляется двадцать минут спустя, падая на кровать.

— У нас был секс, — шепчет Сэм.

Я поворачиваюсь лицом к ней.

— Что?

Она ложится на спину и говорит в потолок:

— Ага, примерно час назад. На заднем сидении его грузовика.

— Вау, — говорю я. — Как ты себя чувствуешь?

— Живой.

— Как это произошло?

— Мы не планировали это, Ханна, и поначалу были все эти моменты с запретными зонами, которые делали все волнующим, но теперь я не могу остановиться. *Я не хочу останавливаться.*

Я слишком хорошо знакома с такой ситуацией и подумываю рассказать ей об этом, но сдерживаюсь. Мне нужно, чтобы это оставалось в секрете.

— Это же Тэг, — продолжает Сэм. — Тупой, придурочный Тэг. Парень, который всегда дразнит меня и портит мою прическу. Но знаешь что, Ханна? Сегодня вечером он не был таким Тэгом. Сегодня вечером, он был... он был совсем другим. У меня никогда раньше не было таких ощущений, будто я умерла и в то же время вернулась к жизни. Было страшно и идеально, а сейчас я напугана до чертиков, потому что он на самом деле нравится мне, Ханна. Я думаю, возможно, я могла бы слегка в него влюбиться.

— Это слишком. Это же Тэг, — говорю я, возвращая ей ее же слова.

— Я знаю!

— А что чувствует он?

Она улыбается.

— Он сказал, что собирается жениться на мне и поместить в моем животе пятерых малышей.

Блин, даже моя семья не настолько амбициозна.

— Ну, он настроен довольно серьезно, — невозмутимо говорю я, надеясь, что она уловит мой сарказм.

— Ага, но он сказал это больше дразнясь. Думаю, тебе надо было это видеть. В один момент мы смеемся, а потом он становится таким серьезным. Это произошло прямо после того, как мы закончили, и я была в его руках, и он сказал мне, что так должно было быть уже давным-давно, что его убивало, когда я была с другими парнями, но он ничего не предпринимал из-за Дэнни.

— Что теперь?

— Об этом я его и спросила.

— Что он ответил?

— Он больше не может так продолжать, он не может притворяться, что не хочет меня, что я не занимаю его мысли каждую секунду каждого дня.

Мы замолкаем, обе уставившись в потолок и потерявшись в своих мыслях.

У нас с Тэгом много общего. Я тоже не могу так больше. Я не могу притворяться, что не хочу Дэнни, и я собираюсь быть рядом с ним, пока могу; пока не выйду замуж, или пока ему не станет со мной скучно. Я молюсь, чтобы этот вечер когда-нибудь повторился.

Мне приходится заставлять себя вдыхать и выдыхать, чтобы успокоиться, пока еду к Сэм после визита к миссис Фрайзер. Сейчас я еду туда так медленно, как только могу. Я не знаю, чего ожидать, когда приеду. Как я должна себя вести с Дэном, если он будет там?

Я вижу его грузовик и это меня не удивляет — по вторникам он всегда освобождается рано.

Впервые я останавливаюсь, чтобы подумать о том, не связано ли это как-то со мной, ведь остальные парни работают полный день. Я отбрасываю эти мысли прочь. Одна сессия с поцелуями, и я уже нафантазировала большой любовный роман. Мне нужно реально смотреть на жизнь.

Я даю себе сотое напутствие за день.

Ты целовалась с Дэном. И что? Не великое дело.

Но бабочки в животе и грохочущее сердце со мной не соглашаются.

Делаю один долгий выдох, пока ставлю свой велосипед у боковой стены дома, и еще один прямо перед тем, как открыть входную дверь.

Я специально подгадала время, чтобы прийти, когда Сэм уже будет дома после танцевальных занятий, но все равно ощущаю облегчение, когда вижу ее на диване, поедающую порцию тако, пока она смотрит что-то по телевизору. Ее брата нигде не видно.

— Просто дыши, — бормочу я, когда поворачиваюсь, чтобы закрыть дверь.

— Привет, — говорит Сэм, держа тако у рта. Она поднимает его вверх. — Хочешь немного?

Я отрицательно качаю головой и плюхаюсь на диван, тянусь, чтобы взять ее воду, и выпиваю ее всю.

— Ты позже, чем обычно, — замечает она.

— Ага. Миссис Фрайзер сегодня более активная, — вру я, чувствуя себя виноватой из-за этого.

— Ну, это хорошо.

— Так и есть, — соглашаюсь я, за исключением того, что это неправда. Ей становится хуже: почти не ест, все время спит, ее тело такое хрупкое. У меня разбивается сердце каждый раз, когда я вижу ее, никогда не знаешь, когда наступит последний раз.

Я слышу шаги из коридора и сдерживаюсь, чтобы не смотреть до тех пор, пока мои глаза не перестают меня слушаться и смотрят в направлении Дэна. Я наблюдаю, как он достает пиво и хватает со столешницы тако. Он поднимает взгляд на меня, и я краснею. Я дарю ему маленькую, слабую улыбку, а все, что получаю в ответ, это кивок головы.

Он подходит и снова кивает.

— Двигайся.

Я пересаживаюсь на середину дивана, чтобы он смог сесть на свое место.

Брат и сестра Шепарды едят, пока мы все вместе смотрим телевизор. Ничего особенного (мы делали это сотни раз), но сейчас все по-другому; сейчас все не так, как было раньше.

Так кажется только мне, или Дэн тоже это чувствует? Это ощущается настолько сильно, и мне становится интересно, может ли Сэм это почувствовать.

Если кто из них и чувствует, то никак не показывает этого.

Дэн опускает свою тарелку на кофейный столик и расслабленно откидывается на спинку дивана, попивая свое пиво.

Между нами есть дистанция, но я все равно могу ощутить это электричество, это притяжение к нему, и это все, на чем я могу сконцентрироваться.

Когда Сэм встает, чтобы сходить в уборную, я слегка напрягаюсь из-за того, что остаюсь в комнате наедине с Дэнни.

Как только она оказывается вне поля зрения, Дэн передвигает свою руку на мой затылок, большим пальцем поглаживая кожу под моим ухом.

— Не делай все это странным.

Я не могу на него смотреть.

— Я не собиралась.

Он сжимает мой затылок.

— Посмотри на меня.

— Я не могу.

Дэн подвигается поближе и касается губами моего уха.

— Если хочешь, чтобы я остановился, скажи это.

Он ждет некоторое время, после чего берет мочку моего уха в рот, покусывает и слегка тянет ее. Все мое тело дрожит.

— Тебе это нравится?

— Мне нравится все, что ты делаешь для меня.

Я ощущаю его улыбку на своей шее, пока он прокладывает дорожку поцелуев. Я закрываю глаза и теряюсь в ощущениях от его исследующего рта. В конце концов, я открываю их только когда понимаю, что он остановился. Он полностью возвращается на свою сторону, и в поле зрения появляется Сэм.

Она берет холодную воду и протягивает ее мне.

— Держи. Выглядишь так, будто тебе на самом деле жарко.

Краем глаза я вижу, как Дэн ухмыляется, когда делает глоток своего пива.

Мы продолжаем смотреть телевизор, так как Сэм после тренировки обычно очень уставшая. В конце концов, настает время мне уходить, и она поднимается, чтобы обнять меня на прощание. Я запрыгиваю на свой велосипед, и спустя несколько кварталов мне все еще кажется, что я слышу свое имя. Я останавливаюсь, чтобы оглянуться через плечо.

Дэн бежит следом за мной. Он останавливается, наклоняется вперед, руками упираясь на бедра, пока тяжело дышит, ярко-красный от бега.

Он поднимает вверх палец.

— Дай мне секунду.

Когда он выпрямляется, то оттягивает свою футболку, пытаюсь направить на себя немного холодного воздуха.

— В этом городе слишком жарко.

Это точно.

— Мне нужно увидеть тебя еще раз, — он вдыхает, все еще ловя ртом воздух.

— Я буду в пятницу, — напоминаю я ему.

— Это слишком долго. У тебя есть какая-нибудь возможность выбраться из дома?

— Хотелось бы.

— Ночью?

— Я не могу.

Он подходит ближе, и я могу почувствовать даже биение его сердца из-за его забега.

— Сбеги и приходи к окну моей спальни.

Сбежать из дома? Конечно же, эта идея уже крутится в моих мыслях, но у меня никогда не хватит смелости сделать это.

— Что, если я испугаюсь?

Дэн берет мое лицо в свои ладони, наклоняется и почти прикасается губами к моим губам, дразня меня, пока я не вздыхаю.

— В какое время? — это единственное, что я смогла придумать, что сказать.

Он улыбается и прижимает свои губы к моим. Один. Два. Три раза.

— Как ты думаешь, когда сможешь выбраться?

— Родители ложатся спать в районе десяти вечера.

— Как только будешь уверена, что они уснули, приходи, — он резко прижимается своими губами к моим, прежде чем отойти. — Пожалуйста.

Я еду домой на автопилоте, озвучивая в своей голове все причины, почему мне не следует это делать, но ведь дело касается Дэнни. На остальное мне плевать.

Я не покидаю свой дом, пока время не приближается к половине десятого, слишком напуганная, что потороплюсь и это разбудит моих родителей. Когда добираюсь до дома Дэна, то не могу поверить, что сделала это. Я на самом деле сбежала из дома! Это одновременно и возбуждает, и чертовски пугает.

Окно Дэна открыто, и как только я подхожу ближе, он высовывает голову наружу.

На его лице расплывается широкая улыбка.

— Ты пришла, — шепчет он в теплую ночь.

Я позволяю своим рукам упасть по бокам, надеюсь, что это может передать, как сильно я не уверена.

Он вытягивает свою руку наружу.

— Забирайся.

Я подхожу ближе, и он помогает мне забраться внутрь.

Он держит руки на моих бедрах, пока продолжает улыбаться мне.

— Я не был уверен, что ты придешь.

— Я тоже не была уверена, — признаюсь я.

— Почему? — надавливает он, притягивая меня ближе.

Потому что это ты. Я не могу сказать ему об этом, поэтому глазами умоляю не заставлять меня объяснять это.

Дэн прижимается своим лбом к моему, и на какой-то момент я начинаю стесняться, потому что мой лоб потный от жары и от преодоленного расстояния. Я не позволяю себе продолжать это. Я здесь с Дэнни. Мне нужно впитать это и запомнить так много всего, как только смогу.

— Пить хочешь?

Я киваю в знак согласия.

Дэн отпускает меня и направляется к прикроватной тумбочке, затем передает мне стакан воды.

Я опустошаю его.

— Обожаю смотреть, как ты пьешь, — смеется он.

Я краснею.

— Почему это?

— Ты всегда пьешь так, будто умираешь от жажды.

— Обычно так и есть. Снаружи пекло, — защищаюсь я, опуская пустой стакан.

Он манит меня к себе пальцем.

Я громко сглатываю, когда подхожу к нему, сидящему на кровати, и он тянет меня себе на колени, помогая расположиться на его ногах.

— Ты в своей пижаме.

Так и есть. Это хлопковые штаны и майка. Не модно, и, определенно, ни капельки не сексуально.

— Ханна Мэлоун в моей постели в своей пижаме, — говорит он ошеломленно.

— Не могу поверить, что нахожусь в постели Дэниела Шепарда в своей пижаме, — отвечаю я с большим неверием.

Его улыбка слегка тускнеет, и он заправляет выбившуюся прядь волос мне за ухо.

— Что творится в твоей голове?

— Что ты имеешь в виду?

Он указывает на меня и себя.

— Что ты думаешь обо всем этом?

— Я не знаю. Я полагаю, восторг, нервозность, опасения...

Он прерывает меня.

— О чем?

— Что это что-то, что ты делаешь из жалости.

— Почему ты так думаешь?

— Я умоляла тебя поцеловать меня, — напоминаю я ему. — Я думаю, что ты жалеешь меня.

— Я жалею, — быстро отвечает он.

Комок застревает у меня в горле, и я не могу проглотить его. Эти слова глубоко ранят меня.

— Но только потому, что это полный пиздец, что делают твои родители. Это твоя жизнь. Я не понимаю, почему они решают, за кого тебе выйти замуж.

— У них есть на это право.

— Это неправильно. Так не должно быть. Ты не должна скрываться и врать им, как делаешь это.

— Я согласна, но что я могу сделать?

Он наклоняется, целуя меня.

— Это не жалость.

Я отталкиваю его, чтобы лучше видеть его лицо; хочу увидеть, смогу ли прочесть ответ по выражению его лица.

— Что это тогда?

— Я не знаю, — отвечает он, и я могу прочесть по его глазам, что это правда.

Я тоже не знаю.

— Но я *знаю*, что не хочу, чтобы это заканчивалось.

Я соглашаюсь единственным способ, каким могу. Я наклоняюсь к нему с поцелуем, вкладывая все, что у меня есть, все, что я хотела сделать все эти годы, но никогда не могла. Дэн отвечает с большим пылом, и мы сплетаемся в клубок.

Не могу поверить, что это моя жизнь. Не могу поверить, что лежу на кровати Дэна, он сверху на мне, и мы целуемся с таким отчаянием и желанием.

Время уходить наступает тогда, когда я еще не готова. По правде говоря, время уходить никогда для меня может и не настать.

Дэнни выпрыгивает из окна, чтобы в сохранности проводить меня до дома. Мы не разговариваем, пока идем, но он обхватывает своими пальцами мои, и всю дорогу мы держимся за руки. Мы поворачиваем за угол к моей улице, и он притягивает меня к себе, крепко сжимая в своих руках. Я обнимаю его в ответ, позволяя минутам утекать прочь.

Я закрываю глаза так крепко, как только могу, впитывая ощущения от его объятий, его запаха, чувствуя тепло, исходящее от него, его губы на моих волосах, мои распухшие губы, его твердое тело напротив моего, летний воздух, все это вместе. Я хочу запомнить все это, и однажды, когда буду старой и седой, и буду думать обо всех поступках, которые сделала бы по-другому, смогу улыбнуться, вспоминая об этом, и буду знать, что именно этот момент я бы никогда не изменила.

Последние две недели я каждую ночь сбегаяю из дома, чтобы увидеть Дэна, наши тела настолько крепко сплетаются вместе, что, когда я остаюсь одна, от воспоминаний у меня перехватывает дыхание.

В субботу, на одиннадцатый день, как я впервые прокралась в его комнату, я практически засыпаю, пока готовлю обед. Каждую ночь я сплю всего около четырех часов после того, как Дэни провожает меня до дома в районе четырех часов утра, а в семь я уже встаю. Полагаю, недостаток сна в итоге сказывается на мне, адреналина уже не хватает, чтобы поддерживать меня.

— Сегодня накрой на стол к шести часам, — информирует меня мама, пока я пытаюсь не уснуть, готовя картофельное пюре.

— К шести?

— Да, сегодня вечером у нас гости.

Я должна была догадаться. Мама приготовила свое жаркое в горшочках; то, что она обычно делает, когда хочет произвести впечатление на людей (и каждый раз это срабатывает).

— Кто? — спрашиваю я.

— Нельсоны, — отвечает она так легко, что от ужаса меня начинает тошнить.

— Нельсоны? — уточняю я, пытаюсь получить больше информации.

Мама даже на меня не смотрит, стараясь вести себя как обычно, но могу сказать, что у нее от восторга кружится голова.

— Ты знакома с ними по церкви. Их сын Джош недавно вернулся из Южной Америки.

— Точно.

Я вспоминаю их, и как наша церковь на днях праздновала возвращение Джоша домой после оказания добровольной стоматологической помощи в составе благотворительной группы.

— Для чего? — спрашиваю я обессилено.

— Не важно, — она отмахивается от этого, но широкая улыбка на ее лице говорит мне, что все это не случайность. — Просто твой отец подумал, что было бы мило пригласить их.

Чушь, хочу сказать я, но я не глупая.

— Ох, ну, это очень любезно с его стороны.

Она поворачивается и бережно заправляет выпавшую из косы прядь моих волос.

— Почему бы тебе не подняться наверх и не освежиться?

Мои опасения усиливаются еще больше, когда я следую ее приказу. Тревога разрастается в моем животе, пока я поправляю прическу и брызгаю холодной водой на свое лицо. Я поднимаю взгляд и произношу молитву Богу:

— Пожалуйста, не позволяй этому оказаться тем, о чем я думаю.

Нельсоны приезжают сразу после того, как я накрываю на стол и заканчиваю приготовление закусок.

Мой отец сияет. Последний раз, когда отец так радовался гостям, был тогда, когда он представлял Лорен ее будущего мужа.

Я хочу спрятаться, и желательно в другом штате. Еще лучше, если бы я могла занять

место Джоша в Южной Америке.

Мы обмениваемся приветствиями, и Джош дарит мне букет розовых роз.

— Для тебя.

Черт. Черт. Черт.

Я принимаю цветы с улыбкой на лице, даже если все, что я хочу, это бросить их на пол и растоптать.

— Спасибо.

Мама провожает наших гостей в ту гостиную, которой мы пользуемся, когда на выходных к нам приезжают гости. Я направляюсь следом за ней на кухню, чтобы взять напитки и закуски, но она ласково кладет руку на мое плечо и улыбается:

— Останься. Поговори с нашими гостями.

Мама *всегда* берет меня помогать на кухне, поэтому сейчас я абсолютно уверена, что это именно тот момент, которого я боялась всю свою жизнь — день, когда я познакомлюсь со своим будущим мужем.

Я занимаю место на диване рядом с отцом, напротив Нельсонов.

Они заводят непринужденный разговор, в котором часто упоминаются слова «дети». Я пользуюсь моментом, чтобы понаблюдать за Джошем, за мужчиной, в котором мой отец видит для меня идеальную пару.

Джош не выглядит ужасно, но я никогда и не думала, что он может быть таким; мой отец слишком гордый, чтобы не выбирать кого-то по внешним данным. Он идеальный, волосы причесаны и подстрижены, одет в брюки в комплекте с вязаным жилетом и галстуком. Милое лицо. Не такой горячий, как парни, с которыми я общаюсь, но, тем не менее, привлекательный. У него темные волосы, но его глаза недостаточно бледные, они просто скучные, обычного голубого цвета, зато его ресницы настолько невероятные, что стоит отдать ему должное.

Джош вежливый и обходительный, и когда мама выносит закуски, он убеждается, чтобы я первой что-нибудь взяла себе, несмотря на то, что я протестую, говоря, что это *он* наш гость.

Мои родители очарованы, кивают в одобрении и улыбаются с симпатией и теплотой.

Идеальное поведение Джоша — единственное, что утверждает мою дальнейшую судьбу. Я обдумываю, что такого могу сделать, чтобы отвлечь его от себя и заставить уйти: я могла бы часто отрывивать, или разочек блевануть, может, предложила бы ему немного алкоголя, если бы он у нас был. Может, есть с открытым ртом? К сожалению, я не настолько храбрая, чтобы сделать что-то из этого. Что еще печальнее, все эти идеи могли бы на самом деле сработать.

За ужином мои родители усаживают нас рядом друг с другом, и это первый признак того, что я все еще одна; мне никогда не разрешалось сидеть рядом с мужчиной, кроме моего отца.

— У тебя есть какое-нибудь хобби? — спрашивает Джош, пока наши родители общаются между собой.

Я хочу сказать, что мое хобби — смотреть фильмы с Тиной Фей и наблюдать, как Дэн играет в бейсбол без рубашки наравне с самым последним моим увлечением — целоваться до тех пор, пока мой рот не онемее, но вместо этого я даю ему тот ответ, который, я знаю, он хочет услышать от своей будущей жены:

— У меня всегда была склонность к готовке, но что я на самом деле люблю, это шить

для нас одежду, — по крайней мере, это не ложь (ну, может, немного); я наслаждаюсь готовкой, но не могу сказать, что люблю это. И, конечно, я люблю создавать свою собственную одежду, я просто мечтаю о том, чтобы она была моего собственного дизайна, а не та, которую носят все поколения моей семьи.

— Прекрасно, — улыбается он. — Возможно, ты смогла бы помочь мне, у меня есть несколько пар брюк, которым требуется хорошая перекройка.

— В любое время, — говорю я с широкой улыбкой, замечая, что компания теперь обратила все свое внимание на нас.

— В присутствии твоей мамы, конечно, — не может удержаться, чтобы не добавить, мой отец.

Джош кивает.

— Конечно, сэр.

— Вы знаете, Ханна, на самом деле, помогает спастись девушке из нашего города, — замечает папа, и мой желудок скручивает от понимания того, к чему именно ведет этот разговор. Я ненавижу, когда он говорит о Сэм. — Эта девушка, пришедшая однажды в нашу церковь, выглядела такой потерянной, наша Ханна взяла ее под свое крыло и начала проповедовать ей слова Божьи. Бедняжка из распавшейся семьи. Ее отец умер, а мать работает на нескольких работах, чтобы свести концы с концами, и у этой бедной девушки нет никого, чтобы присматривать за ней. Каждую пятницу Ханна ходит к ней домой для изучения Библии, а потом они смотрят фильмы, разрешенные мной и ее мамой, прежде чем лечь спать. Благодаря нашей Ханне сейчас она достойный член нашей церкви и каждое воскресенье посещает ее вместе с нами.

— Как это чудесно с твоей стороны, — восхищается миссис Нельсон, будто я какой-то герой, и от этого меня начинает тошнить. Я хочу сказать им всем, что это Сэм спасла меня, что именно я нуждалась в этом.

Мы продолжаем светскую беседу, но, если честно, я не могу припомнить, о чем она была, потому что это было скучно, а мои мысли продолжали возвращаться к Дэнни и к тому, как его руки и губы ощущались на мне. Прошлой ночью рукой он пробрался под мою майку к груди, сжимая и играя с ней. Я понятия не имела, что нечто такое простое может быть таким невероятным.

Я вырываюсь из своих великолепных мыслей, когда слышу, как Джош после десерта начинает говорить:

— Сэр, — начинает Джош, — могу я поговорить с вашей дочерью наедине?

— Да, пожалуйста, — отвечает мой отец с понимающим кивком, и от улыбки на лице Джоша во мне снова назревает ярость. Как он может хотеть этого?

Мы идем в гостиную, поскольку это единственное место, которое соответствует требованиям моих родителей, где я могу остаться наедине с парнем.

Он взволнован и робок, как и я, но это меня в нем и раздражает. Я напоминаю себе, что это не его вина; он просто так же, как и я, делает то, что говорят ему родители.

— Я надеялся, — Джош прочищает горло, — что ты окажешь мне честь, позволив ухаживать за тобой?

Я произношу самую большую ложь в своей жизни:

— С удовольствием.

Он выпускает вздох облегчения.

Будто у меня был шанс сказать нет.

— Тогда я оставлю свои контакты.

— Было бы превосходно.

Еще одна ложь. Когда я стала так хороша в этом?

Входят родители, явно подслушивавшие (чему я не удивлена), и мы все прощаемся.

Матери взрываются от радости от предстоящих событий, мужчины сияют от гордости.

Кажется, будто моим родителям требуется сто лет, чтобы улечься спать. Достаточно долго, чтобы я прошла сквозь каждую эмоцию, которую только могу назвать, чтобы я практически убедила себя, *что все не будет так плохо, я смогу сделать это*, чтобы я успела избить свою бедную беззащитную подушку.

Я иду к Дэнни быстрее, чем когда-либо, и забираюсь в открытое окно, стараясь не издать ни звука.

Дэн здесь, копается в своем телефоне. Он нажимает какую-то кнопку, и из динамика раздаётся музыка. Nozier, одна из моих любимых песен, и я знаю, что он включил ее для меня. Я никогда не подозревала, что он знает так много обо мне. (*Примеч.: Эндрю Хозиер-Бирн ирландский музыкант*).

Он поднимает взгляд и замечает меня, стоящую около окна. На его лице расплывается такая большая улыбка, от которой моя грудь сжимается. Я хочу, чтобы именно это лицо встречало меня каждый день. Именно это лицо я хочу видеть в своей постели каждую ночь.

Дэн встает, чтобы встретить меня, когда я срываюсь с места и бросаюсь к нему.

Мои губы прожигают его, пока я резко тяну его тело на себя, а мои руки запутываются в его волосах, соединяя нас вместе. Я стараюсь получить от него так много, как только могу.

Он стонет мне в рот. Наши губы двигаются быстро и жестко, наши поцелуи никогда прежде не были такими чувственными. Будто он может почувствовать мою необходимость в нем.

Я толкаю его в сторону кровати, и он падает, а я оказываюсь сверху на нем. Мы продолжаем целоваться, как будто голодные, какой я и являюсь. Я голодаю по чему-то, что никогда полностью не сможет быть моим, поэтому хочу получить так много этого, как только могу, пока у меня есть такая возможность. Я провожу ладонями по бокам Дэна, и мурашки бегут по его коже от огромного удовольствия, пока я поднимаю вверх его футболку и пытаюсь стянуть ее через его голову.

Дэн отклоняется от меня, сжимая своей рукой мои руки и останавливая меня.

— Что ты делаешь?

— Мне нужно почувствовать твою кожу на своей.

Я думала, что мне нужны его поцелуи, но я ошибалась. Мне нужно намного больше, мне нужно то, что, я знаю, мне не позволено иметь.

Я пытаюсь поднять его футболку, пока ртом с еще большей яростью атакую его. Он пытается отодвинуться, но я настойчива. Дэн хватает меня за запястья и прижимает их над моей головой так, что я не могу пошевелиться. У него серьезное выражение лица, когда он изучает мое лицо.

— Что с тобой сегодня происходит?

— Ничего. Просто я готова к большему, — выпаливаю я, безумие разрывает мое тело.

— Все нормально, но тут что-то другое. Ты ведешь себя так, будто это не ты, — он ослабляет свой захват настолько, что я могу освободить свои руки и сжать ими его лицо, склоняя его к себе и решительно целую. Его тело становится каменным, он не целует меня в ответ, но мне все равно. Я продолжаю целовать его, пока он опять не отодвигает мои руки,

снова придерживая их у меня над головой.

— Поговори со мной.

Мое раздражение растет.

— О других девушках ты так же сильно беспокоишься?

— Нет.

— Так и со мной не начинай, — я пытаюсь освободить свои руки, но он снова прижимает их к кровати.

— Ты не такая, как другие девушки. Ты никогда *не будешь*, как они, — большим пальцем он проводит по внутренней стороне моего запястья, его голос становится мягким и нежным. — А теперь, скажи мне, что происходит?

— Может, я хочу быть, как те другие девушки.

— Поверь мне, ты не хочешь, — говорит он, качая головой, на его лицо тенью ложится печаль.

Я знаю, что не хочу, просто прямо сейчас я растеряла все слова. Этот вечер сделал мою жизнь слишком реальной, а я не хочу, чтобы это происходило. Я хочу, чтобы *это* было моей жизнью. Я сглатываю комок, образовавшийся в моем горле.

Дэн дарит мне легкое пожатие.

— Этот взгляд прямо сейчас. Расскажи мне, почему ты так смотришь.

Я подчиняюсь, не способная отказать ему ни в чем.

— Сегодня вечером я познакомилась с человеком, который будет ухаживать за мной, с мужчиной, который в скором времени станет моим мужем, как надеется на это мой отец.

Дэн хмурится, его тело резко напрягается.

— Ох.

— Ага.

— Это отстойно.

Я киваю, пытаюсь сдержать слезы, которые появляются в уголках глаз.

— Эй, — говорит он слишком нежно, и это последняя капля моим неустойчивым эмоциям. Слезы проливаются, когда Дэн переворачивается так, что оказывается на спине, и прижимает меня к своему боку; мое тело наполовину на нем. Он потирает мою спину, и я расслабляюсь, лежа на нем. Он молча обнимает меня, пока я контролирую свое дыхание, заставляя себя не плакать.

После продолжительного молчания его голос прорезает тишину комнаты:

— Сколько у нас есть времени?

Я пожимаю плечами.

— Зависит от многого, но, кажется, это займет меньше времени, чем обычно. Я думаю, мои родители стремятся обзавестись множеством внуков. У Челси это заняло шесть месяцев, а у Лорен четыре.

Он бормочет под нос проклятья.

— Это не так долго.

Нет, не долго.

Он так глубоко вдыхает, что поднимаются оба наших тела.

— Почему, черт возьми, мы не начали это раньше?

— Я никогда не думала, что это возможно, — мне до сих пор не верится, что это на самом деле происходит.

— Могу я рассказать тебе секрет?

— Да.

— Я не хотел ничего, кроме этого, с тех пор, как впервые заметил тебя.

Он понятия не имеет, что значат для меня его слова, что они делают с моим телом.

— Когда это было? — нащупываю я почву, утыкаясь головой ему в шею, когда мои щеки опалает жаром. Мне интересно узнать, в какой день он заметил меня. Для Сэм это был второй вторник с того момента, как я начала следить за ними, для Тэга — четверг на той же неделе. Остальные не замечали меня до тех пор, пока Сэм не подошла ко мне и не предложила присоединиться к их компании.

— Магазин мороженого.

Не может быть. Я поднимаю голову, чтобы посмотреть на него.

— Ты серьезно?

Он кладет руку за голову и ухмыляется мне.

— Очень, — другой рукой он заправляет прядь волос мне за ухо. — Помнишь тот день?

Я отодвигаюсь от него, потому что не могу поверить тому, что услышала.

— На самом деле, довольно неплохо.

Его ухмылка становится шире.

— Ох, правда?

Я киваю.

— Хорошо, — он кладет мою голову обратно на свою грудь. — Я просто боялся, что только я о нем помню.

— Определенно, нет.

Он целует меня в макушку, а затем тянется за телефоном. Я наблюдаю, как он ставит будильник.

— Ты устала так же, как и я?

— Да, — отвечаю я сквозь зевок, не пытаясь доказать свои слова, просто так получается.

— Давай немного поспим.

Мне нравится эта идея, поэтому я прижимаюсь ближе к нему и вырубаясь с улыбкой на лице.

На наш город обрушивается еще одна тепловая волна (будто до этого было недостаточно жарко), и к среде даже вечерами не становится лучше, жара держится, как кальцоне за духовку. *(Примеч.: Кальцоне (итал. calzone) — итальянский пирог, на самом деле является закрытой формой пиццы, изготовленной в виде полумесяца).*

Пока я иду к Дэну, по дороге все время одергиваю свою майку, чтобы немного прохладного воздуха охладило мое тело.

Фары ослепляют меня, когда грузовик проезжает мимо, но он не привлекает мое внимание до тех пор, пока машина не разворачивается и не начинает ехать рядом со мной. Мгновение я паникую, что это какой-то маньяк, который собирается похитить меня, а потом сбросить мое тело в какую-нибудь канаву, но потом замечаю на боку грузовика надпись «Ландшафтный Дизайн Шепарда» и выдыхаю от облегчения.

Дэн кладет локоть на открытое окно и высовывает голову.

— Забирайся в машину.

Он снижает скорость настолько, чтобы я успела запрыгнуть внутрь.

— Ты напугал меня, — ругаюсь я, защелкнув ремень безопасности. — Я подумала, что ты какой-то маньяк, который хочет меня похитить.

Он подмигивает.

— Ох, поверь мне, я такой.

Мое сердце грохочет, я не могу поверить, как легко мое тело отзывается на него.

— Но сегодня ночью я хочу отвезти тебя кое-куда.

— Куда? — спрашиваю я нервно. Сегодня будний день, одиннадцать вечера, и на мне моя пижама. Куда мы вообще можем поехать?

— Увидишь.

Я наблюдаю за пейзажем, проносящимся за окном, раздумывая, куда он меня везет, но до сих пор все, что я вижу, это просто дома, пока, наконец, я не узнаю более богатые строения на окраине города.

Дэн ведет свой грузовик в новый жилой микрорайон, где большинство домов все еще на стадии стройки. Он паркуется напротив достроенного дома, хотя соседние дома еще не достроены.

Это особняк, и я глазею на его размеры.

Дэн выпрыгивает наружу.

— Пойдем.

Я быстро закрываю дверь, стараясь сделать это без лишнего шума. Не то чтобы рядом кто-то был, но все же я пытаюсь быть осмотрительной.

Дэн вытягивает сумку из кузова грузовика, берет меня за руку и ведет к огромному дому.

Он идет к боковой части дома, и тревога проносится по всему моему телу.

— Что мы делаем?

Дэн дарит мне милую мальчишескую улыбку, зная, что благодаря ей я ни в чем не смогу отказать ему.

— Идем поплавать.

— Поплавать? — шиплю я, не ожидая такого ответа.

— Ага, — он увеличивает темп, потянув меня за собой.

Ворота открываются бесшумно, но тусклый свет луны немного освещает двор, когда мы заходим.

Мы останавливаемся прямо напротив бассейна, и Дэн садится на корточки, копаясь в сумке. Он вытаскивает одно из бикини Сэм.

— Ни за что, — протестую я. Он это не всерьез.

— Это лучше, чем ничего, — он бросает откровенные клочки одежды мне в руки. — Лично я надеюсь на последнее, но не думаю, что тебе это понравится.

Он, скорее всего, прав.

— У нас будут проблемы?

— От кого? В этой округе никто не живет.

Он замечает мое волнение, поэтому встает, продолжая объяснять, пока стягивает свою футболку:

— Мы делаем здесь ландшафт для одной дамочки, и на протяжении всей недели я пялился на этот чертов бассейн, пока мы все умирали от жары. В довершении всего, нам пришлось слушать, как Мэддокс трахает ее, шумя на весь дом.

Знаете, я думаю, половина их заказчиков — это пожилые женщины, желающие понаблюдать за группой горячих парней, занимающихся озеленением.

— Прямо сейчас в нашем доме настоящее пекло, — продолжает он, пока скидывает свою обувь. — Не прошло бы и двух секунд, как наши тела прилипли бы друг к другу. Помнишь прошлую ночь?

Я помню. Нам пришлось остановиться и отдалиться друг от друга только для того, чтобы мы смогли немного охладиться, и жар охватил нас не из-за того, что мы целовались.

Он сжимает купальник в моих руках.

— Сейчас, переодевайся.

Я стою здесь, неуверенная, пока наблюдаю, как он ныряет в воду.

Дэн выныривает спиной ко мне.

— Я не буду смотреть.

Затем я вижу его голый зад, и вопрос для меня закрыт. С того момента, как в субботу ночью я немного слетела с катушек, у меня больше не хватало мужества попробовать что-то, кроме стягивания ее футболки, но если уж он сам снял все...

Я быстро меняю свою пижаму на невесомые клочки одежды Сэм и бросаю взгляд на Дэна.

— Не поворачивайся, пока я не закончу, — из-за своего воспитания чувствую себя слишком застенчивой от того, что он увидит мое тело.

Вода холодная, и я практически умираю от блаженства, когда забираюсь в нее. Не могу поверить, что мне было слишком страшно сделать это. Это рай. Я захожу в бассейн, пока вода не покрывает мои плечи и ночная мгла прячет то, что не скрывает вода.

— Все.

Дэн разворачивается и подходит ко мне с одной из своих очаровательных гребанных ухмылочек.

— Возможно, я немного подглядывал.

— Что? — я вздыхаю от ужаса, пока он притягивает меня к себе. Он оборачивает мои ноги вокруг своей талии, и от его твердости, которая прижимается к моей сердцевине, мне

хочется делать нечто очень плохое.

Он смеется.

— Только когда ты заходила в бассейн, — он опускает свою голову, чтобы прикоснуться губами к моему уху. — И, может, немного, когда ты сняла свою майку.

Я сжимаю руками его шею, пока сконфуженно прячу лицо. Он крепче обнимает меня, трясаясь от смеха.

Я становлюсь сверхчувствительной от того, что мое едва прикрытое тело касается его тела, которое так хорошо ощущается напротив моего, такое сильное и твердое. Я позволяю своим рукам спуститься на его спину, и он выпускает мягкий вздох, расслабляясь от моих прикосновений.

— Позволь мне снять с тебя верх купальника, — мурлычет он мне на ухо.

Я подчиняюсь, все мое тело жаждет этого. Он развязывает сзади купальник, и мы отпускаем его плавать в бассейне рядом с нами. Он смотрит вниз на мою оголенную грудь, маленькие тыковки напротив его накаченных грудных мышц.

— Такая сексуальная, — шепчет он, и я улыбаюсь.

Но когда он смотрит вверх на меня с желанием в глазах, во мне возрастает волнение (и небольшое возбуждение).

Рукой он обхватывает мою грудь, и я закрываю глаза, прижимаясь своим лбом к его. Он играет с моим соском. Наше дыхание становится тяжелым, и бедрами я начинаю тереться об него; появившаяся во мне потребность чего-то несравнима ни с чем, что я когда-либо испытывала.

Мы целуемся, наши языки подталкивают нас к дальнейшим действиям. Мы вздыхаем и стонем, пока наши тела трутся друг о друга. Пальцами Дэн все еще играет с моими сосками, а вода плещется вокруг нас.

Дэн целует меня вдоль челюсти, посасывая кожу от шеи до уха, останавливаясь, чтобы прошептать:

— Я собираюсь спуститься ниже. Просто в любое время скажи мне остановиться, и я сделаю это, хорошо?

Все, что я могу, это едва заметно кивнуть.

Поцелуями он опускается все ниже и ниже, посасывая и полизывая, а руку перемещает вверх к моей груди. Затем делает несколько шагов назад, мои ноги все еще обернуты вокруг него. Он садится на среднюю ступеньку, и тогда его губы оказываются прямо на моем соске. Сначала Дэн щелкает по нему языком, и я вздрагиваю, а затем он всасывает его в рот. Руками цепляюсь за его бицепсы, когда он по кругу обводит языком мой сосок, периодически захватывая его ртом и позволяя языку играть с ним.

Он переключается на вторую грудь, и я понимаю Сэм, когда она говорила о том, как одновременно умирала и возвращалась к жизни. Бедрами я трусь об него сильнее, чем когда-либо прежде, и он опускает одну из своих рук, обхватывая мои бедра и вынуждая их двигаться в одном ритме с его посасыванием моего соска. Сжимаю руки крепче, когда внутри меня что-то все возрастает и возрастает, это безумие заставляет меня выкрикнуть его имя, когда мое тело взрывается от удовольствия так интенсивно, что вся жизнь пролетает перед глазами. Когда все заканчивается, я дрожу и обвиваю руками Дэна так, что могу уткнуться лицом в его шею. У меня беспорядочное дыхание, будто я только что закончила бежать, хотя тело едва шевелится. Дэн молча удерживает меня, руками потирая мою спину, пока мое дыхание не восстанавливается. Я прислоняюсь к нему, спокойствие растекается по

всему моему телу, и я все больше хочу спать.

— Я думаю, это может стать моим новым любимым занятием, — мурчит он мне на ухо, его дыхание согревает мою кожу.

— Что именно?

— Доводить тебя до оргазма.

— Я думаю, это может стать и моим любимым занятием, — бормочу ему в шею, улыбаясь, и он посмеивается. — Спасибо.

Он немного крепче сжимает мое тело.

— В любое время.

Я еще шире улыбаюсь и целую то место, где мои губы касаются его шеи. Последствия от моего первого оргазма похожи на то, как описывают эффект от наркотиков.

— Хочешь узнать, что я больше всего люблю? — говорю я, уже практически засыпая.

Дэн кивает.

— Все, что связано с тобой.

Он громко сглатывает.

— Ага, — соглашается он хриплым голосом, прижимая меня как можно крепче к себе.

Когда я начинаю засыпать, моя спина ударяется о воду, и я, захлебнувшись, выныриваю наружу.

— Ты меня просто отпустил?

Он дарит мне наивный, невинный взгляд.

— Никогда.

Мы начинаем брызгаться и плескаться друг с другом, периодически останавливаясь на поцелуи, и эта ночь с легкостью становится самой лучшей в моей жизни.

В пятницу вечером я приезжаю на час позже, чем обычно.

Внутри дома пусто, но с заднего двора доносится смех. В комнате Сэм я скидываю свой рюкзак и переодеваюсь. Мне все еще жарко, поэтому я набираюсь смелости сделать дерзкий шаг и надеваю короткие шорты. Берегись, Ивел Книвел. *(Примеч.: Роберт Крейг «Ивел» Книвел — американский исполнитель трюков, получивший свою известность благодаря своим трюкам на мотоцикле).*

Шорты, которые я выбрала, самые «длинные» в гардеробе Сэм, а это значит, что мои ягодицы будут оставаться прикрытыми, пока я не буду в них нагибаться. Я закручиваю свои волосы в пучок, скидываю блузку и присоединяюсь к компании снаружи.

Каждый, кто тусуется здесь, курит, и когда они замечают меня, то все машут мне в знак приветствия. Я машу им всем в ответ и взглядом мимолетно скользя по Дэну, чей взгляд приклеен к моим ногам. По моим щекам расползается тепло.

Сэм вскакивает со стула, чтобы подарить мне крепкое объятие, сжимая меня так сильно, будто мы не видели друг друга неделю.

— Я соскучилась по тебе!

Я также сильно обнимаю ее в ответ.

— Я тоже соскучилась по тебе.

Мэддокс подходит к нам с дьявольской ухмылкой, закидывая руку на мое плечо.

— Как дела, Мэри?

Не отвечая, я дарю ему предупреждающий взгляд.

— Ты же знаешь, если тебе станет холодно, ты можешь обернуть эти сексуальные ножки вокруг меня. Я смогу держать их в тепле.

Мэддокс может быть невероятно милым, но ни что во мне не проявляет желания к нему.

Я закатываю глаза.

— Ты такой романтичный.

Он пододвигается ближе и дарит мне завлекающую ухмылку.

— Так что, романтика — это то, что тебе нужно, да?

Дэн подходит и дает ему подзатыльник.

— Заканчивай с этим.

Я слышу, как Трип жалуется компании:

— Я не понимаю, почему Мэддокс всегда ведет себя так, он же знает, какой киской это делает его.

Джерри поджигает косяк.

— Я думаю, именно поэтому он так и ведет себя.

Мне нравится, когда они разговаривают так, будто меня здесь нет.

Сэм прочищает горло, нервно оглядываясь по сторонам.

— Мне нужно, чтобы вы, парни, дали мне кое-какой совет.

Мэддокс скидывает свою руку и дарит многообещающую ухмылочку.

— Ты пришла в правильное место! Я лучший советчик из всех!

Тэг кашляет в кулак.

— Чушь собачья.

Сэм влезает, прежде чем эта перепалка перерастет в разборку.

— Я серьезно.

«Серьезно» — это не то слово, которое обычно вылетает изо рта Сэм, и она незамедлительно привлекает всеобщее внимание.

Сэм оглядывается вокруг, пока говорит:

— Одна из девушек, с которой я танцую, Рене — вы, парни, помните ее, да?

— Девушка, у которой ноги от ушей? — вырывается у Прайса.

— Да.

— О, да, — Трип кивает, вспоминая, — но у нее совсем нет сисек. А это для меня главное.

— Мы здесь не для того, чтобы обсуждать ее формы, — взволнованно отвечает Сэм. — Как бы там ни было, в прошлом году она была в Нью-Йорке. Она нашла работу, и ну... — она пожимает плечами, и по ее напряженной осанке становится очевидным, что она не знает, как продолжить этот разговор. — Она предложила мне приехать туда, жить с ней и с еще несколькими танцовщицами, с которыми она знакома, тогда аренда будет низкой... — она прерывается, кусая губы.

Дэн скрещивает руки.

— В Нью-Йорке небезопасно.

Сэм закатывает глаза.

— Я знаю, как быть осторожной.

Мэддокс хмурится.

— Что насчет нас?

— Вот почему я хочу поговорить об этом с вами, ребята. Вы все знаете, как сильно я люблю танцевать, но ярываюсь на части, потому что буду скучать по вам всем так сильно.

Я посматриваю на Тэга, который не выглядит шокированным от этой новости, как остальная часть компании. Я думаю, что не ошибусь, если предположу, что она уже рассказала ему об этом. Мне интересно, поедет ли он с ней? Дэнни не будет слишком рад тому, что потеряет их обоих, свою сестру и своего лучшего друга.

— Я еще ничего не решила, — быстро объясняет Сэм. — Я просто хотела, чтобы вы, ребята, были предупреждены.

Трип дарит ей улыбку.

— Ты должна поехать.

Прайс скрещивает руки так же, как Дэнни, принимая такую же позицию.

— Нет, оставайся здесь.

Не могу сказать точно, Прайс на самом деле так думает или просто не хочет принимать одну сторону с братом.

Норд поджигает трубку.

— В любом случае, это место всегда будет твоим домом.

Джерри энергично кивает головой.

— Правда, правда.

— Спасибо, парни, — отвечает Сэм, тронутая их неожиданной поддержкой.

Мэддокс обнимает ее.

— Ты наша маленькая сестричка, и мы поддержим все, что бы ты ни захотела.

Дэнни ворчит и достает пачку сигарет. Сэм брезгливо корчит лицо. Когда он вздыхает, с

его губ срывается рык.

— Если ты так сильно ненавидишь это, зайди внутрь.

Сэм толкает меня локтем.

— Я такая не одна. Ханна тоже ненавидит это.

Сигарета в его губах, зажигалка на полпути к ней. Он смотрит в мою сторону, приподняв бровь. Мои щеки становятся красными от того, что слово за мной, и от того, что внимание всех сейчас сосредоточено на мне. Я пожимаю плечами, потому что на самом деле ненавижу, что он курит.

Зажигалка гаснет, и Дэнни кладет сигарету обратно в пачку. Он прислоняется спиной к стене и спокойно присоединяется к разговору, который начали парни, когда закурили.

Сэм выглядит победительницей, думая, что ее брат сделал это ради нее. Я бы подумала также за себя, если бы не знала его лучше. Пока я иду следом за ней, оглядываюсь через плечо, желая еще раз взглянуть на него. Он игнорирует меня, как обычно, но в этот раз вместо того, чтобы быть разочарованной, я улыбаюсь.

Мы идем на кухню. Сэм берет меню на вынос и листает их, пока я достаю нам напитки.

— Как бы там ни было, Сэм, — говорю я, протягивая ей пиво, — я, правда, думаю, что ты должна это сделать. Сколько я тебя знаю, все, о чем ты думала, это танцы, это то, ради чего ты живешь.

Сэм вздыхает.

— Я знаю, но я никогда больше не увижусь с тобой и не поговорю. Это самое главное, что удерживает меня здесь.

Я тут же касаюсь ее, но, к сожалению, я должна сказать ей уродливую правду.

— В любом случае, у меня осталось не так много времени.

— Не напоминай мне, — ворчит она, пока ставит пустой стакан из-под пива на край столешницы. — Почему ты сегодня опоздала?

— Пришел Джош со своей мамой, поэтому мне пришлось чинить его брюки, — объясняю я. Мне на самом деле не хочется говорить об этом, но могу сказать, что она не готова сменить тему.

— Это считалось свиданием? — она улыбается, прикрываясь бутылкой, прежде чем сделать глоток.

— Я не уверена, — я на самом деле не уверена в этом. Это было так же скучно, как звучало, но мы разговаривали все то время. — В этом вся суть ухаживаний, увериться, что мы сможем поладить и подойдем друг другу.

Сэм откидывает свою голову назад и смеется.

— Только в твоей семье это может означать свидание. Ты дотрагивалась до его ног?

Я становлюсь ярко красной.

— Только потому, что мне надо было подшить его брюки, — в другой ситуации мои родители ни за что не допустили никакой формы прикосновений. По крайней мере, пока.

Сэм смеется еще больше.

— В твоем мире это третья база? Легкое касание ног через одежду?

Я не могу сдержаться и смеюсь вместе с ней, потому что это смешно.

— Фактически, да.

Она толкает меня локтем и подмигивает.

— Ты маленькая распутница.

Когда заходят парни, мы смеемся так сильно, что наши животы болят, будто мы сделали

сотню отжиманий. Либо сильный смех, либо слезы, но я бы предпочла найти в этой ситуации что-то смешное.

— Отлично! — восклицает Прайс, потянувшись через столешницу, чтобы дать мне пять. — Мэри наконец-то принимает участие в какой-то движухе.

Черт. Я забыла, как хорошо слышно снаружи то, о чем говорят на кухне. Я вытираю слезы от смеха, и показываю ему язык, оставляя его высунутым.

Трип запрыгивает на столешницу.

— Итак, кто этот парень, которого ты облапала?

Я закатываю глаза.

— Я подшивала его брюки. Ничего не было.

Он подмигивает мне.

— Уверен, что не было.

— Там были наши родители.

Трип дарит мне распутную ухмылочку.

— Извращение.

Сэм снова заливается смехом, хватая ртом воздух.

Я осмеливаюсь посмотреть на Дэнни. Он не выглядит довольным. Далеко нет. Все его тело напряжено, а челюсть настолько крепко сжата, что Сэм смогла бы с ее помощью открыть новую бутылку пива.

Они все начинают спорить о том, что заказать на ужин.

Дэн нервно выдыхает, пока вытаскивает ключи. Он жонглирует ими, когда вклинивается в жаркие дебаты, которые перерастают в ужасный спор между близнецами.

— Я еду в «Тако Белл».

Никто не упоминал о «Тако Белл», но в очередной раз, что бы ни сказал Дэнни, все следуют за ним. Все начинают выкрикивать, что они хотят.

— Вы все получите то, что я, блядь, привезу, — гаркает Дэн. Он кивает мне головой, — Давай, Ханна. Поехали.

Никто не задает ему вопросов, будто для нас это обычно — ездить вместе за едой.

Дэн широкими шагами направляется к своему грузовику.

Сэм хватается меня за локоть и шепчет мне в ухо:

— Постарайся задержать его. Я собираюсь пойти в свою комнату с Тэггом.

— Перестань втягивать меня в эпицентр этой истории, — шиплю я, но она уже проносится мимо.

Я спешу за Дэном, запрыгивая в машину, пока он включает зажигание.

Он игнорирует мое присутствие, и воздух в машине сгущается.

Спустя несколько минут я начинаю говорить:

— Ты расстроен?

Его реакция — это резкий поворот грузовика, когда он съезжает на проселочную дорогу.

— Куда мы едем? — «Тако Белл» в противоположной стороне.

Но Дэн молчит.

Спустя полкилометра он съезжает на обочину, выключает зажигание и сидит, нервно сжимая руль.

Я не двигаюсь. Ничего не говорю. Мои природные инстинкты говорят мне не делать этого.

После нескольких минут, когда не слышно ничего, кроме тяжелого дыхания Дэнни, он, наконец, говорит, глядя в окно:

— Я собираюсь сделать кое-что, чем не горжусь, но мне нужно сделать это.

Я только киваю, но мне становится тревожно.

Он сжимает ладонями руль.

— Ты всегда можешь сказать, чтобы я остановился, и я остановлюсь.

Что происходит?

Я собираюсь сказать ему, что он заставляет меня нервничать и чувствовать себя некомфортно, но потом он поворачивает голову, и от дикого взгляда его глаз мои слова застревают в горле.

Дэн расстегивает ремень безопасности и срывается со своего места ко мне, его рот врежется в мой, пока он быстро расстегивает мой ремень безопасности и откидывает сиденье.

Его поцелуи грубые, язык требующий.

Я поглощаю его, будто свежее испеченный пончик.

Его руки путешествуют вверх по моим оголенным ногам, и я стону в его рот; простые прикосновения воспринимаются мной как что-то эротическое.

— У тебя самые сексуальные чертовы ноги. Я хочу расцеловать того человека, который изобрел велосипед.

Я хихикаю в его рот и расслабляюсь, но за какую-то долю секунды до того, как Дэн сильнее сжимает мое бедро, он толкается в меня своими бедрами. Теперь я становлюсь просто дикой. Одно ощущение его эрекции делает меня безумной от страсти, моя сдерживаемая сексуальная неудовлетворенность вырывается на свободу.

Он тянется рукой к пуговице моих шорт, расстегивает их и медленно тянет молнию вниз. Я не уверена, к чему все идет, но еще не готова сказать ему, чтобы он остановился.

Рукой он проскальзывает под резинку моих трусиков и стягивает их вниз по моим ногам. Он застывает прямо над тем местом, где мое тело взывает к нему, его неуверенность борется с желанием.

Я киваю, без слов призывая его продолжать. Дэн прижимается своим лбом к моему, возобновляя движение рукой, и когда он находит маленькую бусинку между моих ног, я издаю такой громкий стон, какой никогда прежде не издавала. Удовольствие пронзает мое тело.

Но это ничто по сравнению с тем моментом, когда пальцем он щелкает по моим складочкам и растирает по ним мою влажность; по всему моему телу проносятся электрические импульсы.

Дэн двигает пальцами от границы моей девственной дырочки к моему клитору и обратно до тех пор, пока я не застываю под ним, практически готовая взорваться. Его горячее дыхание пробегает по моему лицу, что только еще больше добавляет интенсивности моменту.

Затем он проскальзывает в меня пальцем.

На долю секунды я застываю, а потом большим пальцем он начинает играть с моим клитором, пока другим двигает во мне. Я распадаюсь на части и кричу, мое тело выгибается под ним, когда я взрываюсь от оргазма.

Дэн немного отстраняется и кладет палец, который только что находился во мне, себе в рот. Он не отводит от меня взгляд, пока посасывает его, слизывая с него мои соки.

Вместо того, чтобы чувствовать смущение, эта картина наполняет меня чувством гордости, и теперь я собираюсь сделать то же самое для него.

Дэн берет мою руку и прижимает ее к своим штанам, чтобы я могла почувствовать, каким твердым он стал.

Это не в первый раз, когда я чувствую его сквозь одежду, и каждый раз это заставляет меня тянуться к нему, но обычно всего на секунду или две. Он двигает моей рукой вверх и вниз, и я понимаю, как продолжить это самостоятельно. Дэн корректирует мои движения так, чтобы он смог расстегнуть штаны и спустить их настолько, чтобы его эрекция выпрыгнула наружу.

Дэн сканирует мое лицо, которое по большей части выглядит таким же наивным, как я себя и ощущаю.

— Хочешь остановиться?

Я отрицательно качаю головой. Я хочу чувствовать его. Хочу сделать ему приятно.

Он ухмыляется.

— Хорошо.

Он направляет мою руку, обхватывая ею свою длину. От этого он шипит, а я стону, даже не представляя раньше, что простое касание к нему может так возбуждать. Он показывает мне, как надо его ласкать, и какое-то время просто наблюдает, как наши руки двигаются по его длине. Прежде чем отпускает мою руку, он увеличивает скорость поглаживаний, затем обхватывает мое лицо ладонями и с отчаяньем целует меня.

Мне нравится чувствовать его в своих руках, когда его дыхание становится прерывистым, когда его поцелуи время от времени становятся неаккуратными, потому что он слишком поглощен тем, что я делаю. Но я на самом деле люблю тот момент, когда его тело содрогается, и он со стоном говорит мое имя, пока пульсирует в моей руке и кончает.

Когда Дэн заканчивает, он опускает свою руку на мою, замедляя ее до тех пор, пока полностью не останавливает. Затем наваливается на меня, утыкаясь лицом мне в шею.

— Это было... — горячий воздух от его дыхания согревает мою щеку. — Никогда еще ничто не ощущалось так хорошо, — признается он.

Во мне расцветает гордость, и я начинаю поглаживать его спину. Его тело дрожит надо мной, будто ему холодно.

Дэн протягивает руку вверх, чтобы обхватить мою голову, пропуская пряди моих волос через свои пальцы.

— Я чувствую, что должен извиниться перед тобой, но я не буду это делать. Мне нужно было стать первым, кто дотронется до тебя там, и первым, кто почувствует тебя. Я знаю, это глупо, но...

Я прижимаю ладонь к его рту, заставляя замолчать.

— Это был самый прекрасный, самый горячий, самый сексуальный момент в моей жизни, и я очень разозлюсь, если ты попытаешься вернуть свои слова назад.

Я чувствую его улыбку на своей коже.

— Хорошо.

— И я запомнила каждый момент, который мы с тобой разделили, и буду помнить об этом всегда, — быстро добавляю я.

— Ханна... — мурчит он мне в ухо, и за этим словом стоит намного больше эмоций, чем от любого другого слова, когда-либо слетавшего с его губ. Он оставляет предложение недосказанным, но на самом деле ничто больше не имеет значения. То, как мое имя слетает

с его губ, говорит мне обо всем, что я должна знать. Тишина между нами комфортная, будто мы занимались этим годами.

— Хочешь узнать, что я собираюсь запомнить в первую очередь? — в его голосе ощущается поддразнивание, когда он поднимает голову. — Насколько чертовски сексуальные твои ноги в этих шортах. Я хочу покусать их, — его лицо становится озорным, а затем он подмигивает. — Знаешь? Я так и поступлю.

Он опускается ниже, и тут же я чувствую укус, который заставляет меня захихикать, а последующие несколько укусов заставляют меня смеяться.

Дэн поднимается и пересаживается на свое сиденье.

— Мне лучше остановиться, иначе я опущу свое лицо в кое-какое место, к чему я не уверен, что ты готова.

Картина того, как лицо Дэна находится между моих ног, вспыхивает в моих мыслях, и знакомая боль между ног возвращается. Я заставляю себя не умолять его сделать это.

Пока он заводит машину, я задумываюсь о том, почему должна останавливать себя. Почему мы не можем использовать наши месяцы другими способами, по типу того, как мы только что использовали свои руки? Как утверждает Сэм, это невероятно.

Я кладу руку на локоть Дэна.

— А когда будет можно?

Его глаза округляются, он качает головой и глубоко вздыхает.

— Ты только что снова сделала мой член твердым. Как я вернусь домой в таком виде?

Я смотрю на его пах, который явно топорщится в штанах.

— Может, это пройдет, пока мы будем ехать домой, — предполагаю я, ухмыляясь и в тайне обожая то, как быстро он реагирует на меня.

— Скорее всего, нет. Мне придется всю дорогу пялиться на тебя в этих шортах.

Дэн прав, и когда мы возвращаемся домой, ему приходится прикрывать свою эрекцию пакетами с едой на вынос. Есть в этом что-то удовлетворяющее, знать, что я так на него действую.

Позже, когда я рисую и Дэн подходит проведать меня, я замечаю, что он не курит. От этого я едва сдерживаю улыбку, пока рисую, а он наблюдает. Мы не разговариваем и не соприкасаемся, прямо как раньше, но я рада, что мы смогли сохранить эту часть нашей жизни неизменной. Этот факт странно успокаивает меня.

Через несколько минут после того, как он уходит, я слышу доносящиеся из кухни голоса Сэм и Тэга, и делаю мысленную пометку напомнить им, что в какой-то момент Дэн может услышать их.

— Все думают, что я должна ехать, — говорит Сэм, пока чем-то хрустит.

— Я говорил тебе.

— Что насчет нас?

— Об этом я тоже говорил тебе. «Мы» всегда будем существовать, — Тэг произносит «мы», словно подразумевая что-то бесконечное.

В голосе Сэм слышится осторожность.

— Большое расстояние — это трудно.

Не для Тэга.

— Если ты думаешь, что сможешь порвать со мной, когда уедешь, то хочу сказать тебе прямо сейчас, что не допущу этого.

— Ты не допустишь этого, — она звучит оскорбленной, но в ее голосе слышна улыбка.

— Нет. Сейчас, когда ты есть у меня, я никогда тебя не отпущу.

Сэм отвечает, тяжело дыша.

— Нам нужно куда-нибудь отойти, быстро. Ты нужен мне внутри меня.

Тэг понижает голос, и становится очень сложно услышать его.

— Если в ближайшее время я не окажусь в тебе, то ситуация выйдет из-под контроля.

Я отключаюсь от их разговора, когда становлюсь ярко-красной. Тэг определенно подтвердил мое утверждение, что он бойфренд Сэм. У него свои интересы на ее сердце, и он готов за него сражаться. По моему мнению, он действует на пять с плюсом.

Позже я присоединяюсь к вечеринке. Дэн попросил меня тайно встретиться с ним в его комнате, поэтому я притворяюсь, что хочу спать (кроме меня самой это никому не интересно, так как Сэм уже сбежала куда-то с Тэгом, что, я уверена, было бы замечено ее братом, если бы тот не был озабочен тем же самым).

Как только я захожу в его комнату, мы запутываемся в клубок на его кровати, не в состоянии удерживать наши губы вдали друг от друга. Так продолжается очень долгое время, пока знакомый звук опускающейся ручки двери не заставляет нас отпрыгнуть друг от друга.

— Дэн? — говорит Сэм, начиная открывать дверь.

В ту секунду, как узнаю ее голос, я вылетаю из кровати, ударяясь об нее и злясь от того, что эта боль далека от забавной, и скатываюсь под кровать.

— Стучать не пробовала? — срывается Дэн, как только Сэм заходит в комнату, а я скрываюсь в безопасности под его кроватью (где на удивление нет беспорядка, кроме одного носка, который валяется рядом со мной).

— Извини, просто Джерри сказал, что ты пошел сюда один.

— И что, это дает тебе право входить без стука?

— Блин, я же сказала, что извиняюсь.

Он вздыхает.

— Все нормально. В чем дело?

Со своего места под кроватью я вижу, что босые ноги Сэм становятся ближе.

— Ты не много-то сказал о моем отъезде.

— Тебе восемнадцать. Не так уж много я могу сказать.

— Ты никогда ничего не говоришь, — напоминает она ему, — но ты мой брат, и я ценю твое мнение.

Скрипит кровать, и всего в нескольких сантиметрах от себя я вижу ноги Дэна.

— Ты хочешь уехать?

Голос Сэм звучит потерянно.

— Я не знаю.

— В чем ты сомневаешься?

— По большей части, это из-за тебя, Ханны и парней. Я буду так по вам скучать.

— Мы тоже будем скучать по тебе, — искренность в его тоне не оставляет сомнений.

— Хотя, Ханна все равно недолго еще будет рядом, — грусть в голосе Сэм разбивает мое сердце.

На долгое время наступает тишина, и я мечтаю о том, чтобы увидеть в этот момент выражение лица Дэнни.

— Это такая хрень, — шепчет он.

— Я знаю, — она вздыхает, — но она не хочет идти против них.

Наступает очередная долгая пауза.

— Что мне здесь делать? — спрашивает она.

— Хороший вопрос.

— Без обид, но я не хочу оставшуюся часть своей жизни заниматься твоей бухгалтерией.

— Без обид, но я больше не хочу, чтобы ты занималась этим. Ты в этом как бы отстой.

Мне приходится перепроверять и исправлять все за тобой.

Сэм смеется.

— Тогда почему ты позволяешь мне заниматься этим?

— Потому что я знаю, что ты не хочешь просто так брать у меня деньги. В этом мы схожи.

— Для нас всех ты как папа медведь, — дразнит Сэм с любовью в голосе.

— Неа, я просто забочусь о тебе и хочу лучшего для всех.

— Мы счастливы, что у нас есть ты, — я слышу скрип кровати, когда ноги Сэм становятся еще ближе, и я уверена, что услышала знакомый звук объятий. — Спасибо.

— Я ни в чем тебе не помог.

— Ага, но приятно знать, что в любом случае ты всегда прикроешь мою спину.

— Всегда. Ты моя сестра, и нет ничего, что я не сделал бы для тебя.

— Как и я для тебя.

Дэн ведет ее к двери.

— Ты не обязана принимать решение прямо сейчас. Обдумай все. Дай себе время решить, чего именно ты хочешь.

Сэм останавливается около двери.

— Что ты здесь делаешь в одиночестве?

— Разгадываю кроссворд. А сейчас выметайся.

Она делает шаг назад.

— Что ты здесь прячешь? Ты ведешь себя странно.

— Уходи, — приказывает он.

— Хорошо. Хорошо, — дверь с щелчком закрывается за ее спиной.

Дэн подходит, чтобы помочь мне выбраться.

— Черт, детка. Ты в порядке? — он выглядит на самом деле обеспокоенным, когда осматривает меня, и все, что я могу сделать, это засмеяться. Все это для меня очень смешно.

Как только Дэн убеждается, что у меня нет ни одной раны от падения, он начинает смеяться вместе со мной.

— Я никогда не встречал никого, кто передвигался бы так быстро, — говорит он между приступами смеха, от сильного смеха у нас обоих в глазах стоят слезы. — Ты просто влетела под эту кровать, как какой-то ниндзя, — и поскольку мы не можем держать свои руки вдали друг от друга, то продолжаем смеяться, при этом целуясь, как сумасшедшие.

Дэн опускает меня на кровать, где начинает исследовать меня своим ртом, и это так же удивительно, как я и думала.

Он пытается остановить меня от намерений отплатить ему услугой за услугу, но я не позволяю ему этого; достаточно один раз облизать губы, и он перестает останавливать меня.

Я не уверена, чем больше наслаждаюсь: ртом Дэна между моих ног или моим между его ногами.

Позже он крепко прижимает меня к себе.

— Надеюсь, эти летние ночи никогда не закончатся, — шепчет он мне на ухо, прежде чем провалиться в сон.

В эту ночь я молюсь сильнее, чем когда-либо прежде, я молюсь о том, чтобы слова Дэна каким-то образом стали правдой.

— Ужин готов, — говорю я парням.

Прошла еще одна неделя. Еще одна неделя блаженства в руках Дэнни каждую ночь. Наши тела разделяют все, кроме единственного, что я начинаю жаждать гораздо больше, чем времени, проведенного в этом доме.

После моего объявления, что ужин готов, все парни влетают на кухню. Они терпеливо ждут, пока мы с Сэм наполним свои тарелки, они всегда настаивают на том, чтобы мы делали это первыми. Как только заканчиваю, я иду к своему стулу, чтобы не быть затоптанной, когда они все начнут нагружать свои тарелки мясным рулетом, картофельным пюре и зеленой фасолью, бормоча «выглядит круто», «я умираю с голоду», «выходи за меня». Обычно по пятницам я готовлю для них.

Я стараюсь делать для них все, что могу. Большинство из них провели всю свою жизнь без домашней пищи (если только вы не считаете таковой продукты в коробках или полуфабрикаты для быстрого приготовления в микроволновке), так что наблюдение за тем, как они едят здоровую пищу, согревает мое сердце. Никто даже не жалуется, что из-за готовки в доме стало еще жарче. Вот насколько сильно им нравится, как я готовлю.

— Итак, кто эта девушка, которую ты прячешь от нас? — Мэддокс подталкивает к признанию Дэна, пока тот накладывает на свою тарелку порцию картофельного пюре и заливает подливой.

Я застываю, сидя на своем месте.

— Да, мужик, — подхватывает Трип, пока тянется через стол, чтобы стукнуться кулаками. — Что за девушка?

— Это ничего не значит, парни. Оставьте это, — требует Дэн, мельком взглянув на меня.

Прайс достает для всех напитки и начинает их открывать.

— Если это ничего не значит, тогда скажи, когда последний раз ты трахал девушку на наших вечеринках?

Я чувствую себя такой глупой, хотя за последние шесть недель я и не дала ему возможности думать о других девушках. Дэн мог бы быть с ними и в то же время со мной, за исключением того, что я не уверена, когда бы у него появился такой шанс, так как большинство ночей я провела в его постели. И, если честно, я не верю, что он мог бы так поступить со мной.

— Ты обзавелся девушкой? — Джерри, похоже, доволен тем, что кто-то, помимо него, возьмет на себя такие обязательства.

— Я вас умоляю, мой брат не заводит себе девушек, — возражает Сэм.

Дэн игнорирует этот разговор и сосредотачивает внимание на своей тарелке.

— Черт возьми, — от шока рот Сэм приоткрывается. — У тебя есть девушка?

Дэн все еще не отвечает, и я застываю на месте, напуганная, но с надеждой в душе, что он даст им всем знать, что это я пряталась у него.

— Кто она? — строго спрашивает Сэм. — Пожалуйста, скажи мне, что это не та блондинка, у которой не хватает несколько зубов. Она выглядит слишком отчаявшейся.

Я понимаю, о ком именно говорит Сэм. Наверное, она единственная девушка, с которой

(это могли видеть все) Дэн регулярно общается на вечеринках и которую водит в свою комнату. Она симпатичная и чрезвычайно сексуальная. Я ее ненавижу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Это не она, — отрицает Дэнни.

На долгое время в комнате повисает тишина.

Первым говорит Мэддокс.

— Ты, блядь, можешь просто признать, что нашел себе девушку?

Дэн пожимает плечами, а мои внутренности начинают гореть.

— Должно быть, это чертовски хорошая киска.

Дэн зло смотрит на Мэддокса, и тот отступает на шаг назад.

— Никогда не говори так о ней.

В комнате снова становится тихо, пока все в неверии глазают на Дэна.

— О. Мой. Бог, — выдыхает Сэм. — У моего брата появилась девушка, которую он защищает. Насколько все это серьезно и почему я узнаю об этом только сейчас? — она смотрит на меня в полной растерянности. — Ты можешь в это поверить?

Я отрицательно качаю головой, потому что я и не могу поверить в это. Дэниел Шепард считает меня своей девушкой. Неужели это сейчас происходит со мной?

Он проскальзывает мимо них с наполненной тарелкой.

— Когда мы познакомимся с ней? — спрашивает Прайс, пока передает нам наши напитки.

— Никогда.

— Где ты с ней познакомился? — с вызовом спрашивает Мэддокс, будто пытается подловить Дэна на лжи.

Дэн ухмыляется.

— В магазине мороженого.

Я пытаюсь скрыть свою собственную улыбку.

— В магазине мороженого? — переспрашивает Мэддокс, будто это какое-то вымышленное место. — Вам что, по двенадцать?

«Очень близко, — думаю я про себя. — По крайней мере, в прошлом».

Все парни начинают приставать к нему с расспросами, но он прерывает их.

— Оставьте это. Я закончил говорить об этом.

Они все выглядят, как дети, которым отказались покупать игрушку в магазине, но вместо того, чтобы устраивать истерику, они занимают свои места и начинают уплетать свою еду так, будто не ели несколько дней.

Мы с Сэм заканчиваем первыми, но только потому, что парни не остановятся, пока не съедят все до последней крошки. Мы идем в ее комнату.

Она падает на кровать.

— Я знала, что с ним что-то происходит. В последнее время он вел себя слишком странно.

Я пытаюсь вести себя как обычно.

— Как это?

— Я не знаю, слишком улыбающийся и счастливый.

Она правильно подметила, это не те слова, которые обычно используют, когда описывают ее брата.

Я сделала его таким. Я. Ханна Мэлоун.

Я сжимаю губы, запрещая им растянуться в крышесносной улыбке.

— Это немного странно. Я никогда не видела, чтобы мой брат относился к девушкам серьезно. Не знаю, что и думать.

— И не думай, — предлагаю я.

— Ага, наверное, ты права. Уверена, все это закончится раньше, чем мы узнаем об этом. Любопытство берет надо мной верх, и, не сдержавшись, я задаю вопрос:

— Почему ты так думаешь?

— Я не знаю, — она пожимает плечами, какое-то время обдумывая ответ. — Я так же думала и о Тэге, но посмотри на него, он — влюбленный глупец, — говорит она с гордостью. Одно упоминание его имени, и ее мысли меняют свое направление. Видеть мою подругу влюбленной, ранит меня почти так же сильно, как и быть с Дэнни, но я слушаю все эти потоки, которые изливает Сэм о таких сладких моментах, как например, что сказал и что сделал Тэг.

Мы остаемся в ее комнате дольше, чем обычно, погруженные в разговор, и когда, наконец, мы присоединяемся к остальным, дом просто забит людьми. Обычно можно спокойно перемещаться вокруг, но сегодня вечером, куда ни повернись, тебя окружают людские тела. Без сомнения, это одна из самых больших вечеринок в этом доме. Я виню в этом середину лета, а вместе с этим и скуку.

Я замечаю, что Дэн разговаривает с девушкой, и внутри меня разрастается ревность. Я понимаю, почему Сэм не смогла сдержаться рядом с Райли, когда та демонстративно пыталась подцепить Тэга. Если бы я была на это способна, то подошла бы к ним и по-сучьи повела себя с этой девушкой или, по крайней мере, вцепилась бы в нее ногтями.

Между ними приличное расстояние, и когда она делает шаг ближе, Дэн отходит на два шага назад, сказав ей что-то такое, от чего она выглядит сбитой с толку. Она дарит ему тот щенячий взгляд, который я так презираю, и снова придвигается ближе.

У меня появляется внезапное желание защитить свою территорию, и прежде, чем я успеваю остановить сама себя, мои ноги начинают двигаться. Единственное, что меня останавливает, это Дэн, когда раздается его голос:

— Я кое с кем встречаюсь.

— С кем? — допытывается она, не поверив ему.

— Это тебя не касается.

— Видимо, тогда все не так серьезно, — она тянется к нему, но он быстро отбрасывает ее руку в сторону.

— Серьезнее, чем ты можешь представить.

— Ты серьезно?

— Ага, серьезно, — усмехается он и разворачивается, чтобы тут же найти меня прямо за своей спиной. Улыбка растягивается на его лице, и если бы кто-то, кого он знает, увидел это, они бы не размышляли о том, кто она — его новая девушка.

Сердце в моей груди становится больше, и я также широко улыбаюсь в ответ.

Он берет меня за руку и тянет следом за собой:

— Пойдем.

Я оглядываюсь вокруг, но никто, кого это может волновать, нас не видит.

В тот момент, когда за нами закрывается дверь в его комнату, Дэн притягивает меня к себе, его губы поглощают мои, пока мы падаем на его кровать и наши тела сплетаются вместе.

— Итак, мм, теперь я твоя девушка? — я улыбаюсь напротив его губ, не в состоянии остановить себя.

Он поднимает голову, убирая с моего лица волосы.

— Ты больше, чем просто девушка.

Я сглатываю, не зная, что на это ответить.

— Мне понравилось слушать, как они сказали это.

— Да? — он улыбается той самой улыбкой, от которой я всегда ощущаю слабость в коленях. — Ну, мне вроде как нравится, что они об этом знают.

Дэн приподнимается надо мной.

— Ты хоть понимаешь, насколько возбуждаешь меня, когда одета в мою майку?

— Скорее всего, не так сильно, как возбуждаюсь я, когда надеваю твою майку.

От этих слов я зарабатываю исходящее от него глубокое утробное рычание, когда его губы в прямом смысле слова врезаются в мои. Он торопится снять с меня лифчик, захватывая мою грудь обеими руками. Она так идеально помещается в его ладонях, будто была создана, чтобы находиться там.

Дэн продолжает поцелуями спускаться все ниже и ниже, вместе с этим стягивая и мои пижамные штаны. Он целует мою ногу, покусывая чувствительную кожу между моих бедер и заставляя меня стонать. Когда его язык находит путь к своей цели, я протягиваю руку к его волосам. Я стону, пока он мастерски использует свои руки и язык. Мое тело выгибается, когда я приближаюсь к разрядке, накрывший меня экстаз не помогает мне успокоиться.

Когда я перестаю стонать его имя, Дэн скользит вверх по моему телу и удовлетворенная ухмылка прочно укрепляется на его лице.

— Нет большего удовольствия, чем быть единственным, кто делает это с тобой.

— Хочешь поспорить? — я ухмыляюсь, решительно переворачивая нас.

Он ворчит, а я стягиваю с него одежду.

Чувствовать его голое тело под собой — это то, что мне никогда не надоест, и я пользуюсь всеми преимуществами его такого положения. Я подмечаю, в какие моменты он издает стоны, или когда его дыхание становится прерывистым. Я хочу выучить реакцию каждой частички его тела, каждой частички его тела, которая сходит с ума от желания, когда я нежно прижимаю губы к некоторым местам на его теле. Проходят минуты, пока я изучаю его, время от времени останавливаясь, чтобы поиграть с его массивной твердой эрекцией, и двигаюсь дальше, когда чувствую, что он подвигается ближе.

— Ханна, — стонет Дэн, и это звучит, как мольба. Мое имя застывает на его губах, когда он поднимает голову, чтобы посмотреть вниз на меня.

Я улыбаюсь, когда, наконец, даю ему то, в чем, как мне известно, нуждается его тело, и когда он кончает мне в рот, звуки, которые он издает, дают мне понять, что именно он имел в виду, потому что это доставляет больше удовольствия, чем мое собственное освобождение.

Дэн прикрывает рукой глаза, пряча часть лица.

— Иисус.

Я ложусь вдоль его тела, крепче прижимаясь к нему. Он обвивает меня рукой, и я кладу голову на его грудь — это мое новое любимое место, где я хочу быть.

Убрав руку с лица, он прижимает меня ближе к себе и целует в макушку.

— Так хорошо. Прямо здесь, прямо сейчас. Когда только ты и я.

Я полностью с ним согласна.

Сэм осматривает церковь, когда мы встаем в конце службы.

— Который из этих парней он? — она берет мою руку и сжимает ее. — Нет, стой, не говори мне. Думаю, я знаю. На пять часов. Чувак с идеально уложенными волосами и великолепными глазами.

Мне даже не нужно смотреть, чтобы убедиться, что она права. У Джоша удивительные глаза. Они голубые, окруженные густыми темными ресницами, и даже с расстояния заметно, что они изгибаются самым естественным способом.

— Как ты узнала? — шепчу я на выдохе, пока мы следуем за моими родителями.

— Он продолжает смотреть на нас, — она пожимает плечами. — Плюс он высокий, у него явно выглаженная одежда, вежливая улыбка для всех, он практически как муж твоей сестры.

Я стараюсь не съеживаться. Она права, у моего отца есть определенный типаж, которого он хотел бы для своих дочерей. По крайней мере, я знаю, что отец найдет для меня только самого лучшего (или, по крайней мере, кого он считает лучшим).

Все направляются в приемную, где нас ожидают кофе и выпечка. Вокруг бегают дети, пряча выпечку в свои карманы, пока взрослые, разбившись на группы, разговаривают, прежде чем разойтись каждый своей дорогой.

Мы с Сэм держимся в стороне.

— Он довольно милый.

— Ага, но когда его тебе навязывают, довольно трудно признать это, — ненавижу это признавать, но она права, он не выглядит отталкивающе.

— Ну, я говорю тебе, он милый. Похоже, моей девочке он может понравиться.

— Обязательно расскажу об этом Тэгу.

— Не важно. Я уверена, он до сих пор трется с другими девушками. Это не тот вид флирта или заигрываний, который имеет какое-то значение.

Я всегда восхищалась, с какой легкостью Сэм относится к жизни. Хотела бы я иметь хоть унцию ее возможностей, чтобы быть такой беззаботной.

Мои родители зовут нас к себе, и Нельсоны присоединяются к ним. Сэм легкомысленно следует за мной, ей не терпится встретиться с мужчиной, который уничтожает мою жизнь, с мужчиной, которого однажды я назову мужем.

Джош протягивает руку моей лучшей подруге.

— Ты, должно быть, Саманта. Приятно с тобой познакомиться.

Сэм изящно берет его руку, и мне хочется рассмеяться, понимая, что она насмехается над ними.

— Как и мне с вами.

— Нельсоны пригласили нас на обед, — объявляет мой отец.

Я улыбаюсь.

— Чудесно.

— Хочешь присоединиться к нам, Саманта? — предлагает Джош, а мои родители выглядят потрясенными. Они могут принять Сэм в нашей церкви, потому что это то, что сделал бы Иисус, и они могут позволить своей дочери раз в неделю ночевать в ее доме,

чтобы учить ее слову Господню, но общаться с таким сбродом? Никогда.

Сэм выглядит такой же потрясенной, как и большинство из нас.

— Конечно, спасибо. Мне только надо предупредить маму, чтобы она не волновалась, — что означает, необходимо позвонить Дэнни и дать ему знать, чтобы он не забирал ее на углу. Она отходит в сторону, достает телефон и бубнит в него так, чтобы никто не услышал.

— Ты сегодня прекрасно выглядишь, — отмечает Джош с робкой улыбкой.

Мои щеки краснеют.

— Спасибо, — отвечаю я быстро.

Моя мама светится, я уверена, она уже представляет нас в день свадьбы.

Сэм присоединяется к нам, и мы направляемся к машине моего отца.

Должна признаться, мне намного легче от того, что Сэм вместе со мной. Я чувствую себя сильнее только от одного ее присутствия. Нам приходится ожидать снаружи кафе, потому что оно уже переполнено людьми. Родители разговаривают в стороне, и я знаю, это для того, чтобы дать нам с Джошем время «наедине», чтобы узнать друг друга.

Джош подходит ближе (но не слишком близко) и тихо говорит:

— Тебе не кажется это немного глупым, что они контролируют нас?

— Да, — тут же соглашаюсь я.

Он ухмыляется мне, и я ненавижу то, как мило он при этом выглядит.

— Итак, Саманта, — обращается к ней Джош, все в его лице и тоне голоса говорит с неподдельным интересом. Я также ненавижу и то, как у него это получается. Не игнорируя Сэм, как делают все остальные, он вызывает к себе теплое чувство, но я не хочу испытывать это к нему. — Расскажи о себе.

Сэм смотрит на меня в шоке от того, что с ней на самом деле разговаривают, но быстро приходит в себя:

— Я много работаю, поэтому у меня не так много времени на что-то еще, — под «много работаю» она подразумевает танцы, но в этой компании об этом она не говорит вслух.

— О, да? Чем ты занимаешься? — Джош выглядит по-настоящему заинтересованным. Проклятье. Я не хочу, чтобы мне нравился этот парень.

Сэм быстро находит ответ.

— Бухгалтерским учетом, — по большей части, это правда: она занимается счет-фактурами Дэнни и начисляет зарплату парням, еще занимается разной «офисной» фигней, с которой нужно помочь Дэну. — Что насчет тебя?

— Я дантист. Я только начал работать в офисе своего отца, — по факту, однажды он возьмет его управление в свои руки. Сэм уже знает об этом.

— Звучит весело.

Джош смеется от ее явного сарказма.

— Это взрыв мозга, — дразнит он в ответ. — Но это хорошие деньги, и, ну, — он поворачивается к отцу, который занят, рассказывая какую-то историю и забирая полное внимание моих родителей, — у меня не было особого выбора.

Это так. Джош единственный сын. У него шесть сестер, и все они старше него.

— Тяжелый случай, — соглашается Сэм.

— По крайней мере, я знаю, что всегда буду в состоянии содержать свою семью, — Джош смотрит прямо на меня, и я не могу сдержаться и краснею.

— Сколько ты хочешь детей?

Я глазами метаю ножи в сторону Сэм. Немогу поверить, что она только что спросила его об этом.

Он нервно смотрит в мою сторону, а я хочу треснуть его и умереть.

— Сколько бы ни послал нам Бог, — отвечает Джош практически на автомате.

Сэм замечает это и оживляется:

— Сколько детей ты на самом деле хочешь?

Он понижает голос.

— Я был бы счастлив двум. Максимум трем.

Слава Богу.

— Я тоже, — признаюсь я.

Джош светится, глядя на меня, и я понимаю, что допустила ошибку, приняв участие в разговоре. Он, наверное, подумал, что теперь мы хорошо подходим друг другу.

Называют наш номер стола, и мы разбредаемся по местам — взрослые с одной стороны, «дети» с другой.

Первое время взрослые пытаются втянуть нас в разговор, но как только приносят еду, они дают нам больше «приватного» времени. Они очень щедры.

— Так что там произошло сегодня со службой? — спрашивает Джош, пока намазывает джем на печенье. — Она была такой мрачной.

— Я знаю это, ладно? — соглашаюсь я со смехом. — Это было совершенно точно воодушевляюще.

— Наверное, его жена не пришла, вот он и ворчал, — говорит Сэм, прежде чем начать уплетать блинчики.

У меня отвисает челюсть. Она знает, что лучше такое не говорить при моей семье.

К счастью, Джош смеется.

— Наверное, ты права.

Пока Джош сосредоточил внимание на тарелке, подцепляя вилкой немного омлета, Сэм смотрит на меня с выпученными глазами, а потом я понимаю, что она целенаправленно это подстроила, чтобы увидеть его реакцию. Я не знаю, что именно хочу, рассмеяться или ударить ее.

— Над чем вы трое там улыбаетесь? — интересуется мой властный отец.

Отвечает Джош:

— Обмениваемся мнениями о сегодняшней службе. Наш пастор на самом деле знает, как вдохновлять людей.

Я улыбаюсь в салфетку, притворяясь, что вытираю рот. Мне нравится его сарказм. Еще больше мне нравится, что он делает это так, что никто этого не поймет, если только не будет заодно с ним.

— Да, так и есть, — соглашается мой отец, прежде чем вернуться к своему блюду, явно довольный, что мы придерживаемся тех рамок, которые он одобряет.

Сэм говорит, поедая еще один огромный кусок блина.

— Ты знаешь, что Ханне нравится заниматься шитьем одежды?

Джош проглатывает свою еду.

— Да.

Она слизывает клиновый сирот с уголка рта.

— Я имею в виду, что она *любит* заниматься этим.

К чему она ведет?

Он смотрит на меня с улыбкой.

— Это великолепно.

— Я просто говорю, — продолжает Сэм, тыкая в его сторону вилкой, — что ты должен иметь это в виду, на будущее. Убедись, что у нее будет своя комната для этого дела.

Иисус, Сэм. Возможно, я не так уж и рада, что она здесь со мной.

Джош откидывает голову назад и смеется.

— Я думаю, мы сможем это организовать, — отвечает он с улыбкой, которая делает его еще красивее.

Сэм удовлетворенно кивает и возвращается к своей еде.

Я не могу сдержать радость от этой идеи. Моя личная комната для шитья! Я даже смогла бы втайне шить что-то из своих эскизов, пока он на работе!

Джош наклоняется ближе, вырывая меня из мечтаний.

— Мне нравится манера поведения твоей подруги. Она довольно смешная.

Он первый человек, который признал, что Сэм больше, чем просто какая-то девушка, которую я пожалела. От этого теплое чувство к нему все усиливается.

— Я с удовольствием сделаю для тебя это когда-нибудь, — говорит он тише, его глаза изучают мои. — Это важно — иметь что-то, что увлекает тебя.

Ему нужно остановиться, прежде чем я пойму, что перестала его ненавидеть.

— Это было бы чудесно, — отвечаю я. Я бы сгруппировалась, если бы не сказала так и не позволила ему знать о том, что я этого хочу. Это могло бы стать моим новым убежищем, учитывая, что у меня осталось не так уж много времени в доме Шепардов.

Будто прочитав мои мысли, Джош переводит взгляд на Сэм.

— Знаешь, мне всегда нравилась идея о гостевой комнате...

Глаза Сэм распахиваются от восторга.

— Правда?

Прежде чем он успевает ответить, мои родители поднимаются и благодарят Нельсонов за восхитительный обед.

Мы все выходим на улицу, и Джош останавливается около меня:

— Я прекрасно провел время.

— Я тоже, — и я понимаю, что не лгу, и от этого хмурюсь, раздираемая этими чувствами. Я никогда не думала, что мне, на самом деле, может понравиться тот, кого выберет для меня отец.

Джош широко улыбается мне, прежде чем махнуть на прощание, и направляется к машине родителей.

Когда мы доезжаем до дома, я спрашиваю разрешение у отца, чтобы проводить Сэм домой.

— По-быстрому, — предупреждает он.

Я стараюсь сдержать волнение:

— Да, сэр.

В ту минуту, когда мы заворачиваем за угол, Сэм снимает громоздкое платье, которое надевает каждое воскресенье. Под ним у нее короткие шорты и открытый топ. Она распускает пучок и позволяет своим каштановым волосам свисать свободными волнами.

Сэм вздыхает, когда берет меня за руку.

— Я ненавижу то, что он мне нравится.

— Так же, как и я, — вздыхаю я в ответ. Я не хочу этого, но он мне нравится.

Мы идем в тишине, потому что тот факт, что Джош на самом деле довольно хороший парень, угнетает нас обеих.

Я провожаю ее до двери и машу парням, которые рассредоточились по всей гостиной и залечивают свое похмелье.

— Мэри! — приветствуют они меня, улыбаясь.

— Ты сегодня тусуешься с нами? — спрашивает Трип.

— Нет, просто проводила Сэм.

— Отстой.

Да. Да, так и есть.

— Пока, парни.

— Пока, — снова говорят они в унисон.

На мгновение я ловлю взгляд Дэна, но мне этого хватит до самой ночи.

Когда я направляюсь в сторону дома, то останавливаюсь в конце подъездной дорожки. Я не могу ждать до ночи. Я захожу за угол дома и пытаюсь телепатически дать знать Дэну, чтобы он нашел меня здесь. Когда забираюсь в его комнату, он закрывает дверь в спальню.

Я улыбаюсь.

— Ты читаешь мои мысли.

— Или ты читаешь мои, — предполагает он, пока подходит ко мне, и мы целуемся так, будто прошли дни, а не часы, с того момента, когда мы последний раз были вместе.

— Как все прошло?

Я знаю, что он имеет в виду обед, и я пожимаю плечами.

— Было нормально.

— Он, по крайней мере, был с тобой милым?

— Да.

— Хорошо, — он снова меня целует. — Я ненавижу это. Ты же знаешь об этом, правда?

Я киваю.

— Когда позвонила Сэм и сказала, что идет на обед с твоей семьей и твоим парнем...

Я съеживаюсь, прерывая его:

— Она на самом деле использовала слово «парень»?

Дэн кивает и крепко сжимает челюсть.

— Мне хотелось что-нибудь разбить.

— Теперь ты понимаешь, что я чувствовала каждый раз, когда видела тебя с девушками.

— Это не одно и то же. Они были просто телами, сдерживающими меня от нападения на ту, которую я на самом деле хотел.

У него есть удивительная способность заставлять мой желудок сжиматься, а сердце ускоряться.

— Зачем ты вообще мне это говоришь? Ты мог бы оградить меня от многих мучений.

Он вглядывается в мое лицо, прежде чем ответить:

— Ты всегда будешь слишком хороша для меня, и я знаю, что никогда не смогу удержать тебя.

Ох, если бы он только знал, как много меня он имеет. Всю меня. Навечно.

Мы целуемся еще несколько секунд, прежде чем я неохотно разворачиваюсь, чтобы уйти.

Я спрыгиваю с подоконника, и Дэн высовывает голову наружу.

— Скажи мне только, что ты его терпеть не можешь.

— Я его терпеть не могу, — за последние пять лет я много врала, но никогда прежде от этого я не чувствовала себя так отвратительно.

Его глаза становятся грустными, будто он может почувствовать мою ложь, отчего мне становится еще хуже.

— Увидимся позже?

— Увидимся позже, — подтверждает он.

Я иду домой, на мне тяжелое платье, но чувство вины весит намного больше. Когда моя жизнь стала такой сложной?

Я прихожу к Шепардам раньше Сэм, меня распирает от счастья из-за дополнительного времени наедине с Дэном. Я не видела его целые сутки, потому что ночь понедельника мы посвятили полноценному сну.

К сожалению, он в хреновом настроении и едва замечает мое присутствие, когда я прихожу. Все его внимание сфокусировано на какой-то видеоигре, в которую он играет.

Я подползаю ближе к нему, но он продолжает играть и я не могу распознать исходящие от него флюиды. Я почти уверена, что он зол на меня, но не пойму, в чем причина.

Когда я уже готова спросить его, что не так, влетают Тэг и Сэм, смеющиеся над чем-то, да так сильно, что Сэм сгибается пополам.

Сэм падает на диван рядом со мной.

— Эй, малыш, можешь принести мне чего-нибудь попить?

Мы с Тэгом каменеем, ожидая, что Дэнни поинтересуется, почему Сэм назвала Тэга «малыш».

Дэн слишком поглощен стрельбой в кого-то на экране, чтобы заметить это, но я, на всякий случай, поднимаюсь, будто Сэм просила об этом меня. Я незаметно машу Тэгу, чтобы он сел, что он незамедлительно и делает.

— Принеси и мне что-нибудь, — просит меня Тэг, поудобнее устраиваясь в кресле.

Я раздаю всем пиво и снова сажусь на диван.

Длинные, накаченные ноги Тэга вытянуты вперед, так что он толкает меня ступней:

— Сэм рассказала нам о воскресенье.

Я дарю своей лучшей подруге колкий взгляд. Она пожимает плечами, не заботясь о том, что я могу переживать об этом.

— Похоже, он порядочный парень.

— Так и есть, — Сэм делает глоток пива. — Чему я очень рада. Если Ханне приходится покинуть нас, по крайней мере, я буду знать, что парень достойный. Он даже собирается сделать гостевую комнату, так что я смогу там оставаться.

Дэнни тянется за своим пивом и ставит его на место, затем поднимается и уходит на кухню. Там он начинает копаться в холодильнике.

— Правда? — Тэг выглядит удивленным. — Это здорово.

— Ага, — соглашается Сэм. — Когда я встречусь с ним в следующий раз, то по-настоящему надавлю на него с комнатой для шитья... — Дэнни чем-то гремит, это отвлекает мое внимание, — ...моя лучшая подруга заслуживает личное помещение для своих потрясающих дизайнов.

Перегнувшись через стойку, сжав кулаки и сведя брови вместе, Дэн практически рычит:

— Ты имеешь в виду, что она, возможно, могла бы открыть гребаный интернет-магазин?

Сэм поднимает руку вверх в его направлении.

— Именно! — объявляет она и опускает руку на бедро. — Идея великолепная, и Джош, похоже, полностью с ней согласится.

Дэн еще больше злится и возвращается к грохотанию какими-то вещами, будто что-то ищет в каждом ящике и шкафу, создавая при этом довольно много шума.

Тэг обращается к нему:

— Мужик, ты в порядке?

— Чертовски потрясающе.

Сэм и Тэг смотрят друг на друга, будто спрашивают: «Что не так с ним?».

Я залпом проглатываю содовую, чтобы избежать участия в разговоре. Хотела бы я, чтобы они просто все поняли. Я копаюсь в мозгах в поисках другой темы для разговора.

— Как продвигается новая работа?

Они до сих пор работают над тем садом для женщины; когда они закончат, он будет выглядеть, как тропический лес. Место, где у меня впервые был оргазм.

— Выглядит великолепно! — хвастается с гордостью Тэг. Ему и следует гордиться, я видела их работы, и они всегда получаются поразительными. Между телом Тэга, которое создано для тяжелой работы, и привычной щепетильностью Дэна в работе, они составляют звездную пару.

Дэн игнорирует разговор и, топая, направляется в сторону коридора.

— Мне нужно принять душ!

Он не возвращается даже когда заканчивает, предпочтя одиночество нашей компании. Я притворяюсь, что мне нужно уйти пораньше, чтобы тут же прокрасться в комнату Дэна.

В ней на полную мощь играет группа Sublime, пока он, растянувшись на кровати, кидает мяч в стену и ловит его руками.

Я стою, теребя кончик своей косы, не уверенная, что сказать, и сомневаясь, должна ли вообще была приходить к нему.

Молчание убивает меня, особенно, когда я знаю, что он знает, что я здесь, и просто игнорирует меня, пока играет со своим бейсбольным мячом.

Я должна что-то сказать.

— Мне жаль, что тебе пришлось это слушать.

Он продолжает бросать мяч, игнорируя меня.

— Пожалуйста, скажи что-нибудь, — умоляю я.

— Ты врала мне, — говорит Дэн, наблюдая, как мяч практически ударяет в потолок, прежде чем упасть вниз, и ловит его обеими руками.

Сейчас уже мне нечего сказать. Я знаю, что он не захочет выслушивать мои извинения. На его месте я бы тоже не захотела быть обманутой тем, кто заботится о тебе, это по-настоящему дерьмово.

— Ты хоть понимаешь, каково мне было, когда Сэм сказала это слово «бойфренд»? — он произносит это слово так, будто это самое мерзкое, что он когда-либо говорил.

— Плохо, — предполагаю я мягко.

Дэн ловит мяч и, наконец, смотрит мне в глаза.

— Да. Плохо, — он поднимается, в его глазах полыхает злость. — Ты хоть представляешь, насколько это было отстойно, что я был вынужден слушать ее рассказы об этом на протяжении всего вчерашнего вечера?

Я отрицательно качаю головой.

— Ты знаешь, каково это, понимать, что там, снаружи, есть другой парень, который думает о тебе так же, как я? Кто хочет тебя так же, как я? Кто однажды будет иметь тебя, как хочу этого я?

Я изо всех сил пытаюсь успокоить его, однако делаю шаг назад, испытывая необходимость немного отстраниться от его злости, которая, кажется, охватила всю

комнату.

— Он не думает об этом. Он хороший христианин.

— Если ты веришь в это, значит, ты такая наивная, как все и думают, — Дэн продвигается ближе ко мне. — *Каждый* парень думает об этом.

— Все совсем не так. Мы вынуждены быть вместе.

— Чушь собачья, — выплевывает он. — Как все это началось? Кто к кому пришел?

— Его отец пришел к моему отцу, — неохотно рассказываю я. Моя мама проговорила об этом несколько недель назад. Мне ни разу не приходило в голову, что Джош мог принимать в этом участие.

— Именно! Иисус, — в отчаянии Дэн сдергивает с головы свою бейсболку. — И чья, как ты думаешь, была эта идея?

Я не отвечаю. У меня нет на это никакого ответа.

— Джона, — отвечает он за меня.

— Джош, — поправляю я, отчего зарабатываю рычание в свой адрес. Наверное, это не самый мой умный поступок в данный момент.

— Я гарантирую, что это был Джош. Наверно, он положил на тебя глаз еще какое-то время назад. Ты не видишь себя со стороны, но любой парень с членом видит это. Твою красоту, и у тебя просто есть все это... — Дэн рукой очерчивает мой силуэт, — все в тебе просто... черт, я даже не знаю, как описать это. Но это просто заставляет мужчину желать быть лучше. Поступать лучше, только чтобы порадовать тебя. Спроси у любого из моих парней.

— Они не делают ничего, только дразнят меня, — напоминаю я ему.

Он яростно пробегает пальцами по своим волосам.

— Так они и проявляют свою любовь, но любой из них сделает для тебя что угодно, даст все, что тебе будет нужно. Ты думаешь, они бы сделали это для кого угодно?

Дэн не ждет моего ответа.

— Нет, не сделали бы.

— Я не знаю, что ты хочешь, чтобы я сказала.

Он тянет концы своих волос и вздыхает.

— Я тоже не знаю.

Дэн подходит ближе, и я позволяю ему притянуть меня к себе. Он обхватывает ладонями мои щеки.

— Ты сводишь меня с ума, — несколько секунд он изучает меня взглядом, а затем его губы обрушиваются на мои. Наши рты говорят без слов, двигаются с отчаянием, пока мы цепляемся друг за друга. Его губы так крепко впиваются в мои, что это почти причиняет боль.

Во мне что-то ломается. Я не уверена, что это: нужда быть с ним, желание показать ему, как много он значит для меня, или это просто влечение к нему, но в одну минуту мы целуемся, а в следующую мы уже на его кровати срываем друг с друга одежду. Мы поглощаем друг друга так, будто хотим что-то доказать. Когда он нависает надо мной, я раздвигаю свои ноги, готовая подарить ему всю себя. Я не останавливаюсь и не раздумываю, я просто чувствую, и прямо сейчас я нуждаюсь в нем — во всем нем. Я сжимаю его, направляя к своему входу.

Он выглядит так, будто сторает от нетерпения, но потом застывает, как только касается моего входа. Дэн приподнимается, на его лице мелькает грусть. Он скатывается с меня, и

садится, руки безвольно свисают с коленей.

— Я не могу сделать это.

Мое дыхание быстрое и неглубокое, но я пытаюсь очистить свой мозг от вожделения, которое затуманило его.

— Если ты переживаешь за меня, то я хочу этого.

— Дело не в этом. Я имею в виду, в этом, но я не могу не думать о том моменте, когда ты уйдешь, с чем останусь я? Я тоже часть этого. Должен ли я забыть тебя? Забыть о том, что мы разделили? Я чертовски долго мечтал об этом и я просто... — он вздыхает, опускает голову и качает ею из стороны в сторону. — Я просто не могу сделать это, а потом позволить тебе уйти. Я не могу разделить это с тобой, чтобы потом просто передать тебя в руки другого мужчины.

Я открываю рот, чтобы ответить, но он, все еще с опущенной головой, говорит первым:

— Мне нужно, чтобы ты ушла. Прямо сейчас мне нужно время подумать.

Я сажусь, у меня по щекам бегут слезы.

— Подумать о чем? О нас?

— Пожалуйста, просто уходи.

Я подчиняюсь. У меня нет выбора. Его голос слишком наполнен болью, но не сожалением.

Одевшись, я еще раз оглядываюсь на него, мое зрение размыто от слез. Я хочу сказать ему, что люблю его, что буду любить только его, но не говорю. Сейчас не время. Не уверена, что это время когда-либо настанет.

Я колеблюсь у окна, не хочу уходить, хочу быть уверенной, что это не конец, но я должна уважать его желание побыть одному. Я плачу всю дорогу домой, боясь, что это могла быть моя последняя встреча с Дэном. Также я смущена, что была готова и даже стремилась переспать с ним, и не испытала бы сожаления, если бы сделала это, даже несмотря на то, что он мне не муж и никогда им не будет.

Ехать на велосипеде с заплаканными глазами тяжело, и прежде, чем свернуть за угол к дому, я вытираю лицо платьем. Мое лицо, наверно, опухшее и красное, но с этим я не так много могу сделать.

Когда сворачиваю на свою улицу и вижу на подъездной дорожке машину отца, во мне зарождается страх. Понятия не имею, сколько сейчас времени. Он мог приехать домой раньше, но у меня плохое предчувствие, что это не так.

Входная дверь открывается, когда я иду по подъездной дорожке, мой отец стоит там и выглядит злее, чем я когда-либо видела.

— В дом, живо! — кричит он, и я понимаю, что все плохо, потому что он никогда не устраивает сцен на публике.

Так быстро, как только могу, я отбрасываю свой велосипед в сторону, и когда прохожу мимо дедушкиных часов, замечаю, что уже седьмой час. У меня большие неприятности.

Отец ждет в гостиной, в месте, которое он использует только по праздникам или для приема особых гостей. Это плохо.

— Где ты была? — кричит отец.

Его лицо красное и наполнено яростью.

— Миссис Фрайзер было плохо...

— Не ври мне! — он становится таким красным, я и не представляла, что человек может так покраснеть. — Я только что разговаривал по телефону с Марлен, она сказала, что

ты ушла около двух часов.

— Она ошиблась, — вру я, отчаянно пытаюсь прикрыть свой тыл.

— Я не хочу это слышать! Ты знаешь правила!

Отец подлетает ко мне и так сильно хватает меня за руку, что затормаживает кровообращение в ней. Он так быстро тянет меня за собой, что я спотыкаюсь о свое платье, пока следую за ним. Он поднимается по лестнице, и я тут же понимаю, что за этим последует. Я начинаю всхлипывать.

— Пожалуйста, папочка. Извини меня. Пожалуйста, — умоляю я.

Он тащит меня всю дорогу до моей комнаты и бросает на кровать. Слезы текут все сильнее, пока я наблюдаю, как он расстегивает свой ремень.

Этого не может произойти. Я слишком взрослая для таких унижений.

— Развернись! — кричит мой отец. Когда я не делаю этого, когда я снова умоляю его не делать этого, он кричит еще громче, сотрясая стены. — Развернись!

Подчиняясь, я переворачиваюсь на кровати, зная, что если не сделаю этого, последствия будут хуже.

Я хочу зарыться в землю и умереть, пока поднимаю платье, оголяя свой зад (по крайней мере, он прикрыт трусами).

Ремень выскальзывает с петель его брюк, шелкая, когда освобождается из последней петельки, и взлетает в воздух. Это единственный звук, который я всегда ненавижу и от которого вздрагиваю всю свою жизнь. Я знаю его.

В ожидании сжимаю в кулаках покрывало, слезы орошают ту сторону моего лица, которая прижата к кровати.

Первый удар вынуждает меня выпалить.

— Один, сэр.

Отец не сдерживает себя, следующий удар еще сильнее, когда он ударяет в то же место. На «восемь, сэр» я чувствую, как на моей коже выступает кровь. Я сдерживаю крик. Шум всегда делает порку только хуже. Мы должны плакать молча.

На последнем ударе, который соответствует моему возрасту, я сдвигаюсь на другое место. Место, которое поможет мне укрыться от боли и унижения.

Я шепчу:

— Восемнадцать, сэр.

Отец вздыхает за моей спиной, запыхавшись от усилий, приложенных для порки своей дочери.

Затем за его спиной захлопывается дверь. Долгое время я просто лежу. Я слишком измотана, чтобы шевелиться. Мои ягодицы горят, болят и уже начинают неметь. Или, может, это я начинаю неметь.

Я не двигаюсь до тех пор, пока не переваливает за полночь. Стягиваю нижнее белье, зная, что мои ягодицы слишком повреждены, чтобы соприкасаться с чем-либо. Я аккуратно заползаю на кровать, но все еще вздрагиваю от боли. У меня даже нет сил, чтобы плакать. Я держу любую ткань подальше от ягодиц, пока безразлично пялюсь на закрытую дверь, ставшую оболочкой меня самой. В конце концов, я проваливаюсь в сон.

Я избегаю встречи с Дэном. Не потому, что с трудом хожу, а потому, что мое унижение будет слишком большим. Я не хочу, чтобы он увидел, что со мной сделал отец; это больше, чем унижение. Единственное, что сказала мне мама, это то, как она разочаровалась во мне, что я расстроила отца и пошла против его правил.

Если у меня будет дочь, я никогда не позволю своему мужу причинять ей боль. Никогда. И неважно, нарушит она каждое наше правило и будет безобразничать, никто не заслуживает ощущать такой стыд и позор, и быть сломленной.

Во вторник утром как обычно к нам заглядывает Челси со своими детьми. Она замечает мое замкнутое поведение и отводит меня в сторону, пока мама отвлечена детьми.

— Все нормально?

— Конечно, — я знаю правила семьи Мэлоун — мы не выносим сор из избы.

— Поговори со мной. Я заметила, что ты ни разу не присела. Ты сделала что-то, что расстроило папу?

У меня перехватывает горло, и я сдерживаю рыдания.

Челси вздыхает.

— Я так и думала.

Она обнимает меня, и я даже не понимаю, как нуждаюсь в минутке нежности, пока не обнимаю ее в ответ, расплакавшись.

— Пожалуйста, скажи мне, что станет лучше? — умоляю я в ее плечо. — Пожалуйста, скажи мне, что не будет так, когда я выйду замуж.

Челси нежно потирает мою спину.

— Папа неповторимый. Большинство мужей и отцов не причиняют боли своей семье так, как делает наш отец. Аарон никогда не трогает наших детей или меня... — она останавливается, потому что мы все знаем, что отец причиняет боль и нашей маме. Мы слышали ее стоны, когда она пыталась вести себя тихо, а на следующий день после этого она не могла ходить.

— Что, если Джош такой же? Я больше не смогу так жить.

— Создай прецедент, прежде чем выйти замуж. Дай ему знать, чего ты хочешь от мужа, а чего нет.

— Я могу так сделать?

— Ох, Ханна, — вздыхает Челси, крепче сжимая меня. — Мне так жаль, что мы не поговорили об этом раньше. Прямо сейчас ты, наверное, чувствуешь себя такой потерянной, с учетом того, что сейчас происходит. Я должна бывать здесь чаще ради тебя, быть сестрой, в которой ты нуждаешься.

— Все нормально.

Так и есть, у нее шестеро детей, откуда у нее время для чего-то еще?

— Поговори с Джошем. В этом и есть смысл ухаживаний. Вам нужен этот разговор чтобы удостовериться, что вы подходите друг другу.

— А есть ли у меня вообще выбор, если мы и не подходим? — в моем понимании ответ отрицательный, выбора у меня нет.

— Не совсем, но, по крайней мере, он будет знать, что ты чувствуешь, а ты сможешь

оценить его реакцию. Если ты действительно почувствуешь, что он тебе не подходит, приходи ко мне. Я уверена, что смогу придумать, как убедить папу, что это плохая идея.

Я крепко-крепко обнимаю ее.

— Спасибо.

Впервые у меня есть надежда на будущее. Возможно, все будет не так уж и плохо.

Этим вечером я все еще избегаю Дэнни, но в пятницу, пока завтракаю, я понимаю, что должна выбраться из этого дома. Если пробуду здесь секундой дольше, то сойду с ума. Я скучаю по Сэм (и конечно, по Дэнни). Я понимаю, что еще не могу комфортно сидеть, но определенно уверена, что смогу с этим справиться.

— Сегодня вечером никаких походов к Саманте, — предупреждает отец, прежде чем уйти на работу.

Я стараюсь скрыть свое разочарование.

Прежде чем уйти, он наносит мне самый большой удар.

— И я не уверен, когда ты вообще сможешь туда пойти.

Это ранит меня больше и разрушает сильнее, чем любая порка, которую я когда-либо получала.

В течение всего дня мама пытается вести себя бодро, но от этого мне просто хочется придушить ее. Как она может притворяться, что все так радостно и прекрасно?

Когда родители уходят спать, я понимаю, что мне надо выбраться наружу и предупредить Сэм, что какое-то время я, наверное, не смогу видаться с ней. Я стараюсь не думать, будет ли мне вообще когда-либо позволено проводить там пятничные ночи. Зачем себя мучить?

Я иду медленно, стараясь, чтобы ткань трусов не сильно натирала ягодицы. От образовавшейся корочки они начали зудеть, но я игнорирую это.

Когда я захожу, дом переполнен, и я пробираюсь сквозь толпу, выискивая Сэм. Близнецы на кухне, поэтому я останавливаюсь, чтобы узнать у них, не видели ли они ее.

— Неа, — Прайс приобнимает меня сбоку, — но если бы я был тобой, то поостерегся бы Дэна. Он в одном из своих скверных настроений.

Великолепно.

Я останавливаюсь в коридоре, разрываясь между тем, чтобы проверить комнату Сэм, и тем, чтобы проверить, в своей ли комнате Дэн, так как я не увидела его на вечеринке.

Не уверена, готов ли Дэн ко встрече со мной и хочет ли он вообще меня видеть. Побеждает боль в моем сердце от тоски по его лицу, его улыбке и по всему в нем. Я мягко стучу в его дверь.

— Отвалите! — кричит он.

— Это я, — шепчу я в дверь, но слишком громко играет музыка. Я решаю рискнуть открыть дверь.

Дэн расхаживает по комнате, огибая туда-сюда свою кровать. Он не слышит, как за моей спиной захлопывается дверь, слишком поглощенный своим передвижением. Стоя спиной ко мне, он садится на дальний край своей кровати и когда поворачивается, его голова все еще опущена вниз. Он не останавливается, пока его глаза не наталкиваются на мои ноги, затем он вскидывает голову вверх.

Мы смотрим друг другу в глаза, пока на весь дом гремит музыка, а через открытое окно доносятся голоса со двора. В конце концов, мы устремляемся навстречу друг другу. Дэн притягивает меня к себе, прижимает к своему телу, и я обнимаю его. Руками он прижимает

мою голову к своей груди, и я могу слышать беспорядочное биение сердца в его груди. Он делает глубокий вдох, его нос зарывается в мои волосы.

Когда он говорит, его голос напряженный и хриплый.

— Прости меня.

— За что? — я единственная, кто должен извиниться.

— Я никогда не хотел, чтобы ты держалась от меня подальше.

Я не делюсь с ним настоящей причиной разлуки, это слишком больно.

— Ты нуждался в пространстве.

— Но не *так* долго, — Дэн берет в ладони мое лицо, приподнимая, когда смотрит вниз на меня. — Мне пришлось сдерживать себя, чтобы не пойти к твоему дому и не кидать камни в твоё окно.

Мое сердце колотится от волнения, когда представляю, что бы было, если бы мой отец увидел его.

Он всматривается в мои глаза.

— Неважно, насколько злым или расстроенным я выгляжу, мне никогда не понадобится больше часа наедине с самим собой, хорошо?

Я киваю.

Он мягко целует меня, но мне нужно больше. Руками сгребая ткань его футболки и тяну его на себя. Он стонет мне в рот, когда я приветствую его своим языком.

— Я скучала по тебе, — признаюсь я между поцелуями. До этого момента я не понимала, насколько сильно скучала, но сейчас, когда я здесь, в его доме, впервые за последние дни я чувствую себя самой собой.

Дэн крепче целует меня в ответ. Он ведет меня спиной вперед, пока мои ноги не ударяются о кровать, и я оступаюсь. Его постель мягкая, но я жестко приземляюсь, и мое платье трется о тело. Жгучая боль разносится по моему телу, и я издаю что-то среднее между визгом и плачем.

Дэн останавливается, чтобы осмотреть меня.

— Ты в порядке?

Нет. Я чувствую, как дрожит мое лицо, даже при том, что стараюсь сдерживать себя. Я киваю в ответ.

В его глазах отражается боль.

— Это второй раз за эту неделю, когда ты врешь мне.

Слезы проливаются наружу, потому что я не хочу ему врать, но мне слишком стыдно сказать ему правду.

Он поцелуями осушает мои слезы.

— Пожалуйста, расскажи мне.

Я отворачиваю лицо, заплакав еще сильнее.

— Я не могу.

— Ханна, — умоляет меня Дэн, страдание в его голосе делает все только хуже.

— Это слишком унижительно.

Он поворачивает мою голову, и поцелуями убирает еще больше слез с моего лица. От его нежности они льются только еще сильнее.

— Скажи мне, что это не то, о чем я думаю? — его брови сведены вместе, что никогда не было хорошим знаком.

Я не хочу врать, поэтому снова отворачиваю голову. Он опускает голову на мое плечо,

его дыхание становится тяжелым, а температура тела возрастает.

— Когда?

Я знаю, что он старается сдержать свой гнев.

— Во вторник. Я пришла домой слишком поздно, — говорю я так тихо, что, если бы его ухо не было так близко к моему рту, уверена, он бы не услышал этого.

— Покажи мне.

— Нет, пожалуйста, — умоляю я. Он, несомненно, понимает, насколько унижительно это для меня.

Дэн приподнимается, чтобы встать, его ярость осязаема.

— Покажи мне.

Я отрицательно качаю головой.

Он смягчает свое выражение лица и тон, насколько только может, но его брови грозно сведены вместе.

— Пожалуйста, детка, мне нужно увидеть.

Слезы непрерывно льются по моему лицу, пока я медленно переворачиваюсь, ощущая стыд и унижение во второй раз за эту неделю, только в этот раз еще хуже. Позволяя Дэнни увидеть, что со мной сделал отец, я ощущаю, как к моему голу подступает желчь, когда оголяю ягодицы настолько, чтобы он мог увидеть следы от порки. Мне приходится действовать медленно и аккуратно, чтобы не допустить трения ткани о кожу.

Я слышу, как он резко втягивает воздух.

— Ублюдок, — выдыхает он, и я чувствую, как поток воздуха проносится позади меня, когда Дэнни марширует к двери.

Я быстро одеваюсь, вздрагивая, потому что делаю это слишком быстро. Бросаюсь следом за Дэнни, чье лицо более красное и свирепое, чем было у моего отца той ночью.

— Парни! — кричит он, когда останавливается в самом центре дома.

Я становлюсь рядом с ним и тяну его за руку.

— Дэнни, не надо.

Он выплевывает слова достаточно низким голосом, чтобы не привлекать внимание, но не оставляет сомнения, что он чувствует.

— Ты видела, на что они похожи?!

Видела. Они выглядят так же плохо, как и ощущаются, может, даже немного хуже.

— Ему не сойдет это с рук! Не в этот раз! — предупреждает он меня, и принятая им поза и тон заставляют внутри меня все сжиматься. Ничего хорошего из этого не выйдет, но как мне его остановить?

— Парни! — снова кричит Дэн.

Они все подлетают к нему.

— В чем дело? — спрашивает Мэддокс, когда заходит с заднего двора, застегивая ширинку.

Дэнни ждет с ответом, пока они все не подходят ближе.

— Нам нужно нанести кое-кому визит.

Близнецы обмениваются взглядами, и у каждого на лице появляется боевое выражение.

Не зная, кто это или зачем, они все в игре. Вот такие они, всегда прикроют спины друг друга, не важно, в чем.

Дэн сканирует переполненную гостиную.

— Где Тэг?

Все пожимают плечами, но нет сомнений в том, что они обмениваются нервными взглядами.

У меня сжимается желудок, потому что я прекрасно понимаю, где он.

— Где. Тэг? — он выделяет каждое слово, подтверждая, что заметил, что что-то происходит. Его взгляд скользит по дому, и понимание загорается в его глазах. Он разворачивается и шагает обратно в сторону спален.

— Этот засранец собирается умереть!

И снова я спешу следом за ним, умоляя его ничего не предпринимать.

Он игнорирует мою просьбу и рывком открывает дверь в спальню Сэм. Тэг лежит сверху на Сэм, толкаясь в нее, ее тело обвивает его, пока она стонет от удовольствия.

— Слезь нахрен с моей сестры! — Дэн кричит так громко, что вибрируют стены.

— Блядь, — Тэг матерится, пока сползает и протягивает руки к простыни, чтобы прикрыть Сэм, которая тут же обматывается ей, прикрывая свое нагое тело. Она в шоке, ни одного слова в защиту не вылетает из ее рта.

У Тэга нет времени прикрыть свою наготу, прежде чем Дэн бросается на него, и даже при том, что Тэг, без сомнения, намного тяжелее, Дэн сбрасывает его с кровати. Начинают мелькать кулаки. Тэг не сопротивляется, принимая каждый удар Дэна. Сэм как может закрепляет на себе простыню и торопится к ним, крича своему брату, чтобы тот остановился.

К счастью, парни здесь, и я говорю им оттащить Дэна от Тэга, чье лицо сейчас как кровавое месиво. Чтобы удержать его, задействованы все: Мэддокс и Джерри оба держат его руки, Норд удерживает его сзади, а близнецы становятся стеной перед ним.

Тэг встает и ладонью вытирает кровь со рта. Прайс бросает ему джинсы, которые оказались у него под ногами.

— Как долго это продолжается?! — кричит Дэн, пока Тэг одевается.

Сэм встает между Тэгом и щитом, которым ребята окружили Дэна, все еще сжимая простынь вокруг себя.

— Не твое дело.

— Черта с два! — Дэн дергается вперед, но парни тянут его назад. — Ты знаешь правила! — выдыхает он.

Тэг поднимает руки, оправдываясь:

— Извини, мужик, но я люблю ее.

Дэн кажется ошеломленным таким ответом, он смотрит то на друга, то на сестру. Сэм совершает ошибку, встав рядом с Тэгом, который в собственническом жесте обвивает ее руками, от чего Дэн приходит в ярость и пытается пробиться сквозь стену, но у него не так много получается против пяти парней, тянущих его назад. — Проваливай к черту из моего дома!

— Дэн, да ладно. Давай поговорим об этом, — просит Тэг, при этом сохраняя спокойствие.

— Ты не можешь держать свои руки подальше от нее?

— Нет.

— Тогда проваливай, — отвечает он с горечью.

Тэг поднимает руки, сдаваясь.

— Как скажешь. Я ухожу, — он останавливается около двери и поворачивается. — Ты и я были близки очень долгое время, мужик, и теперь ты просто отбрасываешь все это, не дав

мне шанса объяснить все? Пошел ты.

Сэм идет следом за ним, простыня тянется за ней.

— Сэм, — предупреждает Дэн.

Она машет ему рукой.

Когда парни убеждаются, что Тэг ушел, они отпускают Дэна.

— Это не круто, — отчитывает его Трип.

— Что не круто, так это то, что они действовали за моей спиной, — быстро отвечает Дэн.

Я приподнимаю брови, глядя на него, потому что, серьезно? Разве не то же самое делаем мы?

Он посылает мне упрямый взгляд.

— И вы все знали об этом? — требовательно спрашивает он.

Никто из них не смотрит ему в глаза.

Он выходит, следом раздается стук закрываемой двери в его спальню.

Парни начинают спорить о случившемся.

— Я говорил вам, мы должны были что-то сказать, — взрывается Джерри. — Секреты никогда ни к чему хорошему не приводят.

— Ага, но это означало бы предать Тэга, — замечает Мэддокс. — В любом случае, мы бы облажались.

Они начинают выходить за дверь.

— Это удар, — продолжает Мэддокс. — Что, если Дэн не сможет его простить?

Никто не отвечает, но они все выглядят обеспокоенными этим вопросом.

Я подхожу к комнате Дэна и позволяю себе зайти без стука.

— Не могу поверить, что ты держала это в тайне от меня, — это первое, что я слышу после того, как закрываю дверь. Дэн стоит в нескольких сантиметрах от меня со сложенными на бедрах руками.

— Она моя лучшая подруга, — он, может, и мужчина, которого я люблю, но также я всегда буду предана Сэм.

Дэн кивает, похоже, принимая мой ответ.

— Как долго?

— Я устала быть в этом эпицентре. Тебе нужно поговорить с ними.

— С Тэгом я закончил, — выдавливает он.

— Ты, правда, думаешь, что любой из них делал бы это, если бы оно ничего не значило?

Они оба очень переживали за тебя.

Он фыркает.

— Как ты думаешь, чувствовала бы себя Сэм, узнай она о нас? — он что-то ворчит, но я продолжаю говорить, желая донести это до него. — Хотел бы ты иметь шанс объяснить все?

Ясно, что он хочет подуться.

— Я должна идти, — говорю я. Часть меня боится, что чем дольше я нахожусь здесь, тем больше риска, что Дэн вспомнит, из-за чего на самом деле разозлился.

— Хорошо, — он останавливает меня, когда я почти выхожу. — Это означает, что я хочу, чтобы ты вернулась ко мне в постель завтра ночью.

Я не могу сдержать улыбку от того, как он доносит до меня свое послание.

Я знаю, мы будем в порядке, но не могу сказать того же о нем и Тэге. Я знаю, что должна попытаться что-то сделать. Эти двое слишком близки, чтобы Дэн так просто

отбросил в сторону то, что его лучший друг влюбился в его сестру. Или, возможно, причина в полном эгоизме. Если я смогу это исправить, то, возможно, смогу простить себя, что сохраняю такую же ситуацию в секрете от Сэм.

Следующей ночью, к тому времени, когда я прихожу домой к Шепардам, все уже разошлись по домам. Сэм с Тэгом, и я до боли в сердце хочу поговорить со своей лучшей подругой, чтобы знать, что она в порядке.

Мы с Дэном решаем смотреть фильм и обниматься, как настоящая пара. Он обвивает мой живот, моя голова лежит на его коленях, он поправляет мои волосы и отклоняется назад.

— Я все еще хочу его убить.

— Тэга?

— Нет.

Я вздыхаю. Догадываюсь, кого он имеет в виду.

— Я знаю.

— Этот парень, которого хотят для тебя твои родители. Ему лучше не поступать также, иначе я буду более чем счастлив покончить с ним. Более чем счастлив. И если твой отец снова попытается сделать это с тобой, с ним будет покончено.

Я верю ему. Полагаю, это хорошо, что не будет ни одного шанса быть пойманной, пока мама будет возить меня к миссис Фрайзер, и, насколько я знаю, я все еще не могу уходить из дома по пятницам. Я под домашним арестом; здесь я не смогу попасть в большие неприятности. До тех пор, пока посреди ночи они не обнаружат, что меня нет в моей постели, но я бы с радостью принимала порку каждый день всю оставшуюся часть моей жизни за эти моменты, проведенные с Дэнни.

— Ты разговаривал с Сэм?

— Она не появлялась дома.

— Ты хотя бы пытался дозвониться до нее?

— Не берет трубку.

— Она твоя сестра. Приложи больше усилий.

Все, что я получаю в ответ, это ворчание.

На середине фильма я отрубаясь, и не просыпаюсь до тех пор, пока не чувствую, что Дэн несет меня в свой грузовик. Он отвозит меня домой, остановившись достаточно далеко от дома, чтобы они не услышали нас.

— Люблю тебя, — говорю я сонным голосом, даже не понимая, что я сказала, пока не пробираюсь обратно в свою комнату, и мне сразу хочется ударить себя. Что я фактически и делаю — бью себя по лбу.

— Пожалуйста, хоть бы он не услышал этого, — молю я вслух.

Следующим утром мне, наконец-то, удастся увидеться с Сэм. Мне хочется подлететь к ней и обнять, но я должна сдерживаться и вместо этого вежливо здороваюсь с ней, когда она

подходит к нашей скамье. Когда мы поднимаемся на время службы, я просовываю в ее руку записку. Я написала ее этим утром. В ней говорится о том, как сильно я ее люблю и как мне больно, что я не могу быть с ней рядом в эти моменты, когда понимаю, что ей действительно может понадобиться друг.

Она читает ее тайком во время пения. Я вижу, как она вытирает свои глаза, и как только мы садимся, она крепко сжимает мою руку. Я сжимаю ее руку в ответ. Меня убивает, что это все, что я могу ей предложить прямо сейчас.

Когда служба заканчивается, пользуюсь возможностью побыть наедине с Сэм. После того, как мы здороваемся с Нельсонами, я говорю тихо, чтобы мог слышать только Джош:

— Мне нужна услуга.

Его брови заинтригованно приподнимаются.

— Мне нужно, чтобы ты занял внимание моих родителей.

Если бы это был мой отец, я уверена, он бы бросил мою маму за то, что она только попробовала бы попросить его сделать такое.

Джош незаметно поднимает большой палец вверх. Это одновременно и радует меня, и огорчает. Радует потому, что, возможно, он может быть таким мужем, рядом с которым мне будет нравиться находиться, а огорчает потому, что если бы он бросил меня, тогда, возможно, у меня было бы больше времени провести с Дэнни.

Джош задает моему отцу вопрос, отчего тот сразу оживляется, отвечая, и я впечатлена, как легко Джош смог подобрать идеальную тему, чтобы привлечь внимание моего отца.

Я говорю маме, что иду в уборную, но она слишком увлечена разговором с другими женщинами, чтобы обратить на это внимание.

Мы с Сэм выбегаем на улицу и идем за церковь, где заросли смогут скрыть наше присутствие.

Мы тут же обнимаемся.

Я продолжаю обнимать ее, пока говорю.

— Что произошло после того, как ты ушла?

— Мы поехали домой к Тэгу...

Я отстраняюсь.

— Домой к Тэгу?

— Ну, да, — она смеется. — А где, ты думала, он живет?

Если честно, я никогда особо не думала об этом.

— Я удивлена, потому что вы, ребята, никогда не делили комнату вместе.

Сэм пожимает плечами с улыбкой.

— Это очень маленькое место, которое мы можем себе позволить.

От этого я снова обнимаю ее.

— Я переживала за тебя.

— Не надо. Я в порядке, — она ухмыляется мне. — Не считая того, что я зла на своего брата.

— Как Тэг? — за него я тоже переживала. Я знаю, что меня бы разрывало на части, если бы Сэм злилась на меня по той же причине, по какой злится Дэнни на Тэга.

— Больно, что Дэнни не хочет дать ему возможности объясниться.

— Вам, ребята, надо поговорить.

— Зачем? Чтобы Дэн снова попытался выбить все дерьмо из Тэга? Спасибо, но нет.

— Что ты собираешься делать? Никогда не возвращаться домой?

— Возможно.

Я хмурюсь.

— Это уничтожит Дэна.

— Это ему надо было думать об этом.

— А какой реакции ты ожидала от него?

— Какая и последовала, — она пожимает плечами, — Почему, ты думаешь, мы скрывали это?

Какая бы ни была причина, у нас обеих начинается истерика, и мы смеемся.

— Что, если бы Дэн выслушал вас без нападок на Тэга?

— Возможно...

Я понимаю, что должна это осуществить. Мне не нравится быть в эпицентре, но я опасаясь, что, если не вмешаюсь, победит гордость Шепардов.

Я быстро провожаю Сэм, так как понимаю, что должна как можно скорее вернуться на церковный двор. Я не могу обнять ее на прощание, но я кладу руку на сердце, это, по крайней мере, скажет ей что-то.

Разговор между Джошем и моим отцом все еще продолжается, когда я возвращаюсь, но отец прерывается, чтобы устроить мне допрос.

— Где ты была?

— Я проводила Саманту. Не хотела выглядеть грубой.

Он кивает, принимая такой ответ.

Я говорю одними губами «спасибо» Джошу, который подмигивает мне в ответ.

В среду вечером Сэм все еще не вернулась домой. Пока я притворяюсь, что читаю Библию во время утренних занятий, разрабатываю план, как устроить разговор между братом и сестрой. Недостаток в моем плане в том, что я понимаю, что должна выступить между ними посредником, а я как бы не совсем вольна прийти и уйти, когда захочу. К окончанию учебных часов я ощущаю уверенность, что смогу все это повернуть. Сейчас я просто обязана осуществить это.

— Мам? — спрашиваю я, пока мы чиним кое-какую одежду. — Я забыла спросить раньше, но Челси надеялась, что я смогу прийти помочь ей с детьми ненадолго. У нее есть некоторая работа по дому, которую она не может сделать, когда они отвлекают ее каждые пять минут.

Мама продолжает шить на швейной машинке, когда говорит:

— Ты знаешь, что твой отец не хочет, чтобы ты покидала дом.

— Это же помощь моей сестре, — доказываю я, стараясь не звучать слишком отчаявшейся. — Ты даже могла бы отвезти меня.

Она еще немного раздумывает, прежде чем согласиться.

— Хорошо. Я смогу отвезти тебя, прежде чем поеду по делам, и забрать тебя, когда закончу.

Из-за волнения от возможности выбраться наружу и разобраться с этим делом, всю

дорогу до дома Челси у меня кружится голова.

Я стучусь в ее дверь и разворачиваюсь, чтобы помахать маме, которая все еще не уезжает, ожидая, пока моя сестра откроет дверь.

Как только Челси открывает дверь, я с умоляющим взглядом быстро говорю:

— Не удивляйся, что видишь меня здесь.

Она тут же все понимает и натягивая на лицо приветственную улыбку. Она машет нашей маме, которая машет в ответ и уезжает.

Челси впускает меня внутрь.

— Что происходит?

— Мне нужно было выбраться из этого дома.

— Ну, возможно, ты должна была подумать об этом прежде, чем возвращаться домой с опозданием.

Я закатываю глаза у нее за спиной. Челси едва ли попадала в неприятности с отцом, всегда была идеальной дочерью.

Ее дети тихо играют в своей комнате, когда мы проходим мимо них. Только у Челси может быть шесть детей, счастливо играющих без присмотра.

Мы располагаемся на островке для завтраков на ее кухне.

— Я пришла сюда по еще одной причине, кроме нужды сменить обстановку, — признаюсь я, игнорируя комок в животе, который протестует против моего плана.

Она ставит между нами тарелку с виноградом.

— Я догадалась.

Я закидываю одну виноградину в рот, прежде чем продолжить:

— Я надеялась, что, возможно, ты смогла бы убедить папу, что вы с Аароном должны пригласить меня и Джоша на двойное свидание на этих выходных.

Пока Челси осмысливает идею, я продолжаю объяснять, полная решимости не уходить, пока она не согласится.

— Я хорошо подумала над тем, что ты сказала, и я думаю, ты права. Мне просто нужно немного времени, чтобы поговорить с Джошем о нашей женитьбе, и я уж точно не могу это сделать, когда мама и папа постоянно рядом с нами.

Я наблюдаю, как Челси ест виноград, пока раздумывает. Спустя несколько минут на ее лице появляется улыбка.

— Я думаю, это великолепная идея!

— Правда?

— Ага. Я могу предупредить Джоша, и вы двое сможете провести время вместе, но при этом все еще будете под присмотром взрослых.

Я хочу обратить ее внимание на то, что я *взрослая* и не нуждаюсь в присмотре, но я достаточно умна, чтобы держать свой рот на замке.

— Кстати, я сказала маме, что я нужна тебе здесь, чтобы ты смогла сделать работу по дому. Так что, с чем я могу тебе помочь? — таким образом, если мама спросит об этом одну из нас, нам не придется врать.

Она смеется.

— Ну, поскольку ты здесь, мне нужно прочистить трубы. Скоро осень.

Я стону. На улице миллион градусов, но, полагаю, услуга за услугу и все такое.

Когда я вижу, что Челси занята, я звоню Сэм с домашнего телефона, зная, что Аарон не проверяет входящие и исходящие звонки, как делает мой отец.

— Привет, это я, — говорю я быстро в ту же секунду, как она поднимает трубку. — У меня нет времени на разговор. Встреться со мной у вас дома в субботу в час дня. Захвати с собой Тэга, — я вешаю трубку и возвращаюсь к чистке, прежде чем у моей сестры будет шанс поймать меня.

Сейчас все, что я могу делать, это надеяться, чтобы остальная часть плана сработала и чтобы в субботу вечером Тэг был все еще жив после визита к ним в дом.

Папа и правда соглашается, когда этим вечером Челси спрашивает у него о двойном свидании. Он даже выглядит довольным этой идеей, но потом снова думает о том, что Челси и Аарон являются воплощением идеального брака: он пожарный, они очень много занимаются волонтерством, на первом месте у них Бог, а также они продолжают рожать детей.

Нельсоны также соглашаются с участием Джоша в этой задумке, а я убеждаюсь, чтобы Дэн был дома в субботу без парней. Я ничего не объясняю, и Дэн, похоже, что-то подозревает, но я начинаю замечать, что он сделает все, о чем я его попрошу.

Мои родители пораньше отвозят меня к Челси в субботу после обеда. Благодаря тщательному обдумыванию предложения, мой отец думает, что будет более удобно встретиться всем здесь, так как это место как раз посередине между нашим домом и домом Джоша. Я удивлена, когда они не заходят в дом, должно быть, они и в правду доверяют Челси. Наверно, это хорошо.

Джош приезжает ровно в срок, на своей собственной машине. Я на это надеялась, но не была до конца уверена. Еще одна часть моего плана выполнена.

— Аарон? — спрашиваю я после взаимных приветствий, все еще покрасневшая с головы до ног после того, как Джош сказал, как прекрасно я выгляжу (несмотря на то, что я выгляжу так же, как и каждый день). — Я подумала, может, мы с Джошем могли бы сначала поговорить? Есть некоторые вопросы, которые нам надо обсудить.

Я знаю, что у меня будет больше шансов провести время наедине с Джошем, если я спрошу напрямую у Аарона. Муж моей сестры, может, и является тем типом мужчин, кто не поднимет руку на свою семью, но он все равно считает, что мужчина — глава семьи.

— Я не знаю...

Челси берет его за руку.

— Помнишь, как это было важно для нас, когда мы ходили на свадьбу к твоей кузине и смогли урвать немного времени наедине?

Моя сестра меня знает. Она знает, что я не отправлюсь в какое-нибудь сомнительное место, чтобы заняться безбожными делами. Я бы вообще никогда не продвинулась так далеко с Дэном, если бы уже не была влюблена в него с момента, как впервые увидела.

Аарон кивает со вздохом.

— Это важный момент. Хорошо, мы встретимся с вами в ресторане в час дня.

Это даст мне не так много времени, но это может сработать. Я обнимаю их обоих, и мы идем к «Вольво» Джоша — машина, которую бы оценил мой отец: она безопасная и надежная (надеюсь, как и водитель).

Когда мы пристегиваемся, Джош прямо говорит.

— Это немного странно. Я даже не думал, что у меня будет время наедине с тобой до нашей брачной ночи.

Я пропускаю мимо ушей то, что он сказал. Сейчас не то время, чтобы думать об этом.

— Мне нужна услуга. Довольно большая услуга.

Он замирает.

— О...

Я спешу объяснить, чего хочу, но мои нервы уже на пределе.

— Мне нужно, чтобы ты отвез меня к Сэм. Ее мама слишком много выпила, и я боюсь, что вчера ночью могло что-то случиться.

Джошу это не нравится, и на какой-то момент я опасаясь, что мой план не сработает.

— Итак, ты не хочешь поговорить, да?

— Хочу, — успокаиваю я его, потому что надеюсь, что у меня и на это хватит времени — сегодня я чувствую себя очень амбициозно. — Но сначала мне надо проверить Сэм.

Наконец, он включает зажигание.

— Где она живет?

Аллилуйя! Я объясняю ему направление.

— Ты не мог бы никому не говорись об этом, хорошо?

Когда мы подъезжаем, Джош склоняется над рулем, чтобы лучше рассмотреть дом.

— Это здесь она живет?

Я знаю, что это место похоже на гетто (потому что так и есть), но у меня нет времени объяснить, что важно то, что внутри, а не снаружи.

— Подожди здесь! — говорю я через плечо, когда выскакиваю из машины. Тэг и Сэм еще не пришли, но я знаю, что они будут с минуты на минуту.

Я открываю дверь, проскальзывая внутрь так, чтобы Джош никого не увидел там и это не вызвало у него подозрений.

Дэнни на кухне, и я спешу к нему, даря ему поцелуи по всему лицу. Волнение от того, что вижу его, всегда делает меня счастливой.

— Не ненавижь меня, — предупреждаю я его, пока мы снова и снова целуемся.

Поцелуй.

— За что?

Поцелуй.

— Я пригласила сюда Сэм.

Поцелуй.

— Что?!

Поцелуй.

— Вам надо поговорить.

Поцелуй.

— Хорошо.

Поцелуй.

— И Тэга.

Дэн отстраняется от меня, сдвигая на несколько сантиметров свою бейсболку, чтобы раздраженно потрепать волосы, прежде натягивает ее обратно.

— Господи Боже.

— Веди себя хорошо, — предупреждаю я.

— Это маловероятно, — ворчит он, вздыхая.

— Пожалуйста. Ради меня.

Он сыплет проклятьями.

— Ты играешь нечестно.

— Мне все равно.

Позже он еще поблагодарит меня... надеюсь.

Дверь открывается, и Сэм заходит внутрь, она ведет себя невозмутимо. Тэг следует за

ней, явно заняв оборонительную позицию.

— Итак, — Сэм щелкает шариком жвачки. — Я слышала, ты хотел извиниться.

Дэн встает напротив них со сжатыми кулаками, и я кладу руку на его плечо, давая ему намек, чтобы он отступил. В ответ он сжимает челюсть.

Он указывает на меня, потом на них.

— Ты подстроила все это?

Я ни на каплю не ощущаю себя виноватой.

— Вам, ребята, нужно поговорить. Тебе нужно выслушать их версию истории.

Дэн хватается за столешницу, нервничая. Я принимаю это за знак, что можно действовать, и киваю им головой. Они становятся на другом конце бара — очень удачное место, так Дэну тяжелее будет добраться до Тэга.

Тэг смотрит на Сэм, она кивает ему, чтобы говорил он.

— Ты знаешь, я не очень хорош в словах, но я имел в виду то, что сказал. Я люблю твою сестру. Я люблю ее на протяжении долгого времени. Ты сказал мне не трогать ее, так я и делал...

Дэн двигается, заставляя Тэга дернуться, но я быстро кладу руку на его предплечье.

— Позволь ему закончить.

Тэг смотрит на меня, и я киваю, чтобы он продолжал. Он выглядит так, будто это прямо противоположно тому, что он хочет сделать.

— Я чертовски долго старался не приближаться к ней, но потом в один прекрасный день я просто не смог так больше.

Последнее предложение он произносит, глядя на Сэм с абсолютной любовью и восхищением, светящимся на его лице, и мое сердце скачет от радости за них.

Дэн долгое время пялится на Тэга, его брови сведены вместе и выглядят, как одна сплошная линия. Когда он говорит, то все еще оценивает Тэга.

— Ну а ты что чувствуешь?

Сэм смотрит на меня, и я киваю, потому что точно уверена, что он обратился к ней.

— Я тоже его люблю, и если ты поставишь меня перед выбором, я выберу его.

Дэн опускает голову, затем поворачивается ко мне.

— Что я должен сделать?

— Я думаю, ты должен быть рад, что это Тэг. Ты знаешь, какой он человек, и разве ты не доверяешь ему больше, чем остальным своим парням, — напоминаю я ему. — Разве ты не хочешь, чтобы рядом с Сэм был человек, который всегда прикроет, как твою спину, так и ее?

— Черт, — прокликает он. — Я ненавижу, что вы, ребята, заставили меня принять это.

У Тэга и Сэм на лицах появляются одинаковые кривые ухмылочки.

Дэн тыкает пальцем в сторону Тэга.

— Не вздумай, черт возьми, разбить ей сердце.

Тэг поднимает руки в знак капитуляции.

— Этого никогда не произойдет.

Потом Дэн указывает пальцем на сестру.

— Теперь ты застряла с ним. Я не собираюсь терять Тэга из-за того, что тебе вдруг стало скучно с ним.

— Договорились, — говорит Сэм с широкой улыбкой.

Дэн поворачивается к холодильнику.

— Кто хочет пиво?

Не могу поверить, сработало! Это было почти слишком легко. Вот почему я была уверена, что никто из них не хотел, чтобы ситуация привела к таким последствиям, и я рада, что вмешалась.

Мы стукаемся нашими стаканами. После того, как мы все делаем по глотку, я понимаю, что пришло время уходить.

Прежде чем я говорю им об этом, первой говорит Сэм:

— Почему Джош на нашей подъездной дорожке?

Парни ставят свое пиво на столешницу еще до того, как Сэм успевает договорить, и направляются к окну. Я бегу за ними и тяну их сзади за футболки, чтобы остановить, но они намного сильнее, поэтому вместо этого они тянут меня за собой.

— Стойте! Вам, парни, нельзя смотреть! Он может вас заметить, а потом это может дойти до моего отца, что у Саманты бывают здесь парни.

— Уже слишком поздно, — говорит Сэм за моей спиной. — Он видел, как я зашла сюда с Тэгом.

Черт. Об этом я не подумала. Я продолжаю тянуть их.

— Seriously, парни, пожалуйста, не делайте этого. Это только приведет меня к неприятностям.

Дэн приостанавливается, отчего я падаю назад, а он ловит меня, в то же время ударяя Тэга по груди, чтобы тот остановился.

— Хорошо, — соглашается он, хоть и выглядит при этом очень злым.

У меня нет времени извиниться или попытаться сгладить ситуацию.

— Мне нужно идти.

Я быстро обнимаю Сэм, а затем проскальзываю за дверь.

Джош дарит мне вопросительный взгляд, когда я пристегиваюсь на своем месте.

— Что за парень был вместе с Самантой? Он похож на того, кто входит в Международную Организацию Реслинга.

— Это ее кузен, — отвечаю я небрежно. — Он пришел, чтобы помочь отвезти ее маму в реабилитационный центр. Она может быть очень агрессивной.

— О, — он кивает, вглядываясь в дом с хмурым лицом. — Это печально.

— Да.

— Все в порядке?

Я немного переживаю, что в этом разговоре только одна сотая правды, но я справляюсь с этим. Мне не нравится, что я так легко могу врать, но, в любом случае, я продолжаю это делать.

— Сейчас, да. Спасибо, что позволил мне сделать это, — я дарю ему самую выигрышную улыбку, на которую только способна, и мягко касаюсь его руки.

Он краснеет. Он на самом деле краснеет.

Я чувствую себя ужасно.

Я позволяю ему отвезти нас в ресторан, подумав, что мы сможем поговорить на парковке.

— От всей этой ситуации мне на самом деле неловко, но я не знаю, как по-другому это сказать, так что была не была, — я делаю паузу, чтобы сделать глубокий вдох и подготовить себя к тому, чтобы раскрыть все карты. — Я не знаю, что произойдет в будущем, но я знаю, что никогда не позволю своему мужу поднимать руку на меня или моих детей, не важно, что неправильного мы сделали или как сильно мы ослушались.

Джош выглядит озадаченным.

— В этом дело?

Я пожимаю плечами.

— Это единственное, с чем я не смогла бы жить.

Он кладет свою руку на мою, и я подмечаю, что ничего при этом не чувствую.

— Я могу тебя уверить, что это не в моем стиле. Мои родители ораторы. Мы говорим обо всем. На самом деле, иногда я думаю, что я с сестрами предпочел бы получать немного физического наказания вместо того, чтобы выслушивать лекции.

— Поверь мне, вы бы не захотели, — от моего высказывания Джош хмурится. Я продолжаю, не давая ему времени обдумать это. — У тебя есть что-то, что может сорвать сделку?

Он сжимает мою руку.

— Я не думаю, что ты способна хоть на что-то, что изменит мое мнение о тебе.

И что я должна на это ответить? К счастью, мне не приходится придумывать ответ, потому что он открывает дверь со своей стороны, чтобы выйти.

— Пошли обедать. Я проголодался.

Обед, на удивление, проходит хорошо. Джош хорошо ладит с Челси и ее мужем, как, похоже, и со всеми остальными. Я замечаю, что все это время я по-настоящему улыбаюсь и хорошо провожу время. Нет, зачеркните это, я великолепно провожу время. Вот черт.

Я ощущаю себя так, как ощущает себя человек, за которым наблюдают, и я никак не могу избавиться от этого чувства. В конечном итоге, оно становится таким сильным, что, когда мы поднимаемся в церкви для пения, я тайком оглядываюсь через плечо.

Моя челюсть отвисает — через несколько скамеек позади меня сидит Дэнни, буравя меня своим взглядом. Я резко отворачиваюсь, мое сердце начинает биться в два раза быстрее. Что он здесь делает?

Когда мы садимся на свои места, я снова украдкой смотрю в его сторону, только чтобы удостовериться, что я его не придумала себе.

Ага, он определенно здесь. В костюме. Я даже не думала, что у него есть выходной костюм.

Я перевожу взгляд на Сэм, чтобы посмотреть, заметила ли она его, но она занята тем, что притворяется, что слушает. Кроме того, если бы она его заметила, уверена, я бы об этом услышала.

Мое сердце продолжает бешено биться в груди. Это, должно быть, даже видно сквозь мою одежду, как в мультиках, когда оно, увеличиваясь, выскакивает наружу, а потом возвращается на место. Прямо сейчас я благодарна, что это реальная жизнь и никто не будет интересоваться, почему мое сердце продолжает каждые полсекунды так сильно бить по затылку бедного мистера Андерсона.

После службы я делаю все возможное, чтобы Сэм не заметила Дэнни; по крайней мере до тех пор, пока я не выясню, зачем он здесь.

Я сканирую толпу, но больше его не вижу.

Я вынуждена остановить свои поиски, когда отец подводит нас к Нельсонам.

— Здравствуй, Ханна, — приветствует меня Джош.

— Привет, — рассеянно отвечаю я, слишком погрязшая в размышлениях о том, зачем Дэнни пришел сюда и куда он мог уйти.

Джош продолжает наш маленький разговор, и мой мозг переходит в режим автопилота, чтобы отвечать на его вопросы, вряд ли я смогу рассказать о чем мы вообще говорили.

— Что с тобой? — шепчет Сэм, стоя рядом со мной, когда Джош отвлекается на очередного поздоровавшегося с ним посетителя церкви. — Ты ведешь себя странно.

Я слишком отвлечена, чтобы ответить, потому что замечаю Дэнни, который прячется в тени пианино, наблюдая за нами. Он одет так же, как в тот день, когда Сэм исполнилось восемнадцать и она собиралась идти в клуб. Дэнни все время держится в стороне и следит за нами, будто он какое-то сумасшедшее животное, готовое наброситься на свою жертву. Это мне в нем не нравится и обычно это ведет к неприятностям, вроде той драки, из-за которой нас выгнали из ночного клуба, потому что какой-то парень слишком распускал руки. Несмотря на то, что Сэм разозлилась на своего брата, я втайне была рада, потому что мне было некомфортно находиться в том месте. Сейчас, когда я об этом думаю, то вспоминаю, что Тэг тоже был довольно зол. Они ругались всю дорогу, пока мы ехали домой, будто мы улизнули из дома и им пришлось ехать забирать нас. Я на самом деле наивна. И чувствую себя намного лучше, потому что, очевидно, Сэм такая же наивная.

— Мне нужно в дамскую комнату, — говорю я через плечо, увиливая от ее вопроса.

Как бы сильно я ни хотела посетить уборную, я трачу свое время на то, чтобы пройти дальше и выйти за дверь, затем сворачиваю налево дальше по коридору. Я жду в конце коридора, надеясь, что Дэнни последовал за мной.

Спустя тридцать секунд Дэнни направляется в мою сторону, но не той своей обычной скучающей походкой, нет, эта походка угрожающая и я уже жалею о том, что Сэм находится не здесь; не помешало бы подкрепление.

Мне приходится напомнить себе, что это Дэнни; он никогда не причинит мне боль, даже несмотря на то, что его взгляд свидетельствует об обратном.

Я бегу в уборную, но он следует за мной, запирая дверь за спиной.

Я на сколько могу понижаю голос, скрещиваю на груди руки и шиплю:

— Что ты здесь делаешь?

Он кивает головой в сторону.

— Мне нужно было его увидеть.

О.

Я отступаю назад, не совсем уверенная, как на это реагировать.

— И?

— И, — Дэн делает шаг ближе ко мне, оттесняя меня к раковине, отчего та врезается мне в поясницу. Он хмурится, его лицо медленно приближается, и я могу почувствовать его злость. — Он одет в *вязанный жилет* и штаны цвета хаки, — Дэн выпускает смешок, хотя настроение в комнате какое угодно, только не забавное. — Ты же понимаешь, что фактически встречаешься со своим отцом?

Я это понимаю. Я знаю, что это по большей части главная причина, почему отец выбрал его.

У меня остается все меньше времени, и прежде, чем кто-то пойдет меня искать, я пытаюсь оттолкнуть Дэнни в сторону.

— Ты должен уйти.

Он вжимается в меня, ограничивая движения моего тела.

— Не сейчас. Не раньше, чем я напомню тебе кое о чем, — он сжимает рукой заднюю часть моей шеи и прижимается губами к моим губам. Он соблазняет меня своим ртом, его язык крутится и играет с моим так, что мои колени слабеют. Я сжимаю его руки, когда поцелуй становится глубже.

И только, когда я начинаю теряться в нем, он отстраняется на столько, что его губы едва касаются моих.

— Думаешь, он сможет поцеловать тебя так же?

— Нет, — отвечаю я, мои глаза все еще закрыты.

— Покончи с этим.

Мои глаза резко открываются.

— Покончи с этим, Ханна, — нажимает он. — Будь со мной.

— *Я и так с тобой.*

Дэн трясет головой.

— Нет, не полностью. Мне нужно больше. Мне нужно, чтобы ты была моей.

— Я не могу, — молю я. Он знает мою семью. Они бы никогда не приняли его.

— Ты можешь.

— Нет. Моя семья не позволит этому произойти.

— К черту это, Ханна, — выплевывает он. — Чего хочешь *ты*?

Тебя. Навсегда.

— Пожалуйста, — снова умоляю я, потому что то, чего я хочу, никогда мне не позволят иметь. — Не здесь. Не сейчас.

— Я больше так не могу. Я не буду другим парнем.

— Ты не другой. Мы с ним едва прикасаемся друг к другу.

— С кем, все думают, ты встречаешься? — с вызовом спрашивает Дэн.

Я сглатываю.

— С Джошем.

— Они знают обо мне?

Я закрываю глаза и отрицательно качаю головой. Я знаю, к чему он ведет.

— Тогда я другой парень, — он прижимается своим лбом к моему. — Сделай меня единственным парнем. Я хочу быть твоим *парнем*.

Почему он так поступает со мной прямо сейчас?

— Пожалуйста, не заставляй меня делать это.

Дэн делает шаг назад и тянет себя за волосы, и я могу видеть боль в его глазах.

— Я думал, что смогу так, но я не могу, — он указывает большим пальцем себе за спину. — Я не могу наблюдать, как какой-то другой парень смотрит на тебя так, в то время как я не могу находиться рядом с тобой, чтобы дать понять, кому ты принадлежишь. Поэтому, когда ты *сможешь* это сделать?

— Я не знаю. Это не так просто.

— К черту это, — отвергает он мой ответ. — Ты или будешь моей и только моей, или не будешь. Это твой выбор.

И как только он выходит, из моих глаз начинают литься слезы.

Почему он не может понять, как все это для меня ново? Если выберу его, я знаю, это будет означать, что моя семья будет страдать, и это разрушит наши отношения. Я задумываюсь.

Это также будет означать, что у меня будет Дэниел Шепард.

От этой мысли мое сердце болит меньше, а отчасти даже начинает напевать от радости. Это ясно дает мне понять, каким должен быть мой ответ, но, к сожалению, в реальности все не так просто. Как я должна делать выбор между своей семьей и Дэнни?

У меня тяжело на сердце.

Не важно, какой выбор я сделаю, я все равно потеряю людей, которых люблю.

Я вытираю слезы, которые продолжают литься, и делаю единственное, что мне в этот момент приходит на ум — я начинаю молиться.

— Пожалуйста, Боже, помоги мне найти правильные ответы.

— Я хочу делать так, как будет правильно по отношению к Тебе и моей семье, но мое сердце... — я вздыхаю, сжимая руки вместе и откидывая голову назад, как делала это, когда была маленькой. — Мое сердце хочет того, чего не должно хотеть. Того, что моя семья не одобрит. Но зачем тогда было посылать в мою жизнь Шепардов, если они не смогут быть частью моей жизни?

— Возможно, для урока? — я пожимаю плечами, продолжая смотреть вверх. — Но все, что я выучила, это как сильно я хочу, чтобы они были в моей жизни. И если быть честной, это показало мне, что я не хочу того же самого от своей семьи.

— Определенно, не этого Ты бы хотел для меня. Чтобы я ослушивалась своих родителей? Все, чему меня учили, говорит мне быть послушной.

— Таков мой ответ? Это что, тест на преданность моей семье, моей вере? Тогда, хорошо сыграно, потому что я никогда не была так не уверена ни в чем.

— Может, я не заслуживаю, чтобы Ты был в моей жизни, если мне так тяжело решить все это.

— Я так запуталась. Пожалуйста, помоги мне. Дай мне совет.

— Во имя Иисуса, Аминь.

На следующей неделе я не прихожу к Дэнни, понимая, что он не захочет меня видеть до тех пор, пока у меня не будет ответа на его вопрос. Вместо этого я каждый вечер ложусь в свою кровать, взвешивая каждый вариант: хороший, плохой и ужасный, все вместе. Моя ситуация направляет меня петлять между молитвами и поисками ответов в Библии, но не имеет значения, что я читаю, или что изучаю, — я все еще хочу Дэнни.

Это смешно, я знала, что настанет день, когда нам придется расстаться, я просто думала, что это произойдет, потому что Дэнни этого захочет. Никогда, даже в моих самых диких мечтах я не представляла, что он захочет, чтобы я, обычная, простая, консервативная Ханна Мэлоун, осталась с ним.

Я думаю о том, как повлияет мой выбор Дэнни на мою семью; как они не смогут это понять, как это опустошит их. Они никогда не примут его, а также никогда не позволят нам быть вместе. Мне придется покинуть свой дом, свою семью и, скорее всего, я никогда больше не увижу их снова. От этой мысли у меня сжимается сердце.

Но затем я думаю о Дэнни и замечаю, что боль в груди сменяется счастьем, которое растекается по всему моему телу. Я напоминаю себе, что у меня больше не осталось времени, чтобы проводить его с ним, и мысль об этом ранит больше, чем можно себе вообще представить.

Я знаю, что должна делать. Я знаю, чего хочу.

Я выбираю Дэна, потому что, ну, какую жизнь я проживу без него?

Первое время моя семья может меня избегать, но я не сдамся. Я буду звонить и приходить к ним все время, не позволю им отречься от меня за то, что пошла против их воли. Кто знает, может, они окажутся более понимающими, чем я думаю.

Как только мои родители укладываются спать, я выскальзываю на улицу, бегу к дому Дэнни и радость, что я буду с ним, проносится по всему моему телу. Я выбираю жизнь с Дэном! Это волнующе, слегка ужасающе из-за неизвестности и до одури восхитительно.

Сквозь окно его спальни я вижу, что он там, сидит на краю своей кровати. Он без рубашки, в одних баскетбольных шортах. Локтями он упирается в колени, руки сцеплены вместе, он смотрит в пол.

Он вот-вот станет моим. Реальность оказалась нечто большим, на что я вообще могла надеяться. Шум, который я издаю, когда подтягиваюсь и залажу на подоконник, ни с чем не спутаешь. Дэн подпрыгивает и поворачивается ко мне лицом. Выражение на его лице такое же осторожное, как и поза.

Когда он говорит, его голос низкий и осторожный:

— Привет.

Я дарю ему слабую полуулыбку, затем моя радость снова перерастает в нервозность. Что, если он передумал? Что, если я слишком долго решала?

Он не делает ни одного движения, чтобы приблизиться.

— Ты здесь.

— Я здесь.

— Означает ли это... — он затихает, ничем не выдавая своего волнения от того, приду я или нет.

Я киваю.

— Означает.

Улыбка, которая расплывается на его лице, смывает любые сомнения. Я тоже начинаю улыбаться, потому что это действительно произошло — я выбрала жизнь с Дэнни.

— Спасибо, Боже, — выдыхает он, когда набрасывается на меня, подхватывая меня на руки и крепко прижимая к себе. — Ты даже не представляешь, какой для меня была эта неделя.

— Прости, что это заняло столько времени...

Он прерывает меня:

— Это не важно. Сейчас ты здесь.

Долгое время Дэн удерживает меня, мы оба по очереди прижимаем друг друга ближе к себе.

Я знаю, что будет дальше, и отношусь к этому серьезно. Последние несколько месяцев, которые мы были вместе, я часто об этом думала. Следующий шаг, который я хочу сделать вместе с ним. Я хочу, чтобы наши тела соединились, чтобы Дэнни стал частью меня так, как никто никогда не сможет.

Когда я говорю, я уверена и убеждена в своих словах. Поднимаю голову вверх, чтобы видеть его прекрасные бледно-голубые глаза.

— Сделай меня своей.

Он внимательно смотрит в мои глаза.

— Ты уверена?

— Я никогда ни в чем не была так уверена, как в этом, — убеждаю я его, и, клянусь Богом, это правда.

Он колеблется, потом начинает меня целовать. Я жажду большего, жажду глубокой связи, которую мы разделим. Мои руки блуждают по его оголенной коже, по моему телу пробегают мурашки, пока губы ласкают и дразнят.

Сомнения, которые он, должно быть, испытывал, испаряются, и он поддается страсти. Мы оказываемся голыми и сплетаемся вместе на его кровати.

Дэн нависает надо мной, пока натягивает презерватив. Он берет мою руку и кладет ее на свою оголенную грудь. Его сердце бьется в том же неустойчивом ритме, как и мое собственное.

— Хотел бы я, чтобы это было впервые для нас обоих, — он склоняет голову, чтобы подарить мне поцелуй, которого я никогда прежде не испытывала, его язык и губы лишают меня дыхания, и я более чем готова к следующей фазе наших отношений.

В тот момент, когда он практически уже входит в меня, я чувствую, что должна нервничать или чувствовать вину, что он не мой муж, но ни одна частичка меня не ощущает ничего из этого, только желание и любовь, такую глубокую, что она разливается вокруг нас.

Дэн останавливается, когда входит в меня, но первый толчок заставляет меня крепко закрыть глаза, пока я пытаюсь вспомнить, как дышать. Несмотря на то, что боль, в конце концов, утихает, я бы не назвала это ощущение приятным. Что действительно ценно в этом моменте, это то, что наши тела соединены и слеплены вместе. Каждый звук удовольствия, который срывается с губ Дэнни, заставляет меня парить. Я начинаю понимать, как это работает, и когда я двигаю своими бедрами, у него вырывается такой громкий стон, что это разжигает мое собственное возбуждение.

— Ханна, — стонет он мне в ухо, когда его тело начинает дрожать так, как мне уже

знакомо; это дает мне знать, что он уже близко.

Мысль о том, что он кончает в меня (даже если это будет и через защиту), побуждает меня вонзить в него ногти и сильнее двигать бедрами, нуждаясь в его освобождении. Дэнни подсовывает под меня свои руки, он буквально обнимает меня своим телом, когда кончает, уткнувшись лицом мне в шею. Его тело тяжелеет на мне, и он валится на меня. Я не хочу просить его сдвинуться, хочу остаться в таком положении навечно.

— Этот момент значит для меня все. Ты значишь все для меня. Ты же знаешь это, да? — говорит Дэнни у моей кожи.

Я не могу сдержать улыбку.

— Теперь я знаю.

Дэн отстраняется и вздрагивает, а затем мягко меня целует.

— Ты в порядке?

— Более чем.

Он дарит мне сладчайшую улыбку, затем стягивает презерватив и выкидывает его в корзину для мусора рядом с кроватью. Дэнни снова меня целует, затем разворачивает нас так, что я лежу наполовину на нем. Мы обнимаемся так долгое время, пока пропитываемся моментом, прекрасным моментом, который я сохраню в памяти навечно.

Дэн прочищает горло, нарушая тишину:

— В такие моменты, как этот, мне хочется отдать тебе свое сердце.

Я улыбаюсь.

— Я не возражаю, — мне нравится, когда он делится со мной тем, как он себя чувствует. Тогда я понимаю: то, что чувствую по отношению к нему, это нормально.

— Хочешь узнать, почему я начал заниматься ландшафтным дизайном?

— Потому что ты хорош в этом бизнесе?

Я слышу улыбку в его голосе.

— Ага.

Я зеваю.

— Это было ради парней?

— Парни были одной из причин. Я знал, что у большинства из них не так много путей, поэтому я подумал, что так они смогут быть подальше от неприятностей. Мы сможем быть все вместе и сможем заработать немного денег. Но, нет, настоящей причиной была ты.

Я сдвигаю подбородок на середину его груди.

— Я?

Он смотрит вниз на меня с застенчивой улыбкой.

— Я всегда жалел, что бросил баскетбол, только чтобы тусоваться со своими друзьями, потом появилась ты, и я начал жалеть об этом еще больше. Ничто в моей жизни не выглядело достаточно хорошо для тебя. Не то чтобы я вообще думал, что мы придем к этому, но я все равно хотел быть достойным тебя. Я не слишком хорош...

— Ты хорош, — вмешиваюсь я. — Ты поразителен во многом.

— Мне нравится, что ты так думаешь, — он целует меня в макушку, когда я кладу голову обратно ему на грудь. — Но с того момента, как я встретил тебя, мои оценки были уже дерьмовыми и половина учителей меня ненавидели, так что я понимал, что мои шансы попасть в колледж в лучшем случае невелики. Кроме того, даже если бы я и смог попасть туда, мне бы никогда там не понравилось, и, вероятно, я не протянул бы там и года, пока меня бы не выкинули оттуда. В любом случае, однажды я копал ямы для своего старого

босса и думал о тебе — я всегда думал о тебе, — я целую его грудь, и он крепко обнимает меня в ответ. — И я задумался, что, черт возьми, я могу сделать со своей жизнью, чтобы заставить тебя гордиться мной. Потом меня осенило: я действительно хорош в этой ландшафтной фигуре, я могу открыть свой собственный бизнес, сделать его успешным, и бам, вот, пожалуйста. Эта идея стала даже лучше, когда я понял, что мог бы нанять своих парней. Кому я могу доверять больше, чем им? Я знал, что они никогда не подведут меня, и это дело займет их.

— Ты, правда, начал свой бизнес из-за меня? — я в абсолютном шоке. Я никогда не думала, что Дэнни может заботиться обо мне так сильно.

— Правда.

— Не могу поверить, что ты чувствовал ко мне то же самое, что и я к тебе.

— Ты единственная девушка, которая когда-либо заставляла мое сердце выпрыгивать из груди, ладони потеть, а желудок сжиматься, — признается Дэн, поглаживая мою спину. — И это происходило, как только ты появлялась в одной комнате со мной. Когда я смотрел на тебя... Черт, Ханна, ты даже не представляешь, что происходило со мной в эти моменты.

Я вспоминаю, что ощущала сама в такие же моменты, и что чувствую сейчас, когда вижу его.

— Я очень хорошо это понимаю.

— Я никогда не чувствовал себя достойным тебя. До сих пор не чувствую, но я обещаю, что буду усердно работать каждый день, чтобы стать достойным тебя.

— Тебе не нужно делать этого, просто будь собой. Этого более чем достаточно для меня.

Следующий большой шаг — это сказать родителям о том, что мне больше не нравится Джош, и, полагаю, в конце концов, то же самое я, наверное, должна сказать и ему. По очевидным причинам, я боюсь и того, и другого. Я хочу рассказать родителям прямо сейчас, но продолжаю бояться.

— Ханна? — спрашивает меня муж Лорен, Пол, вырывая из моих мыслей. — Можешь достать апельсиновый сок?

— Конечно, — отвечаю я, заканчиваю расставлять тарелки на обеденном столе и направляюсь на кухню. Я достаю апельсиновый сок из холодильника и пока иду обратно, чувствую то место, где во мне был Дэн. Воспаление не такое сильное, как было изначально, но я все еще могу точно почувствовать то место, где он был. Мне это нравится. Мне нравится это напоминание о нем, эта новая связь, которую мы разделили. Когда не мучаюсь мыслями о том, как противостоять своим родителям, я нахожусь на седьмом небе от счастья. Если бы я могла, то проводила бы каждую секунду с Дэном внутри меня.

Я ставлю кувшин с апельсиновым соком на стол, где большая часть моей семьи счастливо проводят время вместе после церкви за воскресным бранчем.

— Можешь присмотреть за детьми, пока мы не закончим? — просит моя мама.

Я киваю и направляюсь в гостиную, где собрались дети.

Сажусь на пол около кофейного столика, зажатая между дочерьми Челси (по их просьбе, от чего мое сердце растаяло), и они проговаривают мне все уши обо всем, что их интересует.

Из другой комнаты доносится голос отца, он делится историями с работы, и по комнате разносится смех, потом Аарон и Пол делятся своими историями, и смех продолжается.

Я рисую вместе с группой, которая сформировалась вокруг кофейного столика, посматривая за ними, чтобы быть уверенной, что никто из малышей и остальных детей не засунет ничего лишнего себе в рот.

В целом, это обычный полдник воскресенья и один из моих самых любимых моментов на неделе. Все всегда расслаблены, на столе аппетитная еда, и я могу увидаться со всеми своими племянницами и племянниками.

Слышу звонок в дверь, и появляется семья Нельсонов в полном составе. Все девять человек, плюс их супруги и дети. Дом заполнен людьми. Джош остается рядом со мной, будто мы пара.

Перед бранчем (он накрыт в форме шведского стола из-за большого количества людей), мой отец читает для всех нас молитву и поднимает стакан с соком.

— Ничто меня не радует больше, чем найти семью, которая разделяет те же ценности, которыми мы так дорожим. Я с нетерпением жду того дня, когда мы станем одной большой семьей.

Все чокаются стаканами, а я хочу забраться под стол и спрятаться там.

Больше нельзя откладывать это, сегодня вечером я должна поговорить с родителями.

Самая тяжелая часть, помимо чувства вины, это видеть, как здорово ладят наши семьи.

Куда бы я ни повернулась, повсюду кто-нибудь смеется, дети счастливо играют, продолжают оживленные разговоры. Что делает все происходящее еще хуже, так это то,

что Джош все время улыбается, глядя на меня. Не так проникновенно, как Дэн, но точно могу сказать, что его чувства ко мне растут.

Когда мы с мамой и сестрами немного прибираем со стола, чтобы держать все под контролем, Челси говорит:

— Знаете, я на самом деле этому рада. Я уже знала, что Джош прекрасный человек, и сейчас, когда провела время с его семьей, они все просто великолепные. Его сестра, Розмари, на следующей неделе подъедет ко мне, чтобы помочь закончить то стеганное одеяло, которое мне так тяжело дается, а потом покажет, как приготовить ее фирменный легкий ужин. Она его готовит, когда у нее бывают долгие тяжелые дни!

Лорен передает мне блюдо, чтобы я его протерла.

— Я согласна с тобой. Они, и правда, превосходные. Мои дети уже подружились с их детьми того же возраста. Это делает выходные намного веселее!

Пока я слушаю их эмоциональные излияния, я все больше и больше сдуваюсь.

Я такая эгоистка.

Решение, в котором, я думала, была уверена, сейчас выглядит таким эгоистичным и таким самоуверенным.

Замужество — это больше, чем просто двое людей.

Я в трансе вытираю блюдо, борясь с сомнением — моей новой любимой эмоцией.

Чем больше они фонтанируют эмоциями о Джоше и его семье, тем больше я начинаю сомневаться в себе.

Джош кладет свою руку поверх моей, останавливая меня от протирания посуды.

— Можно тебя на минутку?

— О, конечно.

Я иду следом за ним, когда он ведет нас в гостиную, которая на удивление пуста. Доносящийся шум подтверждает, что обе наши семьи наслаждаются компанией друг друга. Джош занимает место рядом с креслом и машет мне, чтобы я присоединилась к нему. Он берет мои руки в свои.

— Знаю, прошло всего несколько месяцев с тех пор, как мы начали узнавать друг друга, но я должен тебе признаться: я положил на тебя глаз задолго до того, как уехал в Южную Америку. Я думал о тебе даже когда был там. Ты всегда была так добра ко всем, кто тебя окружает, протягивала руку помощи даже когда, уверен, не хотела этого, но я никогда не видел, чтобы ты жаловалась, — он подмигивает мне. — По крайней мере, не вслух.

Я не могу сдержать смехок.

— После всего, что я там видел, я очень благодарен за жизнь, которая мне досталась, и впервые я захотел иметь свою семью. Ты была первой, о ком я сразу подумал. Когда я возвращался в Штаты, я знал, что моим первым приоритетом будет заставить наших родителей свести нас, а потом мне посчастливилось провести с тобой время, и я влюбился в тебя. Это застало меня врасплох, но так все и было. Ты оказалась намного лучше, чем я представлял в самых смелых своих мечтах. В тебе есть ироничная сторона, с которой я хочу познакомиться поближе. Тихая сторона, которая для тебя необычна, тогда я понимаю, что ты о чем-то задумалась, и я хочу узнать эти мысли, разделить их с тобой, — он с ухмылкой качает головой. — Я заболтался. Я просто и взволнован, и так нервничаю, что вполне могу заболеть.

От его честности я улыбаюсь, хоть и со страхом, сковавшим живот. Я вполне уверена, что знаю, к чему все идет, и после этого обеда, я вполне уверена, что знаю, каким должен

быть мой ответ.

— Также я хочу делать то, что заставит тебя улыбаться, будь это комната для шитья или гостевая для твоей подруги, которую, похоже, все игнорируют. Мне нравится, что тебя не волнует, что она не похожа на остальных из нашей церкви. Более того, у меня такое чувство, что именно это тебе в ней и нравится. Я знаю об этом, потому что и сам такой же.

— Я хочу давать тебе все, чего бы ты ни захотела. Хочешь сотню детей? Сделаю. Единственного ребенка? Меня устраивает. И я обещаю, что не буду проводить много времени на работе, что ты и наши маленькие отпрыски будете моим приоритетом после нашего Бога и Спасителя.

— Я обещаю всегда принимать во внимание твое мнение, чтобы ты знала, что имеешь свое слово в нашей семье. Я хочу, чтобы мы были едины. Так что, с учетом всего, сказанного ранее, — Джош опускается на колени, достает из кармана черную коробочку и открывает ее, повернув ко мне, — Ханна Мария Мэлоун, окажешь ли ты мне честь быть моей женой?

Я смотрю на мужчину передо мной, мужчину, который, я знаю, будет хорошим мужем для меня и хорошим отцом для наших детей. Наш союз может сделать счастливыми не только наших родителей, но также и наших братьев и сестер, и их детей.

И я даю единственный верный ответ:

— Да.

Он оставляет мягкий поцелуй на моих губах, и хотя нет никаких фейерверков и мое сердцебиение не ускоряется, но это также и не вызывает отвращения. Кто знает, может, спустя какое-то время эти чувства возрастут.

Так, будто они не подслушивали нас за дверью, наши семьи заходят нас поздравить.

Женщины суетятся, разглядывая мое кольцо, которое скромное в размерах, но определенно впечатляющее и довольно блестящее. Мой отец открывает бутылку яблочного сидра, чтобы отпраздновать, и это не дешевая подделка, с которой они ходили к семье Мартинелли.

Мы все чокаемся бокалами, Джош стоит рядом и его рука покоится на моем бедре. Эмоции покидают мое тело, и я двигаюсь и отвечаю на вопросы автоматически. С другой стороны, мне нравится видеть, как все вокруг меня такие счастливые и радостные.

Я знаю свой следующий шаг. Самое тяжелое, что мне придется сделать, и это может просто уничтожить меня.

Трясущимися руками я снимаю свое кольцо, оставляю его в прикроватной тумбочке и осторожно выскользываю из дома. Мой путь к Дэнни медленный и задумчивый, и я разворачиваюсь назад практически в каждом квартале.

Когда подхожу к окну Дэнни, у меня на сердце так тяжело, что не уверена, смогу ли приподнять свое тело, чтобы забраться в окно, но я это делаю, подготавливая себя к тому, чтобы не плакать.

Дэн в своей постели, руки закинута за голову, глаза закрыты. Пользуясь моментом, я впитываю его, запоминаю каждый мускул, каждую линию его пресса, лицо, волосы, которые

сверху примяты от того, что целый день были спрятаны под кепкой. Запоминаю каждый сантиметр его тела.

В моей груди так все сжимается, что становится трудно дышать, и когда я пытаюсь вдохнуть немного воздуха, издаю задыхающийся звук. Он мягкий, но достаточно громкий, чтобы привлечь внимание Дэнни. Он приоткрывает один глаз, и расслабленная ухмылка расплзается на его губах.

— Привет, красавица.

— Привет, — каркаю я и тереблю кончик своей косы.

Спустя несколько секунд он открывает оба глаза, и счастье, светящееся в них, чересчур для меня. Он поглаживает место на кровати рядом с собой.

— Забирайся... — он затихает, когда тянет меня к себе, и его лицо из радостного становится нахмуренным. Он садится прямее. — Что случилось?

Я открываю рот, но не могу ничего сказать. Я закрываю его и качаю головой. Не могу этого сделать, но я должна, потому что как бы я ни любила Дэнни, он один единственный человек. Один человек против целого дома людей, которых расстроит, если я выберу его. По моему лицу начинают литься слезы.

Он тут же подскакивает с кровати, а я, вытянув руки вперед, отступаю назад. Я не смогу это сделать, если он прикоснется ко мне.

Дэн останавливается, не понимая, почему я останавливаю его.

— Прости меня, — реву я, прикрывая рот рукой. — Мне так жаль.

— Малышка, — он улыбается, но улыбка не касается его глаз. — О чем ты сожалеешь?

Как только Дэн произносит последние слова, его брови в понимании сводятся вместе, а тело отклоняется назад, будто его ударили.

Мои слова трудно понять сквозь рыдания.

— Мне нужно сказать тебе первому.

— Не делай этого, — умоляет он, делая шаг в мою сторону. — Я люблю тебя.

Когда я отступаю еще на шаг назад, он выглядит так, будто я только что ранила его в сердце, что, должно быть, я и сделала.

В моей груди все сжимается от боли. Я, наконец, получила единственное, что когда-либо хотела, и должна отпустить это. Почему это должно так сильно ранить?

— Мне так жаль.

Дэн раздраженно проводит рукой по волосам и рычит:

— Перестань говорить это, — его глаза умоляют меня. — Ты не должна это делать.

— Ты бы отказался от Сэм ради меня? От Тэга? От своих парней?

— Я бы отказался от всего ради тебя.

Так он говорит сейчас, но он не знает этого наверняка. Ему не приходилось делать этот выбор и, надеюсь, никогда не придется.

Я снова хочу извиниться, но сдерживаюсь.

— Дай себе больше времени. Тебе пока не надо делать выбор, — предлагает он, и в его голосе я слышу то, что никогда не слышала. В его голосе отчаяние. — Я могу дать тебе больше пространства, больше времени подумать. Я слишком давил на тебя.

— Все уже сделано.

Дэн еще больше хмурит брови, на его лице смешалось выражение замешательства и муки.

Он должен услышать об этом от меня, но мои следующие слова выворачивают меня

наизнанку и оставляют с открытыми ранами.

— Джош попросил меня выйти за него замуж.

Дэн пошатывается, и я наношу последний удар, который в прямом смысле слова ставит его на колени.

— Я сказала «да».

Его колени с глухим стуком ударяются об пол, он качает головой и хватается за нее руками.

— Не делай этого, — его голос приглушенный, но я все равно слышу душевную боль в его словах. Он поднимает взгляд, в его глазах мерцают слезы. — Как ты можешь так поступить, после всего, что мы с тобой разделили?

Он выискивает что-то в моих глазах, и я знаю, что он имеет в виду. Когда не находит ответа, который хотел найти, он опускает голову вниз, будто на то, чтобы держать ее поднятой, нужно слишком много усилий.

Я хочу сказать ему, что мне жаль и что я всегда буду его любить и никогда не забуду того, что мы с ним разделили, но я знаю, он не хочет об этом слышать. Я бы не захотела, если бы была на его месте.

Мне нужно уйти, прежде чем кинусь его успокаивать, прежде чем изменю свое решение.

Я бросаю на него последний взгляд и вижу сломленного мужчину. Эта картина будет меня преследовать, но я это заслужила. Первый раз в жизни я сожалею о том, что позволила всему так далеко зайти. Тоска по нему всю мою жизнь была бы намного лучше, чем уничтожение мужчины, которого я люблю.

Я выпрыгиваю из его окна и всю дорогу домой слышу вокруг себя эхо собственных рыданий.

Чтобы рассказать обо всем Сэм, я жду вечера пятницы, потому что знаю, что их дом будет заполнен толпой, а я хочу избежать ситуации, в которой мне придется находиться в комнате только с ними двумя.

Как только мои родители ложатся спать, я ухожу, радуясь, что устойчивый ритм моих шагов помогает мне успокоиться.

Неделя после помолвки должна проноситься в радости, а не в страданиях и горе.

Меня пожирают мысли о Дэне, но, с другой стороны, они со мной уже давным-давно, но сейчас эти мысли особенно приносят боль и грусть. А покалывание и давление в моем сердце боюсь может никогда не уйти.

На моем пальце кольцо. Я знаю, Сэм захочет его увидеть, так что я планирую рассказать ей обо всем наедине в ее комнате. Дэнни не нужно его видеть. Я не могу так поступить с ним.

В доме бушует толпа людей, это самая большая вечеринка, которую я когда-либо видела. Я оглядываюсь вокруг в поисках Сэм, но не могу ее найти.

— Мэри! — кричит знакомый голос у меня за спиной.

Мэддокс приближается и подхватывает меня, обнимая.

— Где ты была?

Я перехожу сразу к делу, не позволяя себе сказать что-то еще.

— Ты видел Сэм?

Он подмигивает.

— Вероятно, она со своим мальчиком-игрушкой.

Великолепно. Я определенно не хочу идти туда в *такой момент*.

Решаю сходить в уборную и по пути посмотреть, вдруг дверь в комнату Сэм открыта, на случай, если они ушли в какое-то другое место. Тогда я смогу посидеть там, пока она не вернется.

Я тут же жалею об этом решении.

Дэн стоит в дверном проеме с какой-то девушкой и блокирует мне доступ в уборную. Она пробегается языком по его шее, а он стискивает руками ее задницу.

Крошечная боль колет прямо мне в сердце, а потом разливается по всему телу.

Девушка отстраняет свои губы, берет Дэнни за руку и тянет его в комнату.

— Пошли.

Дэн с ухмылкой поднимает голову и замирает, когда замечает меня.

Мы удерживаем взгляды, пока он не становится размытым пятном от появившихся слез.

Я разворачиваюсь на каблуках и иду назад по коридору.

Он хватает мою руку и разворачивает меня.

— Ты не имеешь права смотреть на меня так, — рычит он мне в лицо, в его глазах горит злость. — Ты меня бросила, помнишь? Поэтому ты не можешь смотреть на меня так, будто я причинил тебе боль. Будто это я тебя предал!

Дэн отбрасывает мою руку и возвращается в свою комнату, громко хлопая дверью. Я слышу хихиканье девушки. Я закрываю уши и разворачиваюсь, врезаясь прямо в Сэм.

Он радостно обнимает меня.

— Ханна! Ты здесь!

Я, как только могу, беру себя в руки.

— Только на минуту.

Она указывает пальцем на то место, где я только что была.

— Это Денни только что говорил с тобой?

Я киваю.

— Я надеюсь, он не был задницей. На этой неделе он ведет себя, как самый большой придурок. Я почти готова убить его. Сделай себе одолжение и избегай его до тех пор, пока он не вытащит из своей задницы все, что там застряло.

— Мы можем поговорить? — я не хочу говорить о Дэнни. Впервые я просто хочу вернуться домой.

— Конечно! — Сэм берет мою руку и ведет меня в свою комнату. Она закрывает за нами дверь, и мы плюхаемся на кровать. — В чем дело?

Я вытягиваю руку, чтобы продемонстрировать кольцо с бриллиантом.

Она вздыхает, хватая мою руку и притягивает ее к своему лицу.

— Черт, это кольцо красивое.

Это точно.

Она улыбается и переводит взгляд на меня.

— Как ты себя чувствуешь в связи с этим?

— Я рада, что это Джош, — и это так и есть. Я знаю, что он хороший человек, который станет хорошим мужем и отцом.

— Ну, это хорошо. Итак, расскажи мне, как это произошло.

Я начинаю рассказывать ей обо всем, в том числе и о его речи.

— Вау, это довольно романтично, — восхищается Сэм.

Полагаю, так все и было. Мне, на самом деле, нужно поработать над тем, чтобы быть более благодарной.

— Лучшая часть была в том, что я точно убедилась: он и правда решил, что у нас будет гостевая комната для тебя, чтобы ты могла приходить и останавливаться в ней, и что ты сможешь навещать меня, когда захочешь.

— Это потрясно, — она обнимает меня. — Тебе не придется ничем жертвовать, выходя замуж!

Хотела бы я, чтобы это было правдой. Ох, как бы я хотела, чтобы это было правдой.

Сэм от волнения сжимает свои руки.

— Держу пари, он даже будет отпускать нас куда-нибудь пообедать!

— Держу пари, определенно, так и будет.

— Можешь себе представить, мы сможем заниматься вместе разными делами?

Я могу. Это будет восхитительно.

— Ну, это хорошая новость! Ты съедешь из дома своих родителей и сможешь получить немного настоящей свободы!

Впервые у меня появляется проблеск надежды, потому что она права. Не думаю, что Джош ожидает, что я весь день буду сидеть в доме, охраняя его. Я, правда, не думаю, что для него будет проблемой то, чем я занимаюсь и куда хожу. Уверена, мне даже не нужно будет рассказывать ему о каждой секунде своего прошедшего дня, как это делает моя мама.

Я улыбаюсь. Не могу сдержаться. Возможно, это не то будущее, о котором я мечтала, но оно, черт возьми, намного лучше, чем будущее, которого я боялась.

Сэм снова меня обнимает и прежде, чем мне придется уйти, спешит рассказать о том, что происходит в ее жизни. Она восхищается Тэгом и так сильно влюблена в него, что это проявляется на ее лице еще до того, как она успевает назвать его имя. Потом она становится смущенной.

— Не думаю, что поеду в Нью-Йорк. Я думаю обучать людей танцам. Мой преподаватель говорила со мной об этом. Это глупо?

— Нет, это чудесно! Ты будешь в этом удивительной!

Она краснеет. Сэм никогда не краснеет, и я понимаю, что она хочет этого больше, чем показывает.

— Сделай это, Сэм, все, чего ты когда-либо хотела, это были танцы. Сейчас ты можешь добиться этого.

— Ага, Тэг сказал так же. Я думала, что хочу стать какой-нибудь путешественницей по миру танцовщицей, но мне кажется я никогда не смогу оставить этот город. Это мой дом. Я бы слишком сильно скучала по всем, и это просто кажется мне правильным, понимаешь?

Я киваю и дарю ей самое большое, самое крепкое объятие.

— Спасибо тебе за то, что много лет назад ты дала мне шанс.

Она крепко обнимает меня в ответ.

— Спасибо, что преследовала нас.

Мы смеемся, все еще сжимая друг друга в объятиях.

— Я люблю тебя, — говорю я ей.

— Я тоже люблю тебя. Будущее не такое страшное, каким, я думала, оно будет, — размышляет она, когда мы отпускаем друг друга.

Мой голос звучит тихо, когда я отвечаю:

— Нет, не страшное.

Мы еще раз быстро обнимаемся, и я разворачиваюсь, чтобы уйти, когда она шлепает меня по заднице.

— Ты такая маленькая мятежница, улизнула из дома посреди ночи!

Она даже понятия не имеет.

Я подмигиваю ей, потом выскальзываю из ее комнаты.

Дверь в комнату Дэнни закрыта, но я не позволяю себе останавливаться, иначе это разрушит меня.

Наверное, это к лучшему, что я увидела, как он ушел в комнату с другой женщиной. Тяжелое напоминание о том, что теперь мы живем каждый своей жизнью, сейчас оставило меня. У меня нет другого выбора, кроме как принять это, и неважно, как сильно от этого меня тошнит.

Я не могу попрощаться с парнями, даже несмотря на то, что, наверно, никогда больше не приду повидаться с ними. Я просто не могу сделать это. Я осматриваю комнату, выискивая каждого, просто чтобы в последний раз посмотреть на них и молчаливо попрощаться.

Близнецы спорят на кухне, кому достанется последний кусочек пиццы. Джерри и Норд на диване, они под кайфом и над чем-то смеются. Мэддокс в кресле, целуется с какой-то девушкой. Тэг направляется к Сэм, глядя на нее так, будто она осветила собой весь его мир.

Все так, как я и ожидала, и я понимаю, что пришло время покинуть этот дом в последний раз.

Я останавливаюсь в конце подъездной дорожки, бросаю последний взгляд на

единственный настоящий дом, который вообще знала и вытираю с глаз слезы. Это будут последние слезы, которым я позволю пролиться по этому дому и людям внутри него, потому что если не остановлюсь сейчас, я не остановлюсь никогда.

— Я никогда вас не забуду, — шепчу я в ночь и, как бы банально это ни было, целую свои пальцы и наклоняюсь, чтобы прижать их к засохшей траве. С тяжестью в сердце я направляюсь домой, понимая, что пришло время двигаться дальше.

Прошло всего два месяца, а я уже хочу, чтобы эти свадебные хлопоты закончились.

— Мы можем просто обвенчаться тайно? — умоляю я Джоша, пока мы выбираем примерно сотый столовый прибор. Хотя наши мамы делают бóльшую часть запланированного, а я только соглашаюсь с тем, чего бы они ни захотели, но все равно кажется, что все это только затягивается.

Он смеется.

— Если бы я не боялся, что наши родители поубивают нас, я бы мог рассмотреть такой вариант.

Свадьба — это единственное, о чем, похоже, все хотят говорить, но, полагаю, если до свадьбы остается всего три месяца, то существует множество дел и обсуждений. Главным образом, все получилось благодаря моему призыву придерживаться расписания, насколько это только возможно. И сумасшедшая надежда, что я смогу преодолеть следующее препятствие в своей жизни, что в скором времени я смогу покончить с Дэнни.

Я выбрасываю любые мысли о нем из головы. Я неплохо научилась отталкивать их прочь, потому что если не буду этого делать, то сломаюсь.

— По крайней мере, мы можем съесть кучу пирогов, — замечает Джош.

Сушая правда. Кучу вкуснейших пирогов.

Джош берет мою руку — движение, которое за последние несколько недель стало мне привычным. Когда он сделал это в первый раз, мы оба были напряжены и чувствовали себя неловко, но теперь, когда он делает это постоянно, я к этому привыкла. Его поцелуи на прощание я переношу все еще тяжело. Каждый из них ощущается так, будто я предаю свое сердце и мужчину, которому оно принадлежит. К счастью, нам все еще не позволяют проводить время наедине, поэтому это никогда не заходит дальше легкого поцелуя в щеку.

Еще один час я притворяюсь, что меня все это интересует, прежде чем мама утаскивает меня на нашу следующую встречу. Я притворяюсь, что слишком спешу, чтобы не дать Джошу шанса поцеловать меня на прощание.

Наша следующая остановка у швеи по поводу моего наряда. Сэм встречает нас тут вместе с моими сестрами для примерки платьев подружек невесты. Это единственное событие на этой неделе, которое помогает мне двигаться дальше. Благодаря помощи Джоша, они позволили Сэм стать одной из подружек невесты, чего я никак не ожидала.

— Я собираюсь стать твоим мужем, — объяснил Джош. — Это моя работа — убедиться, что ты получишь все, что захочешь.

Я должна бы потерять голову от этих слов, но все мои мысли только о Дэнни, и то, что делает для меня Джош, ничтожно мало в сравнении с тем, что делал для меня Дэн.

В ту секунду, когда я вижу Сэм, хочу подбежать к ней и до чертиков наобниматься, но себя сдерживаю и вместо этого выдавливаю вежливое приветствие.

Сэм тербит свое воскресное платье (то, которое надевает в нашу церковь), она всегда чувствует себя некомфортно в этом одеянии. Это заставляет меня улыбнуться. Она становится ближе ко мне, пока все общаются между собой. Одно ее присутствие рядом со мной выводит меня из тумана, в котором я пребываю.

Швея выносит платья, которые мы выбрали для девушек, чтобы подогнать их по

размерам. Я хотела сделать это сама, но мама посчитала это слишком обременительным и настояла на том, чтобы для этого дела мы кого-нибудь наняли.

Сэм высовывает голову из примерочной.

— Можешь помочь мне с застежкой?

Я присоединяюсь к ней, чтобы увидеть, что она уже со всем справилась сама.

— Я хотела провести с тобой время наедине, — шепчет она.

Мы обнимаемся, потому что обе соскучились друг по другу.

— Как там все? — не сдержавшись, спрашиваю я.

— Также. Кроме Дэна, он все еще ведет себя, как большая задница, — упоминание о ее брате выкачивает из меня весь воздух и вскрывает рану, которую я так старалась игнорировать. — Я начинаю немного переживать за него. Он постоянно в хреновом настроении. Даже парней начинает раздражать его поведение. Он даже не хочет больше с ними общаться. Все, что он делает, это торчит в своей комнате в одиночестве. Он даже не играет с ними в мяч, как раньше. Плюс, он продолжает ввязываться в драки. Все стало настолько плохо, что Тэг сказал, что больше не будет пятничных вечеринок. Тэг думает, что та девушка, или кем бы она ему ни была, причастна к этому, но Дэнни впадает в бешенство, если кто-нибудь поднимает эту тему, — она пожимает плечами. — Хотела бы я, чтобы он поговорил со мной или Тэгом.

— Он будет в порядке, — я успокаиваю больше себя, чем ее.

Мы выходим из примерочной и видим мою маму с бледным лицом; она завершает разговор по телефону.

— Миссис Фрайзер умерла.

Кровь отливает от моего лица, меня накрывает шок от маминого заявления.

Мы все знали, что ее время приближалось, но все равно это не укладывается в моей голове.

— Ты уверена?

— Только что это подтвердила Марта.

Марта — давняя подруга миссис Фрайзер, которая заходила к ней каждые несколько дней, чтобы поведать.

Комната начинает вращаться. Больше нет миссис Фрайзер.

Первое, что мне приходит на ум, это желание пойти к Дэнни, чтобы он мог обнимать меня, пока я буду оплакивать свое горе, но я не могу. Вместо этого я сдерживаюсь до тех пор, пока не иду этим вечером спать. Пока я плачу, я понимаю, что плачу не только из-за смерти очень хорошей старой женщины. Я плачу из-за окончания той жизни, которой у меня больше никогда не будет.

— Спасибо, что пришли, — приветствует Джош, раздавая листовки. — Нужно ли мне вообще это говорить? — спрашивает он, вздыхая, когда они оказываются вне поля слышимости. — Для похорон это звучит слишком слащаво. Мне кажется, что я должен всхлипывать, когда раздаю их, будто мне слишком тяжело это переносить.

Он подходит к входящим со скорбью на лице и преувеличенно рыдает, при этом используя все свое тело для большего драматизма.

Я смеюсь.

— На самом деле, я не уверена, что мы должны говорить.

Это одно из качеств, которые мне нравятся в Джоше. Он всегда может заставить меня смеяться.

Приходит все больше людей, и мы натягиваем улыбки и раздаем листовки. Мои родители поставили меня на это место, и я на самом деле была против; так семья миссис Фрайзер сможет оплакивать ее и не переживать о чем-то таком тривиальном, как это. Я уболтала Джоша помочь мне, чтобы у меня была компания, пока Сэм впихнули на другой пост. Ее задача — приглядывать за детьми в общинном детском саду при нашей церкви. К счастью, она не против. Она использует это как практику перед тем, как начнет обучать более старших детей танцам.

Она сказала:

— Если я смогу справиться с несколькими детишками и малышами, то думаю, что смогу справиться и с этим.

Джош с энтузиазмом согласился. Это согрело мне сердце — как же он горел желанием провести со мной время, даже если это были и похороны.

У миссис Фрайзер небольшая семья, поэтому служба маленькая; большинство пришедших — члены нашей церкви.

Джош как-то странно смотрит на что-то в стороне.

— А что здесь делает кузен Саманты?

Я поворачиваю голову в сторону подъездной дорожки, и мое сердце на какой-то момент останавливается, а затем начинает яростно биться.

Тэг одет в брюки и рубашку, чисто выбрит и такой собранный, каким я его никогда не видела. Но что на самом деле меня удивляет, это Денни, который тоже здесь и выглядит просто потрясающе красивым. Остальные ребята следуют за ними. Норд даже снял свою кепку, что я вижу впервые. На солнце его красные волосы намного ярче, чем я думала. Близнецы подталкивают друг друга. Джерри выглядит обеспокоенным, будто если войдет внутрь, Господь уничтожит его. Мэддокс вертит головой, провожая взглядом проходящих мимо девушек.

Что они здесь делают?

Они кивают мне, когда подходят внутрь и каждый из них берет по листовке. Глаза Дэнни на мгновение встречаются с моими, и вся тоска, вся боль в сердце и вся любовь, которую я испытываю к нему, возвращаются со всей мощью, с такой силой, что я практически теряю сознание.

Господи, я так соскучилась по ним. Так соскучилась по *нему*. В моем сердце появляется

еще более глубокая печаль, пока я наблюдаю, как они занимают места на задних скамейках.

Я протягиваю Джошу свои листовки.

— Можешь подменить меня на минутку?

Не дожидаясь ответа, я направляюсь к парням.

— Мэри! — приветствует меня Джерри с широченной улыбкой.

Трип толкает его локтем с нахмуренным взглядом.

— Чувак, заткнись, к черту. Ты знаешь, что сказал Дэнни, мы как бы ее не знаем!

Мне хочется узнать, что еще сказал им Дэнни, но это было бы на самом деле неловко.

— Что вы делаете здесь, парни? — вместо этого спрашиваю я.

Отвечает Дэнни, и звук его голоса поднимает на поверхность так много счастливых воспоминаний, что я хочу запрыгнуть к нему на руки и умолять его убежать отсюда вместе со мной.

— Мы знали, что сегодняшний день будет для тебя тяжелым, поэтому пришли, чтобы оказать тебе нашу поддержку.

Слезы обжигают мои глаза, и я с трудом сглатываю комок в горле.

— Вы, ребята, здесь ради меня?

В этот раз отвечает Мэддокс.

— Конечно! Ты наша девочка. Кроме того, если бы не было этой старушки, ты могла бы не стать частью нашей жизни.

«Держи себя в руках. Не плачь», — повторяю я в своей голове.

— Я люблю вас, парни, — выпаливаю я, не подумав.

— Конечно, ты нас любишь, мы офигенные! — с гордостью говорит Трип, вскидывая руки вверх.

На этот раз Прайс тыкает его локтем в ребра.

— Мы в церкви! Господи, мужик, следи за языком.

Я смеюсь, украдкой вытирая слезы с глаз. Не могу поверить, что они пришли сюда ради меня; даже Дэнни, который, я уверена, теперь ненавидит меня.

Я указываю большим пальцем себе за спину.

— Я должна вернуться.

Трип кладет руки на скамью, чтобы развернуться.

— Это твой парень?

Все их головы поворачиваются в сторону Джоша. Они могут быть еще больше очевидными? Блиин!

Единственный, кто туда не смотрит, это Дэнни, который продолжает смотреть прямо перед собой, все его тело напряжено.

Я не отвечаю. Быстро машу им на прощание, прежде чем направиться обратно на свой пост. К сожалению, сейчас там стоит Лорен, притоптывая ногой со скрещенными на груди руками.

— Кто эти парни? — спрашивает она с вызовом.

Я пожимаю плечами и забираю у Джоша свою часть листовок, пытаюсь вести себя как можно более естественно.

— Один из них кузен Саманты. Кто остальные я точно не знаю. Вот почему я подошла к ним — чтобы объяснить, что эта церемония только для приглашенных гостей.

Моя сестра кивает головой в одобрении.

— Я подошла к вам просто чтобы сказать, что мы придержим для вас два места, когда

вы здесь закончите.

— Спасибо, — отвечаем мы с Джошем в унисон.

Мы ухмыляемся друг другу, и он мне подмигивает.

Спустя еще несколько минут Джош прочищает горло.

— Они, определенно, выглядели радостными, когда увидели тебя.

Я включаю дурочку.

— Кто?

— Кузен Саманты и его друзья.

— Правда? — мое лицо выражает удивление. — Странно.

Джош хмурится, снова глядя на них. Я делаю то же самое. Они все внимательно смотрят вперед, практически не шевелясь. Не думаю, что когда-либо видела их такими неподвижными, и я знаю, что они делают это ради меня. Как я могу любить их так же сильно, как свою собственную семью, если они мне даже не кровные родственники?

Я думаю о том, что сказал мне Мэддокс, о том, что я могла бы даже не встретиться с ними, если бы не миссис Фрайзер. Он прав, без этого времени по вторникам у меня бы не было возможности пойти искать их после того вечера в магазине мороженого. Это заставило меня задуматься над тем, какой эффект мы производим на людей, окружающих нас. Мы может полностью изменить их, и даже не будем об этом знать.

Когда начинается служба, Джош берет меня за руку и ведет к нашим местам. Я не уверена, это потому, что я просто знаю, что здесь присутствует Дэнни, или потому, что он на самом деле наблюдает за нами, но я ощущаю, как у меня горит спина, и чувствую себя такой виноватой, что мне хочется вырвать свою руку.

Наш пастор произносит ту же речь, что на всех похоронах наших прихожан, а потом мы чередуем повторение выдержек из Библии и пение.

Сын миссис Фрайзер встает, чтобы произнести речь о своей матери, о том, каким хорошим человеком она была и как он счастлив, что теперь она вместе с его отцом пребывает в вечном райском царстве, где есть все богатства, которые только могут пожелать их сердца. Потом он предлагает передать микрофон тем, кто хочет сказать еще несколько слов.

Марта, давняя подруга миссис Фрайзер, покачиваясь, поднимается, и делится историей их дружбы. Несмотря на то, что ее голос и тело дрожат, некоторое время она заставляет всех смеяться, и от этого мне хочется знать миссис Фрайзер, когда у нее было больше возможностей двигаться, а ее разум был более четким.

Больше никто не выходит, и это меня раздражает. Я уверена, что здесь больше, чем два человека, кому есть что сказать доброго о таком прекрасном человеке, о такой отзывчивой душе. Когда пастор направляется обратно к подиуму, я встаю. Я не могу позволить ей уйти с речью только двух человек.

Пока я поднимаюсь, меня одолевают сомнения, и я тереблю кончик своей косы. И что мне теперь говорить?

Пастор предлагает мне пройти вперед, когда сам отступает назад.

Я оглядываю толпу, от боязни сцены у меня пересыхает во рту, и я хочу, чтобы у меня была возможность выпить немного воды.

Мой взгляд падает на Дэнни, и остается там. Он не отводит взгляда, и я обращаюсь прямо к нему, я практически чувствую, как он посылает мне силу.

Я начинаю сразу после того, как облизываю свои пересохшие губы.

— Мне выпала честь знать обоих — и мистера Фрайзера, и миссис Фрайзер. Они начали посещать нашу церковь еще задолго до того, как я появилась на свет. Я помню, что у мистера Фрайзера всегда были в карманах конфеты, которые он раздавал малышам, — я замечаю, как люди, припоминая это, улыбаются. — Спустя некоторое время, когда я стала старше, даже тогда он продолжал тайком давать мне несколько конфет, даря при этом свое фирменное подмигивание.

— Во время службы всегда можно было услышать, как миссис Фрайзер вкладывает душу в пение. В ней всегда была эта радость жизни, даже под конец, когда она понимала, что у нее остается все меньше времени. Она никогда ни о ком не сказала ни одного негативного слова. В то время, как многие люди любят посплетничать, она никогда это не любила. Я нахожу это достойным восхищения. Я помню, — я судорожно делаю большой глоток воздуха, пока изливаю свою душу и любовь к женщине, которой должна была подарить больше своего времени. — Она всегда мне говорила: «Ханна, наполняй свой воображаемый эмоциональный сосуд радостью. Наполняй постоянно, до самого конца, и когда в жизни возникнут трудности и препятствия, ты просто продолжай наполнять его».

Я останавливаюсь, чтобы сделать еще один взволнованный вздох. И снова мой взгляд встречается со взглядом Дэнни, и мир вокруг меня становится тяжелым, тоска по нему разрывает меня и сбивает с ног, как товарный поезд. Я позволила разрушиться всему, что было между нами.

— Она была права, — говорю я, больше для себя. Мой голос становится тише, но благодаря микрофону он все еще слышен. — Продолжайте наполнять свои воображаемые сосуды тем, что вы чувствуете, потому что это будет вас поддерживать и помогать. А может вам повезет, ваш сосуд переполнится и тогда вы будете настолько счастливы, что сможете дарить радость и счастье всем вокруг.

На этом моя речь заканчивается, и я, спотыкаясь, отступаю назад и спешу наружу, потому что внезапно понимаю, что мне тяжело дышать. Я наконец-то поняла свою ошибку. Дэнни переполняет мой сосуд, и провести оставшуюся часть своей жизни без него так же невозможно, как и пытаться наполнить сосуд, когда на дне у него дыра.

Все это время я вопрошала Бога, зачем он прислал в мою жизнь Шепардов, но сейчас все стало на свои места. Это никогда не было проверкой, это был подарок. Подарок, который я просто выбросила.

Глотнув свежего воздуха, я начинаю задыхаться.

Я сгибаюсь пополам, руками упираясь в колени и делая неглубокие вдохи.

Что я наделала? Я все разрушила.

У меня в груди все сжимается. Мне не должно быть так тяжело дышать.

Чья-то рука начинает потирать мою спину, но я сразу понимаю, что это не тот человек, которого бы я хотела.

Джош, успокаивая, потирает мне спину.

— Все нормально, на похоронах может быть тяжело, — он ведет меня к скамейке в тени и заставляет опустить голову между ног, пока я пытаюсь вдохнуть воздух. Что теперь со мной не так?

После того как, кажется, проходят часы, мое дыхание начинает восстанавливаться, и я медленно поднимаюсь. Я смотрю вниз на свои руки и наблюдаю за тем, как солнце отражается в красивом бриллианте на кольце. Впервые в своей жизни я хочу сделать что-то именно для себя.

Я прокручиваю кольцо и снимаю его.

Джош смотрит на меня в замешательстве.

— Я не могу выйти за тебя замуж.

Он моргает в ответ. Я беру его руку и кладу в нее кольцо.

— Я, правда, думала, что смогу, потому что знала, что ты будешь прекрасным мужем, — слово «извини» вертится на кончике моего языка, но кому захочется услышать эти слова? — Я только надеюсь, что однажды ты сможешь меня простить.

— Почему ты так поступаешь? — он смотрит вниз на свою руку, сжимающую кольцо, потом смотрит вверх, в его глазах так много непонимания. — Это потому, что сегодня был тяжелый день? Похороны могут вывести человека из равновесия.

— Нет, дело не в этом. В первую очередь, мне никогда не следовало соглашаться. Я влюблена в кое-кого другого, — это удивляет его еще больше, и его брови приподнимаются. — Я буду любить его всю оставшуюся жизнь, и это нечестно по отношению к тебе.

Даже если Дэнни не захочет иметь со мной ничего общего, я знаю, что наконец-то делаю правильный выбор. Джош заслуживает такую жену, которая сможет подарить ему свое сердце. Мы все этого заслуживаем.

Моя семья выходит наружу, отец возглавляет группу.

— Что происходит? Почему ты так ушла?

Я поворачиваюсь к нему лицом, радостная, что вокруг есть свидетели и мой отец не попытается ничего предпринять.

Я сразу перехожу к делу, нужда пойти и найти Дэнни поглощает меня.

— Я разорвала нашу с Джошем помолвку.

Сначала они все смотрят на меня с открытыми ртами, затем срабатывает ярость моего отца. Сначала я вижу ее в его сжатых кулаках, затем она проходит по его окаменевшему телу, и в его глазах вспыхивает злость.

— Извини?

Я начинаю говорить, впервые в своей жизни как-то найдя в себе силы постоять за себя.

— Я не готова выйти замуж. Сначала я хочу сделать много всего.

— Черт побери, нет! — это первый раз, когда я слышу, чтобы мой отец сказал какое-нибудь ругательство. — Давайте пойдем к машине и вернемся домой, где мы сможем об этом поговорить, — он смотрит на Джоша. — На мою дочь свалилось много стресса в связи с похоронами и свадебными хлопотами. Пожалуйста, прости ее, сейчас она сама не своя.

Отец тянется, чтобы схватить меня за руку, но я отдергиваю руку.

— Я точно понимаю, что я только что сказала.

— Молодая леди, ты заберешь это кольцо назад и сядешь в машину, — шипит он, краснота распространяется по его лицу так быстро, что я думаю, она может перелиться через верхушку его головы.

— Я не могу. Это не та жизнь, которую я хочу.

Он снова тянется к моей руке, но я отхожу в сторону.

— И какой же жизни ты хочешь?

— Я не знаю, — и это правда. Я понятия не имею. Только знаю, что она не включает в себя свадьбу с Джошем или с кем-то другим, с кем я не хочу.

Мама осторожно говорит.

— Может, нам стоит позвать сюда пастора Рейнольдса, и мы все сможем помолиться.

Я передвигаюсь ближе к тротуару.

— Я не поменяю свое решение.

Отец делает шаг ко мне.

— Если ты откажешься, то опозоришь всю свою семью.

Я смотрю на своих сестер и их мужей с детьми. Если откажусь, то мне придется попроситься с ними прямо сейчас, но я знаю, что однажды увижусь с ними снова. В глубине души я понимаю это. Если выберу Джоша, то никогда не смогу сказать то же самое о Дэнни и парнях, а я нуждаюсь во всех них, чтобы жить, чтобы выжить.

Я говорю слова, которые не хочу говорить, но это правда:

— Извините, но я должна это сделать, — хотела бы я, чтобы все было так, как того хотят они.

Я ступаю на тротуар, и отец делает еще один шаг ко мне.

— Если ты сейчас уйдешь, то не утруждай себя возвращением назад.

Мама всхлипывает.

— Марв, ты не имеешь это в виду. Позволь ей пройти.

— Нет. Если она не может соблюдать наши требования, тогда она мне не дочь.

Если отец рассчитывал, что его слова меня ранят, то он в этом преуспел, и маленькая часть меня хочет прибежать назад и молить о прощении, но я знаю, что через день или два я снова вернусь к этому месту, желая иметь другую жизнь.

— Полагаю, это прощание.

Отец шокирован, он думал, что я никогда не позволила бы этому уйти так далеко. Я разворачиваюсь, чтобы уйти.

— Тебе больше нет места в нашем доме, — кричит отец мне в спину.

Слезы стекают по моему лицу, пока я быстро ухожу. Я иду, чтобы найти Дэнни и парней, но их нигде не видно, и я понимаю, что они уже ушли. Я понимаю, что начинаю бежать, потом удваиваю усилия и бегу еще быстрее к их дому. Они живут в нескольких километрах от церкви, мое тело мокрое от пота, а лицо омывают слезы, когда я достигаю их дома. Я не знаю, что собираюсь сказать, и простит ли он меня вообще. Я даже не уверена, что заслуживаю быть прощенной, но я должна была прийти сюда; должна рассказать им.

Я открываю дверь. Ребята развалились кто где: кто уже без рубашек и собирается выйти наружу на солнышко, кто валяется на диване.

Они все поднимают взгляды, чтобы посмотреть, кто вошел.

Я стою, пыхтя и сопя, температура моего тела зашкаливает. При этом я еще и икаю сквозь слезы, и когда замечаю Дэнни, пересекающего комнату, мне становится еще хуже.

Он ставит свое пиво и мчится ко мне. Притягивает меня к себе, его тело обволакивает меня, своими сильными руками он обвивает мое тело и я падаю в его объятия.

— Дыши, — говорит мне Дэн, крепко сжимая меня. — Кто-нибудь принесите ей немного воды, — просит он поверх моей головы.

Я слышу звон стаканов и журчание воды, а потом чья-то рука протягивает мне стакан. Дэн помогает мне удерживать его и продвигает его ближе ко мне для глотка. Прохлада освежает и успокаивает меня. Дэнни использует свои большие руки, чтобы убрать мои волосы, которые прилипли к лицу, а большими пальцами стирает слезы.

Все подходят поближе к нам.

— Отойдите, — приказывает Дэн.

Доносится мягкий голос Сэм

— Но...

— Я сам с этим разберусь, — говорит он решительно и с заботой.

Он переводит взгляд обратно на меня, осматривая все мое лицо.

— Твой отец? Он что-то сделал?

Я отрицательно качаю головой, всхлипывая и икая при ответе.

— Я разорвала помолвку. Все кончено. Он сказал мне не возвращаться назад.

Дэн притягивает меня обратно к себе, и я снова плачу; здоровенный клубок стресса раскатывается по всему моему телу. Я только что сделала то, что думала, сделать невозможно, и несмотря на то, что плачу, как сумасшедшая, я по-настоящему освобождаюсь от напряжения, от которого даже не понимала, что мне необходимо освободиться. Я наконец-то свободна, и мое тело не понимает, что делать с такими эмоциями, поэтому оно плачет. С каждой слезой я ощущаю, как мне становится легче.

Я говорю ему в грудь, которая теперь мокрая под моей щекой.

— Я знаю, что, вероятно, слишком опоздала, и что уже причинила тебе боль...

— Остановись, — прерывает он, целуя меня в макушку. — Это не имеет значения.

— Но... — выдавливаю я, только чтобы снова быть прерванной.

— Ты могла бы вернуться спустя двадцать лет, и это не имело бы значения, только потому, что ты была бы здесь.

Я люблю этого человека. Я так чертовски сильно его люблю.

— Твою мать, — выдыхает кто-то позади нас в полном неверии. Я понимаю, что это Мэддокс.

— Мэри — это та девушка, которую ты прятал от нас?

— Не может, блин, этого быть! — восклицает Прайс со смесью шока и благоговения.

— Полагаю, на самом деле, мы больше не можем называть ее Мэри, — шутит Трип.

— Поосторожнее, — предостерегает Дэнни, и то, что это так мне знакомо, заставляет меня улыбнуться.

— Вы, должно быть, прикалываетесь надо мной! — доносится близко голос Сэм, и я могу расслышать ее злость. Я отталкиваюсь от Дэна, чтобы лучше ее видеть. Злость, боль и неверие вихрем проносятся в ее глазах. — Это не может происходить на самом деле.

— Я могу все объяснить, — начинаю я умолять ее.

— Нет, это чушь собачья! — она кричит на своего брата. — Когда это произошло?

Дэн старается отмахнуться от ее вопроса.

— Сэм, не сейчас.

— Ответь на вопрос.

— Примерно пять месяцев назад, — отвечаю я, желая освободиться от лжи в своей жизни.

По комнате проносятся вздохи.

— Лицемер! Чертов лицемер! — кричит Сэм. Она смотрит на меня. — Почему ты не рассказала мне?

Меня поглощает чувство вины.

Она не дает мне возможности объяснить; я даже не знаю, что сказать в свою защиту, кроме того, что никогда не думала, что мы к этому придем.

— Прямо сейчас я даже не могу смотреть на вас двоих, — Сэм топает к выходу.

Я пытаюсь пойти следом за ней, но Дэнни тянет меня назад.

— Дай ей немного пространства.

— Я не могу потерять ее, — не после всего, что потеряла сегодня.

— Не потеряешь. Ей просто нужно немного времени.

Тэг уходит следом за ней, и я переживаю о том, что он может подумать, но он улыбается и выглядит так, будто вот-вот рассмеется, будто все это его забавляет.

— Не могу поверить, что вам, ребята, удалось скрыть это от нас, — Мэддокс выпивает залпом свое пиво, будто ему это нужно, чтобы переварить этот момент.

— Не могу поверить, что Мэри была его девушкой так долго, — говорит Трип полностью ошеломленный.

Прайс пожимает плечами.

— Я могу.

Трип пихает своего брата.

— Нет, не можешь, говнюк. Ты просто сказал это потому, что я сказал по-другому.

— Неа, они подходят друг другу.

Не уверена, имел ли это ввиду Прайс на самом деле, или он и в правду сказал это только в противовес словам брата. В любом случае, я это приму.

— Я знал, — встречает Норд, и в комнате повисает тишина, потому что именно это и происходит, когда кто-то, кто вообще едва ли разговаривает, на самом деле что-то говорит.

Джерри качает головой.

— Не может этого быть, мужик. Никто об этом не знал.

— Они поглядывали друг на друга, когда думали, что никто этого не видит, потом они начали смотреть прямо друг на друга каждый раз, когда находились в одной комнате. Не нужно быть гением, чтобы догадаться.

Хм.

Джерри пожимает плечами.

— Я думаю, это прикольно.

Они все кивают головами в знак согласия.

— И странно, — добавляет Прайс.

— Точно, — быстро соглашается Джерри.

— Ханна нам очень нравится, — предупреждает Мэддокс Дэнни, принимая позицию защитника. — Так что мы будем поддерживать ее и, если понадобится, избавим ее от тебя. Она не какая-то случайная киска.

Дэн кривится.

— Ты серьезно сейчас читаешь мне лекцию о том, чтобы не быть бабником?

— Ханна заслуживает лучшего, чем мы.

— Думаешь, я не знаю этого?

Мэддокс прижимает руки к груди с ухмылкой на лице.

— Просто проясняю ситуацию.

— Пойдем, — говорит Дэн, направляя меня в сторону своей комнаты. Я слышу, как они продолжают шептаться позади нас.

— Я все еще думаю, что это странно.

— Правда, чертовски странно.

— Думаете, они делали *это*?

За пять лет, что я их знаю, я никогда не слышала, чтобы они называли секс словом «*это*». Я проглатываю смех.

— Я даже не хочу думать об этом. Это словно представлять свою сестру, — я слышу отвращение в голосе Мэддокса.

Дэн сжимает заднюю часть моей шеи, пытаюсь сдержать собственный смех.

Энжи, спотыкаясь, выходит из своей комнаты, выглядя так, будто только проснулась. Под глазами размазанная тушь, помятая одежда та же самая, что и прошлым вечером, а в волосах будто крысиное гнездо.

— Из-за чего весь шум?

— Не из-за чего, мам. Возвращайся в постель.

Мгновение она пялится на нас, примечая, как близко Дэнни прижимает меня к себе. Она шмыгает, вытирая нос тыльной стороной ладони.

— Вы двое наконец-то вместе?

— Ага, — спокойно отвечает Дэн.

— Я знала, что рано или поздно это произойдет. Никогда не видела, чтобы вы так быстро сходились с кем-то другим. Позаботься о ней. Ты пожалеешь, если не сделаешь этого.

— Увидимся, — ворчит Дэн, разворачивает меня к своей комнате и закрывает за нами дверь. — Иисус, теперь каждый будет читать мне лекцию о том, какой я счастливчик? Будто я сам этого не знаю?

Я смеюсь над его выражением лица. Он впивается в меня взглядом, и от этого я только еще больше начинаю смеяться.

— Извини, если твоя семья любит меня больше, но это не моя вина.

Он притягивает меня к себе, и я тут же перестаю смеяться.

— Ты и правда здесь? — шепчет он мне на ухо.

— Я никогда не должна была уходить, — я делаю глубокий вдох, прежде чем откинуть голову назад, чтобы смотреть ему в глаза. — Ты единственный мужчина, которого я когда-либо буду любить.

Секунду Дэн улыбается, а затем в его глазах появляется грусть.

— Я, правда, не знаю, как спросить об этом, но я должен знать. Вы с Джошем... делали что-нибудь вместе?

— Мы клевали друг друга в щеки и держались за руки, но ничего больше, — успокаиваю я его.

Дэнни тянет меня обратно к себе.

— Слава Богу. Я сводил себя с ума мыслями о том, что он прикасается к тебе. Или, еще хуже, что ты прикасаешься к нему, как прикасалась ко мне.

— Я знаю, что ты не хочешь слушать мои извинения, но мне, на самом деле, жаль. Хотела бы я никогда не ранить тебя так.

— Я тоже должен извиниться.

— За что?

— Ну, знаешь, когда ты увидела меня с той девушкой? — знакомая желчь, которую я ощущала каждый раз, когда думала об этом, возвращается. — Я услышал, как ты говорила с кем-то в начале коридора, поэтому поцеловал ее, чтобы ты увидела это. Я хотел причинить тебе боль, и за это прошу у тебя прощения. Это было тупо и по-детски. Я выгнал ее из своей комнаты, как только услышал, что ты покинула коридор. Я просто хотел, чтобы ты увидела это, — он берет мое лицо в свои ладони, глаза отчаянно всматриваются в мои, будто он переживает, что я не прощу его. — Я больше ни к кому не прикасался. Я даже не хотел этого.

— Мы можем просто двигаться дальше? Забыть о боли и смотреть в будущее? — впервые я по-настоящему смотрю вперед и хочу впитать в себя это чувство, не оглядываясь

назад.

— Давай начнем прямо сейчас, — Дэн нежно целует меня, и я возвращаю ему поцелуй, позволяя своему рту и телу слиться с ним.

Мы занимаемся любовью, и впервые я получаю оргазм во время полового акта. В тот же самый момент, что и Дэн, и это настолько сильно объединяет нас, что я никогда не догадывалась, что так могут соединиться две души.

Позже я сворачиваюсь калачиком в его руках.

— Я люблю тебя. Не думаю, что говорила тебе это. Я люблю тебя больше, чем вообще могу выразить это.

— Я люблю *тебя*, Ханна, — Дэн целует меня в макушку. — Это так хорошо ощущается — наконец-то иметь возможность сказать тебе об этом и знать, что ты здесь, со мной, чтобы остаться рядом.

Это происходит. Это на самом деле происходит.

— И каждый об этом знает, — добавляю я. Больше никаких секретов. Я думаю, это станет моим новым девизом по жизни.

Дэн закидывает руку за голову, пока другой потирает мою спину.

— Итак, что дальше? На что похоже будущее Ханны Мэлоун?

— Понятия не имею, — говорю я мягко, пока впитываю в себя все это. Я осознаю, что вместо того, чтобы пугать, незнание опьяняет меня. Впервые в жизни мое будущее будет определяться *моим* выбором.

Этой ночью я сплю совсем немного, даже несмотря на то, что получила возможность спать в руках Дэнни, не переживая о времени. И я уверена, мне никогда это не надоест. Мысли о семье все еще отягощают меня, хоть я и понимаю, что сделала правильный выбор. Доказательство этому то, что я счастлива, но этого все-таки недостаточно.

Моя вера — это огромная часть меня, и прямо сейчас я нуждаюсь в Боге и спокойствии, которое мне может дать только Он. Мне нужно сходить в церковь. Я верю в Бога и в то, чему учит Библия, просто не так, как моя семья.

Я знаю несколько церквей поблизости, в которые могу сходить. Я просто буду продолжать посещать разные церкви, пока не найду ту, что подойдет мне. Я уверена, что найду ее.

Так быстро, как только могу, я выскальзываю из кровати и оглядываюсь вокруг в поисках своих вещей. У меня есть только то, что я надела на похороны, но придется обходиться этим до тех пор, пока я не попаду в магазин. В животе все трепещет. Наконец, я смогу выбирать сама, во что одеваться! Во мне возрастает оптимизм. Этот момент будет грандиозным.

— Что ты делаешь? — ворчит полусонный Дэнни, протирая глаза.

— Ничего, — шепчу я. — Спи.

Он с трудом разлепляет глаза, его волосы растрепаны. Он может быть еще более очаровательным с утра пораньше?

— Почему ты одеваешься?

— Я хочу сходить в церковь.

— Серьезно? — кричит он, вскакивая.

— Ага, но не в церковь, куда ходит моя семья. Я хочу найти свою собственную, которая подойдет мне.

Он скатывается с кровати.

— Я пойду с тобой.

— Нет, ты не должен. Спи.

Только потому, что это важно для меня, я не жду, что это будет также важно и для него.

— Я хочу.

Все еще полусонный, он копошится по комнате, собирая одежду, которую надевал вчера (скорее всего, потому, что это его единственный наряд, который подойдет для церкви).

Дэн направляется в сторону кухни.

— Мне нужен кофе.

Я указываю на диван.

— Садись. Я сделаю.

— Ты не обязана заботиться обо мне.

— Я знаю, но я хочу этого, — говорю я. — Не каждый день, — не могу сдержаться и добавляю, — но сегодня я этого хочу.

Дэн чмокает меня в губы.

— Ладно.

Он наблюдает за мной, пока я готовлю кофе, на его лице блуждает ленивая улыбка.

— Не могу поверить, что ты здесь.

— Привыкай.

За это я зарабатываю широченную улыбку. Я уже говорила, как сильно люблю его?

Как только он заправляется кофеином, то подскакивает на ноги и по дороге целует мою руку, которую сжимает в своей руке. Я делаю то же самое.

Церковь, в которую он меня приводит, находится достаточно близко, чтобы я могла доходить до нее пешком. Она намного больше той, которую я посещала, и мне это не очень нравится. Я предпочитаю близкие родственные чувства, которые вы ощущаете, когда каждый знает друг друга. К концу службы я определенно уверена, что это не для меня, но я приду сюда еще несколько раз, чтобы убедиться в этом. Не хочу судить о месте по первому впечатлению.

Я чувствую присутствие Бога вокруг себя, и что Он окружил меня ничем иным, как счастьем, настолько большим, что, думаю, могу взорваться от переизбытка. Я знаю, что Он рядом со мной в этом моем путешествии, и хотя моя семья может и не быть на моей стороне, у меня все еще есть Он.

На обратном пути Дэн едет другой дорогой, и когда появляются знакомые окрестности, я начинаю паниковать.

— Куда мы едем?

— Не злись.

Ой-ей. Из такого заявления не выйдет ничего хорошего.

— Тебе нужно сходить домой и повидаться со своими родителями.

— Зачем? Я не уверена, что они даже впустят меня.

— По крайней мере, они должны знать, что ты в порядке и в безопасности. Если бы ты была моей дочерью, то прямо сейчас я бы места себе не находил.

— Ага, ну, уверена, что твоей дочери не пришлось бы убежать.

Я позволю своим детям все, чего бы или кого бы они ни захотели. Захотят они стать монахами и жить в аскетичных условиях? Замечательно. Жить бомжами на пляжах на Гавайях? Пока они будут счастливы, меня это не будет беспокоить.

— Мне нравится ход твоих мыслей, но откуда тебе знать? И давай предположим, что она бы это сделала. Разве ты бы не надеялась, что она вернется?

В этом есть смысл.

— Только не оставляй меня одну, хорошо?

— Я это и не планировал. Я не доверяю твоему отцу.

Не уверена, что и я теперь ему доверяю.

Напротив нашего дома припаркованы машины. Должно быть, все, как обычно, собрались на обед.

Не уверена, хорошо ли то, что здесь сейчас вся моя семья, или это сделает все только хуже.

Дэн паркуется около соседнего дома, там, где есть свободное место. Я не выхожу, поэтому он обходит машину, чтобы открыть мою дверь, и протягивает мне руку.

— Я здесь, с тобой. Ты не одна.

— Мне страшно, — признаюсь я.

Он дарит мне смущенную улыбку.

— Если честно, мне тоже.

Я беру его за руку, позволяю ему вытянуть меня из грузовика и беру его под руку. Он

целует меня в лоб.

— Мы есть друг у друга. Все остальное наладится.

Он прав.

Я вцепляюсь ему в руку мертвой хваткой, и мы направляемся к моему дому.

Я с неохотой отпускаю его руку, когда мы достигаем двери.

— У них достаточно причин, чтобы злиться на...

— Я понимаю. Всему свое время, — Дэн звонит в дверной звонок, что хорошо, поскольку мне не хватает на это мужества.

Лорен открывает дверь, и я подготавливаю себя к материнской лекции. Но вместо этого, к моему удивлению, она сжимает меня в объятиях.

— Я так за тебя переживала. Больше не пропадай так, хорошо? Если придется, сможешь остаться у нас с Полом.

Это первый раз, когда я вообще слышу от нее такую искренность.

Я могу только кивать.

Она тянет меня внутрь, продолжая обнимать, при этом осматривая с головы до ног.

— Ты спала в этой одежде? — прежде, чем я успеваю ответить, она замечает Дэна. Ее рот открывается, но вместо нее слышится голос моего отца.

— Кто вы?

Отец отталкивает Лорен в сторону, разъединяя нас, пока осматривает Дэన్ని.

Дэн протягивает свою руку.

— Дэниел Шепард.

Отец игнорирует протянутую руку Дэна.

— Меня не волнует, как вас зовут. Я хочу знать, какого черта вы делаете рядом с моей дочерью?

Дэన్ని сжимает челюсть. Я знаю, он ненавидит моего отца, но пытается оставаться вежливым.

— Ну, сэр, ее нужно было подвезти сюда.

— Я ее отец, я мог приехать за ней сам. Откуда вы двое знаете друг друга?

Нас прерывает мама, которая громко вздыхает, пока спешит к нам, распихивая всех в стороны. Она обнимает меня.

— Ох, Ханна, я так переживала. Я была уверена, что с тобой случилось что-то ужасное, и я никогда больше тебя не увижу.

— Я в порядке, мам. Я была у Сэм, — я впервые называю ее сокращенным именем при них, и это восхитительно.

— Я говорила вам, — усмехается Лорен.

— Не сейчас, — нервно говорит мама и отходит в сторону. — Входите.

Дэన్ని двигается следом за мной, но отец вытягивает руку, останавливая его.

— Ни за что.

— Без него я не войду.

— Ну, а я его не впущу.

Я так же, как и он, упорно стою на своем.

— Пожалуйста, Марв, — умоляет мама. — Я не хочу и в эту ночь снова не знать, где находится мой ребенок.

— Он может подождать снаружи, — по-прежнему стоит на своем отец.

— При всем моем уважении, сэр, — уважительно отвечает Дэн с командной ноткой в

голосе. — Но она ногой не ступит в этот дом без меня.

Грудь моего отца вздымается.

— Парень, у тебя нет права ставить такой ультиматум. Она *моя* дочь.

— Мне все равно, — заявляет он. — Я видел, как вы проявляете эту свою, по вашему мнению, любовь. Я здесь для того, чтобы убедиться, что *такого* не произойдет.

Мой отец в гневе, злость прямо волнами исходит от него.

— Она не нуждается в телохранителе. Я ее отец и могу вести себя с ней так, как сочту нужным.

— Больше нет.

Они стоят практически грудь к груди, и я становлюсь между ними.

— Если ты не позволишь нам войти, тогда мы можем поговорить снаружи, — я машу рукой в сторону двора. Миссис Фиклер из дома напротив уже шпионит за нами через свои жалюзи.

— Хорошо, — выдавливает отец, отодвигаясь в сторону и оставляя минимальное количество места, чтобы мы могли пройти мимо.

У меня чешется рука от желания сжать руку Дэнни, но я понимаю, что лучше этого не делать. Когда-нибудь, но не сегодня. Я не хочу, чтобы у моего бедного папы был сердечный приступ. Он уже выглядит так, будто на полпути к этому.

Челси собирает детей и ведет их поиграть на задний двор, пока мы все рассаживаемся в гостиной.

Мои родители садятся с одной стороны, я занимаю место напротив них, Дэнни садится рядом. А Лорен направляется в мою сторону. Конечно, она поступает именно так, скорее всего она собирается тоже ругать меня.

— Лорен, — приказным тоном говорит отец, — это будет приватный разговор.

— Извини, папа, но я остаюсь, — она хватает меня за руку и слегка сжимает ее. — Ради Ханны. Ей нужен кто-то, кто на ее стороне.

Взгляды, устремленные на нее, совершенно ошеломленные.

— Мы обсудим это позже, — строго говорит наш отец, но Лорен не отступает, как сделала бы это я. Она всегда была сильнее меня.

Отец сразу переходит к делу.

— Я поговорил с Нельсонами, они понимают, что для тебя эти недели были тяжелыми. Смерть миссис Фрайзер и все эти свадебные хлопоты в последние несколько месяцев. Они согласны закрыть глаза на этот маленький инцидент.

Я вздыхаю. Сколько времени уйдет у нас на эти разговоры, прежде чем до него дойдет?

— Я сказала тебе вчера, папа...

— Нет, — перебивает он. — Подумай, прежде чем ответить. Я не так тебя воспитывал.

Он прав, не так, но это ничего не изменит.

— Я пришла, чтобы сказать вам, что останусь у Сэм. У вас есть ее номер телефона. Вы сможете позвонить в любое...

— Ни в коем случае, — снова перебивает меня отец. — Ты живешь здесь.

— Пап, пожалуйста, выслушай меня.

— Ты выйдешь за Джоша?

— Нет.

— Тогда мне нечего слушать.

Черт, он упертый.

— Ты опозорила этот дом, нашу фамилию.

Возможно, именно так он все и видит, и некоторые люди из нашей церкви могут также расценить это, но это не моя забота. Вы никогда не должны позволять мыслям других людей определять вас и ваше счастье. Я рада, что поняла это раньше, а не позже.

Я в отчаянии скидываю руки и хлопаю ими по бедрам.

— Полагаю, мы зашли в тупик. Ты хочешь для меня ту жизнь, которую я не хочу...

— Уважаемый человек...

— Перестань меня перебивать! — огрызаюсь я, и на лицах всех присутствующих отражается шок. — Я люблю тебя. Я люблю маму. Люблю своих родственников. В моем сердце и в жизни всегда будет место для Бога, но это будет не твой путь. Это будет *мой* путь. Мои условия, моя жизнь.

— Из всех моих детей с тобой всегда было проще всего, — бормочет мой отец. — Но сейчас? Ты — наш позор.

— Это отстойно, пап...

— Ханна, — потрясенно вздыхает мама. — Следи за языком.

— Ну, это так и есть, и я надеюсь, что придет тот день, когда вы сможете принять мой выбор, но до тех пор, — я встаю, чтобы уйти, этот разговор истощил меня, — я на связи.

— Ты не уйдешь, — рявкает мой отец.

— У меня нет выбора. Не тогда, когда или по-твоему, или никак.

— Пожалуйста, Ханна, — умоляет меня мама. — Обдумай все хорошенько.

Я устало вздыхаю.

— Поверь мне, я подумала. Ты думаешь, я хочу причинять боль своей семье?

Отец машет рукой в направлении двери.

— Просто уходи, — говорит он, сторбившись на своем месте.

— Марв, — умоляет мама, ее взгляд мечется между нами. Я вижу, как она разрывается, и я ей сочувствую.

— Она сделала свой выбор.

По моему отцу не скажешь, что он разделяет это сочувствие к ней.

— У тебя есть номер Сэм, — напоминаю я ей. — Позвони мне.

Я знаю, она не позвонит, не без одобрения моего отца, которое, я знаю, он никогда не даст.

— Я знал, что мне никогда не следовало позволять тебе общаться с этой хулиганкой, — со злостью говорит отец через всю комнату.

В этот раз я не могу оставить это просто так. Мне надоело никогда не заступаться за Сэм.

— Ты даже ее не знаешь. Она спасла *меня*.

— Иисус спасает тебя!

— Я знаю, пап, но люди тоже могут спасти.

Шепарды этому доказательство.

Мне больше нечего ему сказать, и я понимаю, что пришло время уходить. Лорен провожает нас к выходу и обнимает меня.

— Я, правда, имела это в виду. Если тебе что-то понадобится, ты знаешь, где я живу.

Я получаю ту любовь, которую никогда не думала, что она испытывает.

— Спасибо, — благодарю я от чистого сердца.

Я стараюсь не расстраиваться, что мама не подарила мне, по крайней мере, объятие.

Как только мы выходим наружу к грузовику Дэнни, я выпускаю один большой выдох и падаю на свое сиденье, полностью опустошенная.

Дэн берет мою руку.

— Ты в порядке?

— Я на пути к этому.

— Черт, а твой отец упертый.

Так и есть.

— Я горжусь тобой.

— Спасибо, я тоже немного горжусь собой.

Он целует мою руку.

— Ты и должна.

Мы пристегиваем свои ремни безопасности, и я поднимаю вопрос о нашем следующем завоевании.

— Ты же знаешь, да, что еще мы должны сделать?

Дэн заводит мотор.

— Что?

— Поговорить с Сэм.

— Ага. Думаешь, она попытается вести себя жестко?

— С тобой? Да, — я смеюсь. — Ты создал этот прецедент, помнишь?

Он съезживается.

— Я вел себя довольно лицемерно, — он сканирует мое тело опаляющим взглядом, и я сдуваюсь. — Но прежде я хочу тебя в своей постели.

И я не собираюсь спорить с ним.

К нашему полному удивлению, мы замечаем припаркованный возле дома рабочий грузовик Тэга.

Дэн поворачивается ко мне со скептическим взглядом.

— Ты знала об этом?

— Неа.

Он берет меня за руку, и мы осторожно открываем входную дверь, не уверенные, чего ожидать.

Здесь вся банда, они смеются и смотрят телевизор.

— Чувак! — восклицает Прайс. — Марафон «Крепкого орешка»! Вы все пропустили Китайская еда уже едет.

Никто даже не замечает и не обращает внимания на наши соединенные руки.

Мы приподнимаем брови, глядя друг на друга.

Сэм сидит в объятиях Тэга в кресле и поит его пивом. На кофейном столике стоят открытые банки шипучки и пива, конденсат стекает по ним вниз на столик.

Мы по-прежнему проявляем осторожность, когда занимаем свои места. Я замечаю, что Сэм смотрит на наши руки, которые все еще соединены вместе. Дэн лениво обвиняет меня рукой.

Я пытаюсь привлечь внимание Сэм, но она игнорирует меня, притворяясь, что смотрит фильм, но я знаю, что это не так.

— Ты ненавидишь меня? — спрашиваю я мягко.

— Немного.

Она больше ничего не говорит, и ее слова подталкивают меня к дальнейшим действиям.

Я жую губу, пока продолжаю пялиться на нее, пытаюсь найти идеальные слова, чтобы что-то сказать.

Она говорит, глядя в телевизор:

— Ты дала обещание.

У меня сводит живот.

— Я знаю.

— Почему ты не сказала мне?

— Я так долго об этом мечтала, что думала, что все это слишком хорошо, чтобы быть правдой. И, если честно, я даже не думала, что из этого вообще может что-то выйти.

Она наконец-то обращает на меня свое внимание, и от взгляда ее светло-голубых глаз я начинаю желать, чтобы она продолжала смотреть телевизор.

— Все равно, тебе следовало рассказать мне.

— Ага, — соглашаюсь я. — Следовало.

— Он позвонил мне прошлым вечером и все объяснил.

— Он сделал это? Когда?

Дэн тянется к своему пиву.

— Ты спала.

Я перевожу на него взгляд, чтобы тут же осознать, что все в комнате слушают нас, пока на экране телевизора идет реклама зубной пасты.

— Что ты сказал?

Дэн делает глоток своего напитка.

— Это личное.

Мой рот открывается, и я тыкаю себе в грудь.

— От меня?

Он небрежно пожимает плечами, будто я не умираю от того, как сильно хочу об этом узнать.

— Ага, — подкальывает меня Сэм. — Это личная брат-сестра фигня.

— Вы не хотите рассказать даже *мне*?

Сейчас она пользуется тем преимуществом, что я так явно хочу об этом знать.

— Неа.

Пффф. Я скрещиваю руки на груди и притворяюсь, что увлечена фильмом.

Сэм наклоняется ближе к моему уху.

— Он тебя любит.

Я улыбаюсь.

— Это он сказал тебе?

Она ухмыляется, начиная ликовать, что может шантажировать меня.

— Помимо всего прочего.

— Ты вообще собираешься рассказать мне об этом?

— В свое время. Я чувствую, что это мое возмездие тебе за то, что ты мне не рассказала.

Справедливо, но я все еще дуюсь, когда возвращаюсь к просмотру фильма.

— Я скажу тебе только одно, — Сэм улыбается, и ее улыбка дает мне понять, что она на самом деле рада за нас. — Каждый человек заслуживает, чтобы у него был кто-то, кто будет любить его так же сильно, как любит тебя Дэнни.

— Могу поспорить, что я люблю тебя сильнее, — спорит Тэг и целует Сэм.

— Сомневаюсь, — усмехается Дэнни.

Тэг двигается, будто собирается встать.

— Одержу победу я.

Дэн поднимается вместе с ним.

— Попробуй.

Они толкают друг друга с разных концов дивана, пока пиво Сэм не проливается ей на руку, и она кричит на них, чтобы они прекратили это. Они смеются и падают обратно на диван.

— Кроме того, — она соединяет наши руки, — что может быть лучше, чем заполучить в сестры свою самую лучшую подругу?

Меня накрывает счастье, и даже несмотря на то, что я не спешу выйти замуж, я знаю, что нашла того, с кем хочу провести всю свою жизнь.

Я прижимаюсь к Дэнни так, как всегда мечтала, и оглядываю всю свою семью, понимая, что я именно там, где и должна быть.

Дэнни просовывает голову в мою комнату для шитья.

— Мы опоздаем.

Я продолжаю работать, отвечая ему:

— Я знаю, я уже почти закончила.

— Ты сказала то же самое двадцать минут назад.

Он прав, сказала. Я просто так поглощена своей работой, что потеряла счет времени.

— Ладно, — я с неохотой поднимаюсь и долго смотрю на топ, который практически закончила.

На выходных, после того как я ушла от своих родителей и переехала жить к Шепардам, Дэнни очистил часть дома и удивил меня швейным уголком. Машинка была старой и так долго использовалась, что я тратила столько же времени на починку, как и на ее использование, но я влюбилась в нее. И я до сих пор пользуюсь ею в те моменты, когда на меня находит ностальгия. С того самого момента, когда я заполучила ее, я стала одержима воплотить свои наброски в жизнь. У меня даже появился весьма успешный интернет-магазин, точно такой, как и предсказывал мне Дэн. Я понятия не имела, что существует так много женщин, которые заинтересованы в более скромных, но стильных нарядах. Конечно, это не тот вид скромности, который принимают мои родители, но мои дизайны никогда не открывают декольте, и все платья и юбки всегда прикрывают колени. Даже в местной газете писали обо мне и о том, что мои работы «современные, но при этом сохраняют дух сороковых и пятидесятых годов». Дэн с гордостью вывесил эту статью в своем кабинете.

Мы с Дэнни поженились, и благодаря его бизнесу по ландшафтному дизайну и моему интернет-магазину нам удалось купить дом, в котором мне была предоставлена моя личная комната. Это позволило мне работать усерднее, и сейчас у меня даже есть несколько портних, которых я наняла себе в помощь.

Я выхожу на улицу следом за Дэнни, и он останавливается, чтобы поцеловать меня, прежде чем запереть входную дверь.

— Детей я уже усадил.

Окна в машине опущены, и я могу видеть нашу тринадцатилетнюю дочь Фэйз (*Примеч.: Faith в переводе с английского языка означает «вера»*), которая родилась третьей по счету; она сидит, уткнувшись носом в книгу. Так она ведет себя с тех пор, как научилась читать в детском саду. Иногда я переживаю о том, что она пропускает слишком много в своей жизни, пока читает про выдуманную жизнь.

Наша восьмилетняя дочь Элис прыгает на своем сиденье. Она ненавидит сидеть на месте. Ее светло-голубые глаза встречаются с моими.

— Мам, поехали. Я умру прежде, чем мы приедем на игру!

Я смеюсь, когда запрыгиваю в наш джип, и Дэнни везет нас к старшей школе, где у нашего старшего сына Сэмюэля будет первая игра сезона. Наша вторая по рождению дочь, Хэйвен, уже там, она приехала вместе со своей лучшей подругой Карен, дочерью Прайса.

Так и есть, у нас четверо детей. Как только родился первый ребенок, и я испытала безграничную любовь и счастье, которое может подарить малыш, я знала, что хочу еще дюжину таких же. Мы остановились на четверых.

Прохладный ветер врывается в открытые окна, и я распускаю свой хвост. Сейчас мои волосы доходят только до груди, так что они не слишком короткие, но и не так сильно отягощают меня. Мне нравится ощущать, как ветер из окна развеивает их и сдувает мне на лицо.

Как только двигатель затихает на парковке, Элис выпрыгивает наружу и бежит к полю. Фэйз следует за ней, каким-то образом она способна одновременно идти (обычно она ездит на машине) и читать.

Трибуны уже почти заполнены, и я прикрываю глаза от солнца, пока осматриваю толпу.

Сэм машет рукой над своей головой, чтобы мы с Дэнни смогли заметить ее в толпе.

Мы пробираемся к своим местам, где вся компания уже ждет нас.

— Осторожней, — посмеивается Дэнни за моей спиной. Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть, как Дэн придерживает Фэйз за руку, предотвращая ее падение прямо между проемами на трибуне. Она невозмутимо продолжает читать.

Мы занимаем свои места рядом с Сэм и Тэгом. Я замечаю Элис, бегающую вверх вниз по ступенькам со своей лучшей подругой Тьюсдей, которой посчастливилось быть дочерью Норда и унаследовать такие же огненно-красные волосы, как у него. Он познакомился в Вегасе с девушкой, в тот же выходной женился на ней и с тех самых пор они счастливы вместе. Также у них есть старший сын, который состоит в одной бейсбольной команде с Сэмюелем. Они сидят впереди нас с близнецами и их женами. Их сыновья тоже на поле, также здесь Джерри, наблюдает за своим сыном, но они с женой в прошлом году развелись.

— Где Хэйвен? — спрашиваю я Дэна, оглядываясь вокруг.

— А ты как думаешь где? — он кивает в сторону скамейки запасных, естественно, где и находится наша пятнадцатилетняя дочь. Все говорят, что она моя точная копия до тех пор, пока дело не доходит до ее личности; она родилась сверх непоседливой и непослушной. В данный момент она флиртует с командой, в частности, с сыном Мэддокса, Ризом. Риз его единственный ребенок (ну, единственный, о котором он знает). Мэддокс все еще бабник; и будто в доказательство этому, он неподалеку от нас флиртует с чьей-то бедной, незащищенной мамой, которая поглощает все его внимание. Риз идет по его стопам, и Сэмюелю уже пришлось предупредить его держаться подальше от сестры, но мы все знаем, как это работает.

Это заставляет меня задуматься о нас с Дэнни. В конце концов, я узнала, что именно Дэнни сказал Сэм. Однажды вечером я схитрила и напоила ее вином. Она рассказала, что, в основном, он говорил о том, что чувствовал каждый раз, когда я входила в комнату. И что эти чувства делали с ним каждый раз, когда я находилась рядом с ним, и что он почувствовал, когда я выбрала жизнь с ним. Она не вдавалась в детали, но и этого было достаточно, чтобы я растаяла, будто это был жаркий летний вечер, а не холодный вечер февраля.

Игра началась, и Сэмюель вместе с Дэниелом бросились в схватку. Дэниел первый ребенок Сэм и Тэга. Они родились с разницей в четыре дня, и с тех пор неразлучны. Оба унаследовали яркую внешность от своих отцов, которая привлекает к ним внимание, куда бы они ни пошли.

Сэмюель разворачивает свою кепку козырьком назад. Он получил свою первую кепку от своего деда, когда ему было два года, и носит ее до сих пор.

Риз впервые будет на позиции с битой, поэтому он в стороне разрабатывает свои удары. Краем глаза я замечаю, как Фэйз, выглядывая из-за книги, подглядывает за ним, и на ее

идеальной коже расцветает ярко-алый цвет.

Я толкаю Дэнни, который оборачивается с хмурым взглядом.

— Этого никогда не произойдет.

— Мне было столько же лет, когда я влюбилась в тебя, — напоминаю я ему.

С его губ срывается рык.

— Не могу поверить, что ты была такого же возраста, как сейчас они, когда я впервые захотел тебя. Наши дочери выглядят такими молодыми. Я был долбанным извращенцем.

Я смеюсь.

— Ну, ты ничего не предпринимал по этому поводу.

Он ворчит:

— Ага, но, черт возьми, с уверенностью могу сказать, что думал об этом.

Хмм, он прав. Возможно, мне следует немного больше переживать об этом.

Джерри бормочет нам сквозь зубы:

— Не смотрите сразу, но здесь твои родители.

Я резко поворачиваю голову в ту сторону, куда смотрит он, и, естественно, они там. На днях я звонила им и приглашала на игру, но они нашли какую-то отговорку. Полагаю, они поменяли свое решение.

Я машу им. Отец не реагирует, но мама улыбается.

Они не сидят рядом с нами. Они никогда не примут тот факт, что я выбрала в мужья Дэнни и людей, с которыми мы общаемся, но с тех пор, как у нас появились дети, они стараются быть немного большей частью моей жизни. Это все еще причиняет мне боль, но, по крайней мере, они не относятся к моим детям, как к прокаженным. Они даже приглашали нас погостить у них на Рождество. Хотя я близка со своими сестрами и их семьями, так что, по крайней мере, у меня все еще есть это.

К сожалению, Энжи была с нами недолго. Она умерла от рака легких через несколько лет после нашей с Дэнни свадьбы. Это было тяжелое время для Шепардов. Дэнни было тяжелее всего пройти через все это. Для него год ее лечения прошел очень тяжело, и тяжелые времена продолжились и после ее смерти, но от этого мы стали только сильнее. Дэнни отправился увидеться со всеми своими парнями и их семьями, попросив их помочь нам, чем они смогут, заставив нас еще больше осознать, насколько важную часть они все занимают в нашей жизни. А также и то, что семья не всегда связана одной кровью. После ее смерти он больше не курит и одержимо проходит обследования, временами просыпается в холодном поту из-за страха, что с ним произойдет то же самое.

— Это дико, как сильно Сэм и Дэн похожи на Дэнни и Тэга в их возрасте, — замечает Сэм, наблюдая, как они подают друг другу сигналы через все поле.

— Так и есть, — соглашаюсь я. Они практически точные копии своих отцов.

Я замечаю, как Хэйвен и Фэйз продолжают наблюдать за Ризом. Плохой знак.

Я проверяю взглядом Элис, которая до сих пор счастливо бежит поблизости вместе с Тьюсдей.

Дэнни наклоняется вперед, облокотившись локтями о колени, он полностью поглощен игрой. Когда игра закончится, они с Сэмюелем с одержимостью станут обсуждать всю игру, хорошие и плохие моменты.

Улыбка остается на моем лице, пока я наблюдаю за новым поколением игроков. Не могу сдержаться и не подумать о миссис Фрайзер, и о том, что после всего, через что мы прошли, мой сосуд переполнен радостными моментами.

Я делаю глубокий вдох и чувствую, что воздух уже наполняется теплом. Я с нетерпением ожидаю наступления лета, ведь вместе с ним наступит мое любимое время в году — летние ночи.

**** КОНЕЦ ****

Больше книг на сайте - Knigolub.net